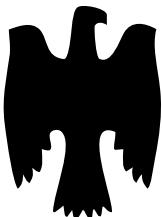

Александр Сальников

Революция²

Книга вторая
НАЧАЛО

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательство «Этногенез»
Москва, 2013

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2013

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С25

*Книга издана при поддержке
деловой газеты ВЗГЛЯД, ДНИ.РУ, RUSSIA.RU*

Сальников, А.
С25 Революция 2. Книга вторая: Начало / Александр Сальников — М.: Издательство «Этногенез», 2013. — 272 с.

1916 год. Измученная войной Российская империя на пороге новых потрясений. Английские Хранители и петроградские масоны, британская разведка и царская охранка — от этих сил зависит исход войны. Каждый шаг может изменить будущее. Могущественные артефакты ложатся на чашу весов истории — пророческие видения Николая II, убийство Григория Распутина, таинственная сила, вознесшая Александра Керенского на вершину власти. Герои романа вовлечены в водоворот событий, которые закончились крахом империи в безумные дни февраля 1917 года. Преодолеть паутину заговоров и хитросплетения обстоятельств удается не всем. Февральская революция свершилась. До октябряского переворота осталось несколько месяцев...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С25

ISBN 978-5-906338-08-2

© Рыков К., 2013
© Сальников А., 2013
© Издательство «Этногенез», 2013

ЧТО ТАКОЕ «ЭТНОГЕНЕЗ»?

Почему, по убеждению Артура Кларка, магия и технология неотличимы?

Почему человек начал искать пути к достижению будущего, лишь обретя прошлое?

Какими путями осуществляется развитие человечества, какие средства используются?

Как удается простому кочевнику покорить полмира, а никому неизвестному лейтенанту-артиллеристу стать императором и кумиром миллионов?

Нищий художник-неудачник вдруг открывает в себе дар убеждения необычайной силы и взмывает к вершинам власти. Но этот дар направлен во зло, и что сумеют противопоставить ему те, кого новый вершитель судеб обрекает на смерть?

Откуда приходят в наш мир воины, политики, ученые, художники, писатели, которым суждено не просто оставить след в истории, а изменить ее ход? Жестокие диктаторы, безудержные авантюристы, фанатичные террористы и гениальные философы — чем отличаются они от обычных людей?

Возможно ли разгадать тайну их «сверхспособностей» — феноменальную память, необычайную выносливость, выдающуюся силу, а порой и просто откровенно мистические свойства?

Выдающийся историк-этнограф Лев Гумилев в поисках ответов на эти вопросы разработал теорию пассионарности, основу которой составляет идея об избыточной биохимической энергетики тех, кому суждено перевернуть мир.

Литературный сериал «Этногенез» продолжает и развивает идеи выдающихся ученых А. Кларка и Л. Гумилева. «Этногенез» — это оригинальная версия эволюции человечества, и лучшие современные авторы-фантасты представляют на суд читателей свои романы-объяснения.

Легенда гласит, что развитие человеческой расы направляет и ускоряет некая «пассионарная» энергия, существующая в виде магических артефактов — тотемных фигурок из неизвестного металла. Известно, что эти фигурки становились бесценными амулетами, попадали на гербы, делаясь родовыми знаками, и за ними велась напряженная, ни на миг не прекращающаяся охота, в которой все средства хороши.

Люди — случайные или избранные — завладев одной либо несколькими подобными фигурками, получают возможность влиять на течение собственной жизни, воздействовать на окружающих и даже на ход исторических процессов.

Человек, в зависимости от конкретного свойства фигурки, может стать бессмертным, невидимым, понимать все языки мира, проходить через стены, видеть будущее... Перед ним раскрываются захватывающие дух возможности, которые он волен использовать по своему усмотрению.

Тайна фигурок строго хранится. Но существуют «намёки», сообщающие о том, что перед нами владелец предмета. Отличительный признак — разноцветные глаза (зеленый

и голубой). Именно эта особенность позволяет людям, причастным к магическим фигуркам, узнавать друг друга. Однако не все этому рады. В ход идут всевозможные ухищрения — темные очки, контактные линзы и даже «пиратские» повязки на глаз...

Артефакт действует только при соприкосновении с телом человека. Например, если зажат в руке или висит в виде амулета под одеждой. Нелегкая судьба заставляла некоторых владельцев прятать фигурки и под кожей, и внутри тела. На любые жертвы готов порой пойти владелец, лишь бы сохранить у себя предмет, дающий преимущество над «простыми смертными».

Для беспокойства владельцев есть много причин. Одна из главных — целые сообщества людей, чья цель — сбор предметов и контроль над ними. Это так называемые Хранители. Духовные ордена, масонские ложи, криминальные группировки — любые организации могут быть для них прикрытием. Изначально благородные цели Хранителей — собирать предметы, чтобы оградить мир от потрясений, случись магическим фигуркам попасть в дурные руки — потерпели крах. Ничто человеческое оказалось не чуждо им тоже.

Для сбора предметов Хранители прибегают к помощи Охотников — людей, способных находить магические артефакты. Гениальные сыщики и отъявленные головорезы порой действуют бок о бок, выполняя задания Хранителей. Но не каждому из них, раздобыв заказанный предмет, удается избежать искушения сделаться новым владельцем.

Действие литературного сериала «Этногенез» происходит в самых разных местах и эпохах. Скитания пещерных людей,

величайшие битвы античного мира, расцветы и падения империй. Пиратские приключения в карибских водах, сражения могущественных армий, кровавые революции. Компьютерные вирусы, мировые катаклизмы, освоение глубин земли и далекого космоса — везде, где есть человек, творится История.

Для перемещения сквозь пространство и время герои используют линзы — особые порталы, история создания которых, точное количество и места расположения пока неизвестны. Линзы, как правило, охраняют таинственные существа — «хихикающие демоны».

Обычный человек, попадая в линзу, не знает, где и когда он выйдет из нее. «Управлять» линзами способны лишь Странники — люди, путешествующие во времени и пространстве с определенными целями.

Помимо людей на Земле существует раса так называемых Прозрачных — инопланетная цивилизация с собственными интересами и задачами. Как правило, они стараются находиться рядом с магическими артефактами.

Все книги проекта связаны между собой. Собранные воедино, они раскрывают перед читателем захватывающую картину человеческой истории. Как зародилась разумная жизнь, как она развивалась и есть ли у нее шанс на выживание — об этом и рассказывает «Этногенез».

ПРОЛОГ

Царское Село, Александровский дворец, 21 февраля 1916 года

За окном выли собаки. Их надсадный плач изводил Николая. Забирался в голову. Резал под веками белой болью.

Император потер виски.

Британский посол уже, должно быть, пил в ожидании третью порцию виски. Николай все не мог встать. Не мог выбраться из уютного кресла. Кот манил государя.

Проклятая фигурка лежала на столе. Дразнила надеждой. Сожми артефакт в кулаке — и все будет иначе. Твои труды не пропадут даром. Не будет больше комнаты с низким потолком. Не будет желтых обоев в полоску. Не будет хрипов умирающей семьи. Стеклянного взгляда Аликс. Пятен крови на полу и плаТЬе.

Скулы свело. Государь стиснул зубы и шумно задышал.

Рука потянулась к фигурке.

— Ну же, — прошептал Николай. — Прошу! Я так старался, прошу тебя!

Холодный металл коснулся кожи. Император на миг защмурился. Под веками вспыхнуло алое и...

Государя швырнуло на пол комнаты. Кто-то в мохнатой папахе склонился над Николаем и взметнул трехлинейку, целя штыком в грудь.

Где-то справа истошно закричала Аликс.

Государь захлебнулся ужасом. Раньше видения появлялись беззвучно, будто картинки синематографа. Теперь кошмар обрел не только цвет, но и звук.

Щелкнул затвор.

Раздался надсадный кашель и хриплый голос произнес:

— Кончайте их уже...

Император скорчился на полу, дико закричал и...

Вновь оказался в кабинете.

— Ники? — в дверях стояла Аликс. — В чем дело? Тебя все заждались!

— Да-да, — украдкой пряча Кота в нагрудный карман белоснежного мундира, сказал государь. — Иду. Бьюкенен уже здесь?

— Он прибыл вместе с синематографистами. — Супруга настороженно смотрела на Николая. — Тебе дурно, Ники?

— Пустяки, — отмахнулся Николай. Привычная маска дружелюбия и спокойствия уже скрыла терзающие государя мысли. — Подарки готовы?

— Все в порядке. — Императрица потрепала мужа по щеке. — Золотой портсигар для капитана Бромхеда и три пары часов для господ из «Гомона».

— В таком случае — идем, дорогая. — Николай нехотя поднялся и вышел из кабинета.

Машинально кивая отдающим честь военным и лучезарно улыбающимся дамам, император вошел в ложу заполненного до отказа дворцового кинотеатра.

— Его императорское величество, император и самодержец Всероссийский, — торжественно объявили снизу.

Николай выглянул на мгновение в партер, и зрители тут же разразились овацией.

Отзвучали последние аккорды гимна, и в зале наконец-то погасили люстры.

Белый экран засветился. Пробежали обратным отсчетом цифры, и поперек полотна простило затейливой вязью: «Англия в Великой войне». Демонстрация началась.

Черный автомобиль вез Георга V вдоль ликующих полков, шеренгами тянувшихся до самого горизонта. «Снайпы» и «Трипланы» резали небо спиральюми и восьмерками. Спускались на воду величественные линкоры. Государь смотрел на экран невидящими глазами. Все его мысли были о Коте.

С начала войны Николай не расставался с подарком Милого Друга. Смутные и обрывочные видения со временем обретали все большую силу и глубину. Чаще других приходили картины зверского убийства. Николай со всей семьей неизменно погибал в незнакомой комнате от рук заговорщиков.

Бывало, Кот показывал Николаю и другие события. Григорий, впервые выслушав путаную речь государя, покачал патлатой головой и молвил:

— Видать, помогает тебе котик, подсказывает. Ты сделай, как он хочет, папа. Тогда, глядишь, и сгинут убивцы. Не увидишь ты своей желтой комнаты боле.

Государь делал. Подчинялся Коту. Плясал под его дудку, как загнанная гамельнским крысоливом крыса. Кровавые образы будущего отступали на время, но возвращались с новой силой. Становились глубже, четче, отчаянней.

— Ники, — супруга вырвала Николая из раздумий. — Лента закончилась. Тебе пора на сцену.

Император провел ладонью по лицу и растянул губы в гуттаперчевой улыбке.

— Впечатлен! Весьма впечатлен! — повторил Николай, переложив с подноса в руки счастливому синематографисту последний подарок. — Картины эти, безусловно, имеют большой общественный интерес, дамы и господа! Демонстрация их

среди русских войск для ознакомления с действиями союзной Англии будет крайне полезна!

Государь замер. Ему показалось, что Кот в нагрудном кармане кителя шевельнулся.

— Нашего великого помощника в ратном деле, — продолжил Николай, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие. — Превратившегося из миролюбивой страны в сильный арсенал и военный лагерь!

Боль острыми иглами пронзила грудь императора. Казалось, это Кот запустил когти прямо в его сердце.

— Я убежден: ленты, привезенные капитаном Бромхедом, будут не только интересны на фронтах... — слова трудно давались императору. Он едва сдерживал желание вытащить из кителя фигурку и сжать в кулаке, — но произведут фурор и в столице. В одном из Императорских театров, — все же закончил Николай.

Чувствуя, как стекает с лица резиновая маска дружелюбия, спешным шагом покинул залу.

В кабинете по-прежнему слышался изнуряющий вой собак. На неверных ногах государь прошел к столу. Ослабшими пальцами вынул фигурку из кармана.

— Перестань играть со мной! — взмолился Николай и стиснул Кота в ладони...

Ледяная волна накрыла императора с головой. Сердце замерло и тут же отчаянно затрепыхалось. Ноздри и горло заполнила морская соль и вонь мазута. Темень обступила со всех сторон. Лишь наверху она переходила в серую мглу.

Николай замолотил руками и ногами, потянулся к свету и вынырнул.

Что-то сокрушительно грохнуло прямо перед государем. Ударило по перепонкам. Оглушило. Волна подбросила его тело, и Николай увидел надвигающуюся громадину крейсера.

На борту его белыми размашистыми буквами значилось «Зейдлиц».

Пушечные жерла плонули огнем еще раз. Государь повернул голову, вытянул шею. Гибнущий корабль он узнал сразу. Только что Николай видел на экране, как «Куин Мэри» спускают со стапеля. Теперь же на палубах линкора бушевал пожар. Раскуроченные орудийные башни молчали.

«Зейдлиц» синхронно повернул орудия. Но выстрелить не успел.

Справа расцвели гирлянды залпа. Студеное море накрыло звуками канонады. Сквозь серую хмару простили очертания идущих боевым порядком крейсеров.

«Зейдлиц» содрогнулся. В воздух полетели обломки. Гигантское облако черного дыма уперлось в низкое небо. Мачты крейсера сложились внутрь, форштевень зарылся в волны, ярко-красным огнем вспыхнула корма, и корабль полностью скрылся под водой.

Над пришедшей на помощь эскадрой трепыхались андреевские флаги...

Николай схватился за ворот и часто задышал. Что-то неуловимо изменилось вокруг.

Государь прислушался — кабинет наполняла тишина. Проклятые собаки наконец-то угомонились. Николай снял насеквоздь мокрый от пота китель и дернул за витой шнур колокольчика.

— Ваше величество? — заглянул в комнату флигель-адъютант.

— Сазонова и Григоровича ко мне, — приказал император. — Немедленно!

Дверь затворилась. Николай вытащил из-под недочитанного томика «The woman in a motor car» лист бумаги и снял золотую крышечку с чернильницы.

«Дорогой Джорджи», — вывел он на бумаге и задумался.

Для этого письма следовало выбрать семейную интонацию. Достучаться до чопорного родственника было нелегко.

Император тщательно зачеркнул написанное и начал заново: «Мой милый кузен!»

***

Ответа государь не получил. Балтийский флот весной шестнадцатого года так и не покинул баз. А в самом начале лета Королевский военно-морской флот Великобритании сошелся в холодных водах Скагерракского пролива с Флотом открытого моря кайзера Вильгельма.

Говорили, что победа осталась за англичанами, но верили в это далеко не все. Даже в Британском Адмиралтействе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НЕЗВАНЫЙ ЛЕНЧ

*Англия, графство Глостершир, поместье Уинсли в Эшли,
30 июня 1916 года*

Сэр Артур Уинсли-старший не читал газет до завтрака. Пере шагнув через шестидесятилетний рубеж, он неожиданно осознал, что начинает получать особое удовольствие от простых радостей жизни, а потому вкушал их основательно и неспешно с методичностью истинного гурмана. И хотя с тысяча девятьсот четырнадцатого блюда от шеф-поваров столичной прессы не раз портили ему аппетит, их поглощение было подчинено неизменной упорядоченности: свежайшие яйца-пашот от «Морнинг пост», диетическая консервативная овсянка «Дели телеграф» и в завершение — классический чай от «Таймс» с его сливками и джемом светских новостей.

Из поданных сегодня к столу лондонских известий интереса заслуживало лишь одно. Выдержаные в траурных тонах подробности гибели военного министра Великобритании фельдмаршала Горация Китченера.

История со взрывом крейсера «Хемпшир» шестого июня сразу привлекла внимание сэра Уинсли. Несколько строчек скрупульто сообщали британцам: «Хемпшир» затонул в прямой

видимости скалистого берега, у команды практически не оставалось шансов на спасение: сильная волна вынудила корабли сопровождения повернуть назад. В живых остались двенадцать моряков, которые доставлены для дачи показаний, завершала статья «Дейли телеграф» от седьмого июля. «Морнинг» и «Таймс» были и того лаконичней.

Почти три недели спустя «Дейли» разродилась подробностями: водолазы осмотрели корабль и обнаружили значительные повреждения корпуса ниже ватерлинии. Двадцатидюймовая броня взрезана подводным взрывом.

Перевернув последнюю страницу, Уинсли зацепился взглядом за короткую заметку. Несмотря на ходатайства о снисхождении к сэру Роджеру Дэвиду Кейсменту, апелляция по смертному приговору отклонена. «Акт об измене» признан применимым, создатель военной организации «Ирландские добровольцы» будет лишен рыцарства и повешен за саботаж и шпионаж против британской короны.

Уинсли нахмурился. Двадцать четвертого апреля случилось немыслимое. В светлый праздник Воскресения Христова ирландцы вышли на улицы Дублина и провозгласили Ирландскую республику.

Пользуясь имеющимся влиянием и давними знакомствами, сэр Уинсли задал несколько наводящих вопросов в секретной службе. Там ему подтвердили — пьяный бунт может затянуться и шагнуть дальше предместий Дублина. Посоветовали избегать светских соборищ и крупных мероприятий, а еще лучше — на время покинуть Лондон, перебраться в поместье и выдать прислуге оружие.

Уинсли спешно уехал в Эшли и принялся выуживать информацию из газет. Невнятное чувство скрытой угрозы было сродни голоду, ворочалось и ныло где-то в районе желудка. Лишало покоя. Сосало под ложечкой. Изматывало.

Три месяца назад газетные статьи расставили все на свои места в деле Пасхального восстания, и ощущение недосказанности и потаенной угрозы прошло. Сегодня оно вернулось. Вместе с подробностями о гибели крейсера «Хемпшир».

Уинсли отодвинул газету, как пустую тарелку. Вторая статья о гибели фельдмаршала Китченера оставила дурное послевкусие — еще больше, чем первая. Захотелось перебить неприятный душок — сэр Уинсли кончиками пальцев подтянул к себе блюдо с корреспонденцией.

Писем было два. Первое заставило Уинсли-старшего неизменно скривиться. На лимонно-желтом конверте он сразу распознал почерк внука. Малыш Артур отчего-то до сих пор думал, что деду интересны его фронтовые будни, но тот запихнул нераспечатанный конверт в ящик стола. Старина Хоуп прочтет его позже и доложит хозяину, если у мальчишки и впрямь случилось что-то интересное. Второе письмо отливало кремовой начинкой десерта. Отправителем значилось Британское общество любителей крикета.

Сэр Уинсли снял с подставки письменного прибора нож для бумаг и неспешно вскрыл конверт. Пропустив витиеватую преамбулу, он перешел к сути. Общество любителей крикета приглашало его в Глостер на торжественную поминальную трапезу в честь годовщины смерти Уильяма Гилберта Грейса. Отдать дань его светлой памяти, а что вернее — пару сотен фунтов на развитие этого благородного спорта. Уинсли пробежался по списку приглашенных, отметив не без удовольствия десяток членов парламента и высших чинов военного министерства, и отложил письмо.

При всем уважении к почившему легендарному подающему ехать Уинсли не хотелось — слишком живо еще звучал голос агента секретной службы, напоминающий об ирландской угрозе: «Попомните мои слова, сэр! Эти бунтовщики еще

попортят нам крови. Им не хватает не только винтовок, но и чести. Динамит и бомбы могут стать их главным оружием!»

Уинсли решил принести соболезнования вдове Вилли Грейса лично, а чек отправить по почте, приложив его к письму с вежливым отказом, ссылаясь на простуду, которая в такую погоду никого бы не удивила.

Мысли о погоде заставили сэра Уинсли поежиться. Сего-дняшнее утро опять выдалось хмурым, от окна тянуло сыростью, и во время чтения Уинсли кутался в плед, ожидая, пока разгорится камин. Глядя на языки пламени, он не заметил, как погрузился в раздумья.

Что-то в этой истории с крейсером «Хемпшир» не давало Уинсли покоя. *«Водолазы обнаружили значительные повреждения корпуса ниже ватерлинии. Двадцатидюймовая броня взрезана подводным взрывом...»* — вспомнилось ему. *«Корабль подорвался на мине, установленной германской подводной лодкой...»*

Озябшими пальцами Уинсли потер переносицу. Как-то это все вызывало сомнения.

Смутное чувство надвигающейся угрозы всколыхнулось с новой силой. Взрыв артиллерийского погреба разворотил бы крейсер, как обжора устрицу, но газета писала четко — повреждения были только ниже ватерлинии. Уинсли прикрыл глаза. В тысяча девятьсот четвертом он волею Ордена и судьбы оказался причастен к одной тайной операции на Желтом море. Эскадренный броненосец «Петропавловск» пошел ко дну вместе с находившимся на борту русским вице-адмиралом. Японцы отдали за диверсию фигурку Ската, а Уинсли узнал о секретных разработках военного ведомства — акваланге и магнитной мине, которую можно установить на борт корабля снаружи. Похожая история. Но если тогда это было грязное, но влияющее на ход войны и, в конечном счете, полезное для

Британии дело, то от теперешней трагедии с «Хемпширом» за версту несло изменой.

Уинсли встрепенулся. Что-то было еще. Неуловимое, пропущенное, совсем близкое. Кончики пальцев лихорадочно барабанили по столешнице, будто выдавали аллегро на фортепьяно. Стало жарко. Не отрывая взгляда от разошедшегося пламени, Уинсли откинул плед.

«Так-так-так», — барабанили пальцы.

«Вау-вау», — подпевал ветер в каминной трубе.

И тут сэр Уинсли вспомнил. На фоне первых заметок о гибели фельдмаршала Китченера новость казалась неяркой, не требующей особого внимания, однако не пропала бесследно из памяти. Примерно в то же время на Юго-Западном фронте русские войска пошли в отчаянное наступление. Армии Австро-Венгрии и Германии несли тяжелые потери пленными и убитыми. На языке Уинсли даже завертелась необычная фамилия русского генерала, руководившего прорывом, но так и не сорвалась.

«Нужно непременно перечитать заметку, — подумал он. — Пусть Питер срочно несет подшивку «Дейли» из библиотеки». Рука потянулась к колокольчику. Но вызвать дворецкого сэр Уинсли не успел. Сквозь задернутые тяжелые портьеры в кабинет пробрался квакающий медью звук. Уинсли с удивлением прислушался. Звук настойчиво повторился. Это квакал клаксон автомобиля.

Сэр Уинсли нехотя поднялся и подошел к дышащему сыростью окну. У чугунных ворот имения из серой взвеси хмурого утра проступал черный силуэт «Роллс-ройса». Старый слуга Питер Хоуп, камердинер и дворецкий в одном лице, через прутья решетки общался с мокнущим под дождем шофером. В одной руке старик держал огромный зонт, заслоняясь от пригнавшего с Атлантики морось норд-веста, другой то указывал

направление до развилки на Лондон, то тыкал за спину, где стояли вооруженные двустволками братья Лоусон, конюшенные рабочие. Шофер часто кивал, прятался в поднятый воротник и косился на конюхов, однако в машину не возвращался.

Зная старика Питера, сэр Уинсли настроился на долгое представление и хотел было даже забить трубку, но тут задняя дверца авто приоткрылась. Прошлепав ботинками по раскисшей глине, водитель наклонился к двери, обдав пассажира водой с фуражки. Тот сунул ему в руку бумажный прямоугольник.

Чем бы он ни был — бумажный прямоугольник произвел на Хоупа впечатление: конюхи закинули ружья за плечи, а ворота распахнулись. Машина пересекла двор, чинно обогнула круглую клумбу и остановилась у парадного крыльца имения.

Мокрый до нитки шофер снова выскочил под дождь и услужливо распахнул заднюю дверцу «Роллс-ройса». Из авто выкарабкался тучный джентльмен в черном котелке и черном же макинтоше до пят. Отвергнув предложенный зонт и локоть шофера, он, тяжело опираясь на трость, взобрался по ступенькам.

Сэр Уинсли прищурился. Сомнений быть не могло — переваливаясь с ноги на ногу и пыхтя сигарой, в холл родового имения Уинсли входил бывший первый лорд Адмиралтейства сэр Уинстон Леонард Спенсер Черчилль, уже год как уволенный в отставку после провала Дарданелльской операции. Без приглашения, положенного в таких случаях уведомительно-го письма и даже без ставшего популярным в высшем свете предварительного телефонного звонка. Сэр Уинсли вдруг почувствовал, что заинтригован. Должна быть веская причина, которая заставила Черчилля не только трястись по такой мерзкой погоде почти сто миль от Лондона до Эшли, но и пренебречь азами приличия.

Уинсли задернул штору и подошел к зеркалу. Внимательно посмотрел на свое отражение и остался недоволен состоянием бакенбард. Жизнь в поместье слегка расхолаживала — брадобрея следовало вызывать чаще. Артур поправил бабочку и провел рукой по волосам. «В конце концов, гостей не предвиделось», — успокаивал он себя, но раздражение не исчезало.

В дверь кабинета постучали.

— Сэр Уинстон Леонард Спенсер Черчилль, сын лорда Рэндольфа Генри Спенсера Черчилля, третьего сына седьмого герцога Мальборо, испрашает аудиенции, сэр! — важно отчеканил Хоуп.

Уинсли едва смог сдержать улыбку:

— Прямо так? Испрашает, Питер?

— Точно так, сэр. Я предупредил, что вы никого не принимаете, но сэр Черчилль настаивает. Говорит, у него имеется к вам, сэр, безотлагательное дело чрезвычайной важности.

— Питер, — сказал вдруг Уинсли, — пригласи на вечер цирюльника. Мне пора поправить баки.

— Непременно, сэр, — кивнул Хоуп. — Я телефонирую тотчас.

— И вели слугам больше не появляться с оружием на людях. У соседей может сложиться неверное представление о вашей храбрости.

— Наступили тревожные дни! — вспыхнул было Хоуп, но осекся, встретив взгляд хозяина. — Этого больше не повторится, сэр. Что-нибудь еще?

Сэр Уинсли кивнул на валяющийся плед:

— Прибери здесь.

Дворецкий перекинул клетчатое шерстяное одеяло через предплечье и стал похож на шотландского горца, седого и упрямого. Уинсли едва не улыбнулся снова.

— Так что мне делать, сэр?

— С чем? — наигранно вскинул косматую бровь Артур.

Хоуп набрал побольше воздуха:

— С сэром Уинстоном Леонардом Спенсером...

— А, с сыном третьего сына седьмого герцога Мальборо? — на этот раз не смог сдержать улыбки Уинсли. — Зовите, конечно же! Нельзя же заставлять нашего дорогого гостя так долго томиться в холле!

— Велите подать чаю, сэр? — уже на пороге обернулся Хоуп.

Артур кивнул.

Дворецкий оценил настроение хозяина:

— Индийский белый, сэр?

— Он будет очень кстати, Питер. — Уинсли еще раз поблагодарил Господа за то, что тот отмерил прозорливому старику столько лет в здравом рассудке. И почувствовал что-то вроде укола совести за выплеснутое на верного бедолагу раздражение. — Спасибо.

Хоуп довольно улыбнулся в усы, учтиво кивнул и вышел.

Артур Уинсли сел в глубокое кресло, опустил руки на зеленое сукно стола и сплел в замок длинные ухоженные пальцы.

Ждать пришлось недолго. Дверь кабинета распахнулась, и в комнату ворвался визитер.

Природа мало оставила Черчиллю от его родовитых предков. Сэр Уинстон был начисто лишен аристократической утонченности. Лицом и фигурой он больше напоминал сельского булочника или собирателя репы и сельдерея откуда-нибудь из Линкольншира, нежели британского джентльмена и офицера, родившегося в Бленхеймском дворце. Мясистые щеки и крупный пуговичный нос выдавали в нем внука янки-коммерсанта. Разбогатевший предок по материнской линии так и не сумел ни прикупить на свои капиталы хоть толику вкуса, ни передать его по наследству. Бывший министр внутренних дел и военно-морской министр Великой Британии был одет

в кичливый костюм карандашной полоски, на пальце имел массивный золотой перстень, а в галстуке — серебряную булавку с кроваво-темным рубином.

— Сэр Уинсли! — расплылся в улыбке Черчилль и распахнул объятия добродушного буточника. Только глаза — серые и холодные, как штыки, — выдавали в нем затаившегося опасного хищника. — Как я рад вас видеть!

— Взаимно, — Уинсли, не вставая, протянул руку.

Черчилль на секунду замешкался, но все же сжал ее пухлой ладонью.

— У ворот мне так не показалось, — хохотнул Черчилль, и два серых клинка нацелились в лицо сэра Уинсли.

— Настали тревожные времена, — пожал плечами Артур. — На дорогах полно проходимцев, — медленно произнес он и улыбнулся одними уголками губ. Стальной взгляд магистра ордена Рубиновой Розы и Золотого Креста играючи отбил штыковую атаку. — Сразу и не разберешь, кто есть кто.

— Да-да, — закивал Черчилль в нерешительности. Ему до сих пор не предложили присесть.

Сэр Уинсли насладился зрелищем и великодушно указал рукой на свободное кресло. Жест вышел слегка театральным.

— До меня дошли слухи... — Артур внимательно разглядывал гостя. Тот явно чувствовал себя не в своей тарелке. Сидя напротив Уинсли, он то сплетал короткие пальцы на объемном животе, то клал ладони на подлокотник кресла. Теребил серебряную цепочку, один конец которой крепился к пуговице, а второй уходил в карман жилета. Уинсли напрягся и пристально посмотрел в глаза Черчиллю. Они оба были одного цвета. — Будто бы ирландцы собираются и дальше праздновать свою бунтарскую Пасху. Говорят, они не утомляются даже после казни Роджера Кейсмента, но мне кажется, все это лживые домыслы.

— По свету ходит чудовищное количество лживых домыслов, — Черчилль перебирал цепочку, — а самое страшное, что половина из них — чистая правда. У этих боязок теперь есть своя армия, а армии создаются для войны.

— Вы уверены?

— Более чем, — кивнул Черчилль и сложил руки на животе. — Одноногий К. редко ошибается в таких вопросах.

Директор Британской секретной службы капитан Джордж Мэнсфилд Смит-Камминг имел обыкновение подписывать документы витиеватой «К», за что и получилозвучное прозвище. Черчилль был прав — если Камминг о чем и говорил, то делал это наверняка, будучи лишь абсолютно убежден.

— Значит, партизанщина, — протянул Уинсли.

Они помолчали.

— Не желаете выпить? — Уинсли повел рукой. Подле каминна на круглом столике с гнутыми ножками возвышался рифленый графин.

Черчилль едва уловимо поджал губы, но лицо его тут же разгладилось.

— Вам налить? — Он снял пробку и наполнил виски один из стаканов.

— Я не пью до обеда, — покачал головой Уинсли. — Возраст, знаете ли.

— Может, тогда сигару? — Черчилль выудил из кармана портсигар. — Мне только что прислали с Кубы ящик «Ромео и Джульетты».

— Благодарю покорно. — Уинсли следил, как Черчилль медленно тянет из кармашка жилета цепочку. — Я уже выкупил утреннюю трубку.

— Ну, как вам будет угодно, — пожал плечами незванный гость. В его пальцах оказался брелок — миниатюрный

серебряный кинжал. Черчилль окунул в виски кончик сигары, проткнул его острием и сунул сигару в зубы. — Вы не представляете, от чего отказываетесь.

Он чиркнул спичкой и сделал пару глубоких затяжек. Толстый конец сигары сразу вспыхнул угольком.

Дверь кабинета отворилась. На пороге возник Хоуп.

— Чай, сэр, — старик поставил поднос на стол и, оттопырив локоть, придержал крышку чайника. — Сэр Уинстон? — Питер вопросительно взглянул на Черчилля. Носик чайника замер у второй, еще не наполненной чашки.

— Сэр Уинстон уже определился с напитком, — улыбнулся Артур, поднося к губам тонкий фарфор. Черчилль вновь отсалютовал стаканом и пригубил виски.

— Вы обронили пепел, сэр, — важно протянул Хоуп и ловким движением стряхнул салфеткой серые хлопья со стола на ладонь. — Что-нибудь еще? Может быть, принести пепельницу, сэр? — Дворецкий вопросительно посмотрел на Уинсли.

Черчилль окинул кабинет взглядом и полез во внутренний карман пиджака.

— Не стоит беспокойства, — пробурчал он, вынимая на свет серебряную ракушку размером чуть больше брегета. Лишние уши, а уж тем более уши прислуги, при столь неприятном разговоре ему были явно ни к чему. — У меня есть своя.

— Ступай, Питер, — с досадой произнес Уинсли. Чай был очень кстати, но старик появился не вовремя.

Дворецкий важно кивнул, подхватил поднос и чинно направился к выходу.

В ожидании, пока за Хоупом закроется дверь, Черчилль задумчиво жевал погасшую сигару.

— Вы читали сегодняшнюю прессу? — Уинсли постучал длинным пальцем по номеру «Дейли телеграф». Ноготь оставил след под заголовком «Крейсер „Хемпшир“ был подорван

немецкой подлодкой!». — Какая нелепая случайность, и какая великая скорбь, — трагично добавил он.

Черчилль опустил сигару в пепельницу и раскурил новую.

— Признаться по чести, сэр Уинсли, я скорблю меньше многих.

Ноздри Артура едва заметно раздулись:

— Вот как? Вы затаили злобу на бедного Горация?

— Не буду скрывать, я не питал большой любви к фельдмаршалу, — Черчилль отхлебнул виски, — но дело не в этом.

Сэр Уинсли склонил голову набок и прищурился. Сейчас были уместны сразу два вопроса, но он решил выстрелить из крупного калибра:

— Раз уж у нас зашел такой откровенный разговор, сэр Уинстон, вы случайно не знаете, отчего его величество отправил покойного лорда Китченера к русскому царю тотчас после Ютландского сражения?

— Ну отчего же, — демонстративно стряхнул пепел в свою серебряную ракушку Черчилль. — Я тоже неплохо осведомлен в некоторых вопросах.

Уинсли понял — теперь придется переходить к делам. Но решил все-таки дождаться:

— Это как-то связано с прорывом русских на Юго-Западном фронте? Под командованием этого генерала, — Уинсли пощелкал пальцами, — Брю... Брюсс...

— Брусилов, — подсказал Черчилль. — Отчасти. Дело в том, что незадолго до сражения у Ютланда русский император предложил объединить Гранд Флит со своим Балтийским флотом на время проведения операции. С такой мощной эскадрой мы навсегда бы избавились от бошей на море. А добавьте сюда Луцкий прорыв русских, и Германия с Австрией уже не поднялись бы с колен. Но сэр Китченер, упокой Господи его душу, самонадеянно отговорил его величество. После нашей неоднозначной

победы в Северном море король отправил фельдмаршала исправлять ошибку. Хвала Создателю, что случайная немецкая мина избавила нас еще от одной, на мой взгляд, намного большей ошибки. Русский медведь способен восхищаться только силой, и нет ничего, к чему бы он питал меньше уважения, чем к военной слабости. К этому лету Россия, которая почти полтора года воевала практически безоружной, сумела выставить в поле — организовать, вооружить, снабдить, — Черчилль поднял руку и многозначительно потряс сигарой, — шестьдесят армейских корпусов вместо тридцати пяти, с которыми она начала войну. Шутка ли? Приняв предложение императора Николая, Британия имела бы возможность в начале этого месяца закончить войну, а теперь русские могут сделать это и без нас!

— В самом деле? — опешил Уинсли. Остаться единственным серьезным соперником для Германии в этой войне было бы страшным, сокрушительным ударом для Британии. Даже без учета ирландских партизан-бомбистов.

— Именно так, сэр! — Черчилль возбужденно вскочил с кресла и снова наполнил опустевший стакан. — Об этом я и хотел с вами поговорить.

Уинсли подался вперед, воплощая собой эталон внимательности.

— Пять дней назад русский император подписал декрет о реквизиции иноземцев. Луцкий прорыв дался дорого — теперь на фронт мобилизуют даже жителей Степного края и Туркестана, — медленно начал Черчилль. — Среди мусульман зреет бунт. Русские парламентарии в замешательстве. В то же время в Ставке царя уже во весь голос говорят о том, что удобнее момента принудить Германию к перемирию может больше не представиться. Русские госпитали переполнены ранеными, но и Брусилов изрядно потрепал бошей.

— И каковы прогнозы? — Уинсли смаковал информацию.

— Я всегда говорил, что война слишком серьезное дело, чтобы доверять ее одним генералам. — Черчилль вернулся в кресло и раскурил потухшую сигару. — Это не наша забота. Меня волнует другое. — Он пристально посмотрел в глаза Артуру. — Вы слышали о Распутине?

Сэр Уинсли, не задумываясь, кивнул. Григорий Распутин давно заинтересовал Орден. Уж слишком волшебным и стремительным был взлет этого неотесанного мужика из сибирского схимника прямо в милейшие друзья царской семьи.

— Говорят, император благоволит к Распутину, а императрица его обожает.

— Так вот, этот бесноватый старец, — процедил Черчилль, сжимая в зубах сигару, — призывает Россию к перемирию с кайзером! А недообрусовевшая немка уже вовсю поет под его дудку!

— Откуда у вас такие сведения? — Уинсли сделал глоток давно остывшего чая.

— Все от того же капитана К., — самодовольно усмехнулся Черчилль.

Директор Интеллиджанс Сервис остался верен своему патрону даже после его отставки. Уинсли подумал, что, наверное, не стоит сегодня отказывать бывшему первому лорду Адмиралтейства, что бы он ни попросил. Зачастую весьма полезно иметь в должностях человека, которому главный королевский шпион вываливает подноготную Старого и Нового Света.

— Ну, в таком случае — это вопрос времени. Рано или поздно царь не устоит перед их натиском. И я все еще теряюсь в догадках о цели вашего визита, сэр Уинстон. — Артур одарил гостя улыбкой, которой позавидовал бы и чеширский кот.

— Вчера я ознакомился с аналитической запиской секретной службы. Единственный доступный нам способ сдержать этот натиск, — Черчилль сдвинул брови и засунул очередной окурок в пепельницу, — устраниТЬ Распутина.

— Вы всерьез полагаете, — борясь с негодованием, сэр Уинсли понизил тон, — что меня может заинтересовать убийство? Вы слишком много общаетесь с наемниками, мой дорогой Уинстон.

— Видите ли, в чем тут дело, сэр Уинсли. — Черчилль старательно подбирал слова. — Я обратился к вам, поскольку имеются основания полагать, что Распутин является обладателем предмета, возможно, даже нескольких. Кроме того, есть мнение, что без особых способностей у исполнителей эта операция не сможет пройти без пристального внимания России к британскому следу. Нам нужна, скажем так, консультация специалистов Ложи Хранителей.

Слышать название Ордена, принятное в обиходе лишь у посвященных внутреннего круга Ложи, от высокочки-полукровки было удивительно и неприятно. Сэр Уинсли тут же прикинул, какая из фигурок может помочь определить излишне разговорчивого члена капитула. Идеально подошел бы Лис, но сгодились бы и Свинья с Петухом.

— Без привлечения ее знаний и, — Черчилль пожевал губу, — ее технических возможностей выполнение этой миссии будет весьма и весьма затруднительно.

— И о каких конкретно предметах идет речь?

— Сложно сказать, — развел руками Черчилль, — но одно я могу сказать наверняка: после завершения операции все они будут переданы вашему Ордену. Насколько мне известно, это обычная плата?

— В таком случае вам должно быть также известно, что я не уполномочен принимать такие решения в одиночку. — Артур отставил в сторону чашку.

— Разумеется. — Черчилль залпом допил виски. — Сэр Уинсли, не сочтите за излишнюю настойчивость, но я прошу известить меня о решении Ложи незамедлительно.

— Непременно. — Уинсли вынул из кармана жилета часы и щелкнул крышкой. Стрелки уже перевалили за полдень. — Не желаете отобедать, сэр Уинстон? Сегодня у нас подают прекрасного тушеного ягненка.

— Ну что вы, что вы, — замахал руками Черчилль, — не смею злоупотреблять вашим гостеприимством! Я и так потратил времени больше, чем планировал.

Обменявшись еще парой-тройкой положенных фраз, джентльмены простились.

Уже на пороге Уинсли спросил:

— Скажите, сэр Уинстон, а могла ли потопить «Хемпшир» магнитная мина?

— Резонный вопрос, сэр, — улыбнулся Черчилль, натягивая перчатки и принимая у Хоупа трость. — Но, смею вас заверить, мне об этом ничего не известно.

Глядя, как за черным «Роллс-ройсом» закрываются чугунные ворота, Уинсли внимательно прислушивался к ощущениям. Терзавшее последние недели чувство грядущей беды отступило. Вместо него Артура переполнял охотничий азарт.

— Питер, отмени-ка цирюльника и вели собирать мой багаж, — громко скомандовал он. — Я еду в Мортлейк!

ГЛАВА ВТОРАЯ

РЕВОЛЬВЕРЫ ИЗ ПРОШЛОГО

Российская империя, Петроград, июль 1916 года

Александр Федорович Керенский и предположить не мог, что дело примет такой необычный оборот.

В конце июня император издал декрет о мобилизации на прифронтовые работы туземцев Туркестана. Неясно, о чем думал государь, чьи советы он слушал и слушал ли вообще, но Государственная дума получила новый повод для пересудов. Керенскому же указ о реквизиции инородцев позволил эффективно вернуться на парламентские подмостки.

Удаленная в Финляндии почка и семимесячный курс реабилитации заставили его ненадолго сойти с думской сцены. Но как соблюдать прописанный врачами режим, когда самодержец допустил такую промашку? Забирать с полей магометан в разгар уборки урожая, да еще и объявить об этом до окончания рамадана! Как можно пребывать в койке, когда судьба сама отдает в руки такую возможность еще раз громко заявить о себе? Ему ли, искренне считающему Туркестан своей второй малой родиной, оставаться в стороне? Александр Федорович был еще слаб, но голос его звенел под сводами Таврического дворца, призывая власти одуматься.

Совет министров обсуждать Высочайшее повеление не решился, возложив все хлопоты на недавно назначенного на

пост военного министра генерала Шуваева. А тот о хлопке и чувствах верующих заботиться не стал. В душе Дмитрий Савельевич еще оставался генералом от инfanтерии и главным полевым интендантом. Сказано — не хватает рук для рытья окопов, значит, будем неукоснительно изыскивать. А в случае возникновения беспорядков таковые должны быть подавлены. И точка.

Беспорядки не заставили себя долго ждать. В начале июля столичные газеты вскользь упомянули о волнениях в Ферганской долине и даже Ташкенте.

Не на шутку обеспокоенный новостями, Александр отбил телеграмму брату. Поддавшись интуиции, велел отправить ее не на дом, а доставить товарищу прокурора Ташкентской судебной палаты Федору Федоровичу Керенскому на службу. Просил ответить как можно скорее и обстоятельнее, а еще лучше — позвонить ему на квартиру.

В день окончания магометанской уразы, семнадцатого июля, в Туркестанском военном округе было объявлено военное положение. Керенский нервничал. Федя все не звонил.

Двадцать второго июля случилось сразу два события. Туркестанским генерал-губернатором, командующим войсками Туркестанского военного округа и войсковым атаманом Семиреченского казачьего войска был назначен бывший военный министр Алексей Николаевич Куропаткин. А Керенский наконец получил долгожданное письмо от младшего брата.

В первых строках Федя просил за него и Ниночку не беспокоиться и извинялся, что не смог позвонить. «Мятежники (слово нехорошо резануло Керенского) попортили телефонную линию, а в нынешней суете на ее починку нет ни людей, ни времени...»

Исписанные знакомым почерком листы подтверждали: происшествия в хлопковом поясе, скромно названные в «Русском инвалиде» «волнениями», по словам брата, были

настоящим бунтом. Письмо изобиловало подробностями, известными товарищу прокурора по долгу службы:

«Началось все четвертого июля с Ходжента. Городская беднота и пригородные дехкане, кустари и чайрикоры вышли на демонстрацию против набора на тыловые работы. Народу собралось до трех тысяч, и средь них было много женщин. В полицейских, пытавшихся разогнать толпу, полетели камни, и они укрылись в участке. Дело кончилось бы резней, но на помощь полиции подоспели солдаты из крепости. Началась стрельба, и из туземцев двоих убили и одного ранили.

То была лишь первая кровь. Через пять дней в старой части Андижана уездный начальник собрал в мечети магометан для разъяснительной беседы. Среди них было много студентов медресе. Они начали кричать, что идти на военную службу не желают. Толпа взорвалась и двинулась в русскую часть города. В руках у туземцев появились камни, палки и кетмени. Дорогу им преградила полиция и казаки. Открыли пальбу и убили троих, а двадцать два человека ранили.

Одиннадцатого числа волна беспорядков докатилась и до нас. Страшно было до жути. Не знаю, чем кончилось бы все это, не будь в Ташкенте сильного гарнизона.

Большая толпа женщин собралась перед управлением полиции. Они гневно кричали: «Не дадим рабочих — лучше умереть!» Позади женщин стояли мужчины. На улицу к ним вышел полицеймейстер Мочалов и, особо не стесняясь в выражениях, приказал разойтись. В противном случае — грозил стрельбой. Какая-то старуха сорвала с себя паранджу и бросилась к нему с кулаками и криками. И ты представляешь, Саша, этот кретин застрелил ее из револьвера! Что тут началось! Толпа сломала решетку и кинулась на участок. Началась стрельба. В окна полетели камни. Полиция и казаки держали осаду целых два часа, пока не подоспели солдаты.

В Туркестане ввели военное положение, и я уже было собирался тебе телефонировать, но тут началось самое жуткое. Какой-то ишан объявил себя джизакским беком. Вооружив чем попало бояков из старого города, он явился в русскую часть Джизака и потребовал списки мобилизованных. Мятежники кричали, что хотят теперь быть подданными «германа», в чем им поможет Афганистан. Призывали к созданию отдельного бекства и священной войне против русских.

Навстречу толпе вышли уездный начальник Рукин, старший аксакал Юлдашев, пристав Зотоглов и два джигита охраны. Все они были перебиты, а их трупы толпа разорвала на части! Подоспевший карательный отряд открыл огонь и рассеял туземцев, но бунт не прекратился.

Все население старого Джизака поднялось на ноги и двинулось на линию железной дороги. Порвали провода, подожгли на станции баки с нефтью, разрушили рабочие казармы и железнодорожные мосты, принялись разбирать пути.

В кишлаках был объявлен поход в помощь джизакским мятежникам. Посланный на усмирение восстания карательный отряд подполковника Афанасьева справиться с повстанцами не смог. Туземцы повсеместно убивают полицейских, волостных управителей, аксакалов, пятидесятиников, уничтожают списки призываемых, громят канцелярии.

Я решился наконец тебе позвонить, но на станции мне сказали, что связь оборвана! То же и с телеграфом! Газеты молчат, но события в Джизакском уезде, судя по сводкам в судебную палату, накаляются. Сегодня генерал-губернатор направляет туда новую карательную экспедицию во главе с полковником Ивановым. Тринадцать рот солдат при шести орудиях, три сотни казаков и три роты сапер...»

К письму были приложены вырезки из «Туркестанского курьера» и «Туркестанских ведомостей». Газеты писали об

одобрительных митингах по случаю императорского указа, о добровольных явках инородцев для отправки на работы. Убеждали не волноваться и не распускать слухов. Недовольным же просили разъяснить царский указ и взывали к патриотизму. О мятеже не было никакой информации, упоминался он лишь иносказательно, эпитетами «известные события», «недоразумения» и «печальные случаи». Только «Туркестанские ведомости» сообщили о смерти в Джизаке уездного начальника и полицейского пристава, без указания причин. Просто скорбели о государевых слугах, «погибших ужасной и мучительной смертию».

Керенский ликовал. Окраина Российской империи бурлила, а власти старательно придавливали крышку, чтобы не выплеснулась пена. А ведь при должной подаче рябь туркестанских новостей можно поднять до приличной волны, размышлял Керенский. Тогда он запросто утрут нос Пуришкевичу, Крупенскому и Шульгину, этим замшелым думским скандалистам разных мастей. Главное — оседлать волну, пока это не сделал кто-нибудь другой. И тогда она — чем черт не шутит — подхватит его с дальних жестких сидений амфитеатра Думы и опустит куда-нибудь поближе к трибуне.

Александр Федорович отложил письмо и принялся набрасывать речь.

Через два дня парламентарии собрались в Таврическом дворце. Горячие новости из Ташкента сделали Керенского гвоздем программы. Заседание Думы было похоже на бенефис. Ссылаясь на пожелавший сохранить инкогнито источник, Александр Федорович в мрачных тонах поведал о событиях в Ферганской долине. На него словно снизошло вдохновение. Когда живописал возможные последствия, воздух вокруг, казалось, потрескивал. Закончил Керенский на высокой ноте — призывом отменить царский указ об иноверцах.

Тут же на трибуну вышел премьер, однако не смог произнести ни слова: справа раздались шум, крики и стук пюпитров. Несколько членов Думы повыскакивали в проходы с мест и потребовали у правительства отложить набор рабочих.

Керенский снова вызвался выступить и тут же, под одобрительный гул, зачитал составленное от имени членов Государственной думы письмо начальнику Генштаба: «*Полученные нами сведения относительно проведения призыва рабочих-инородцев в областях Туркестана указывают на несомненную опасность в экономическом и политическом отношении... Экономически изъятия части рабочих и волнения среди остальных в период хлопковой кампании грозят гибелью значительной части урожая хлопка, столь необходимого для государства. Убедительно просим отложить проведение призыва до окончания хлопковой кампании, то есть до первого ноября*». Письмо решили без промедления телеграфировать генералу Алексееву. Керенский спустился в зал, ловя завистливые взгляды Пуришкевича. Тот нервно теребил бороду и блестел взопревшей лысиной.

Такого успеха Александр Федорович не помнил со времен ленских событий. Он, тогда еще молодой присяжный поверенный, был назначен председателем независимой комиссии. Расследовать предстояло причины демонстрации и подробности расстрела рабочих на золотых приисках Бодайбо. Дело имело особый политический окрас: ленский расстрел сравнивали с Кровавым воскресеньем.

Путешествие было не из приятных. Триста восемьдесят верст от Иркутска до пристани Жигалово на ямщиках по-рядком раstryсли инспекцию. Северная весна и начало лета погодой не баловали. Было сыро, потом зарядили дожди. От Жигалова до городка Бодайбо пришлось плыть вверх по Лене. Керенский кутался в пальто и дрожал от холода на дне

длинной крытой лодки — шитики. Лошади медленно тянули ее вверх по течению, то и дело увязая в раскисшей глине. Александр Федорович сильно заболел и был простужен всю поездку. Позднее следствием этой простуды стала острые форма пиелонефрита и удаленная почка.

Овчинка, однако, стоила выделки — имя Керенского попало на первые страницы газет. Но то был дебют, а теперь о нем, уже депутате Государственной думы от трудовиков, наконец-то заговорят на самых верхах.

Всю неделю Александр Федорович купался в лучах славы. Парламентарии подходили к нему в перерывах, жали руку, знакомились. Угощали в буфете коньяком и сигарами. Керенский чувствовал себя приезжей звездой, разве что не раздавал автографы. Его авторитет вопрос не только у трудовиков, но и среди октябристов и даже некоторых правых. В четверг, после закрытия заседаний, к Александру Федоровичу подошел Пуришкевич:

— Отменная была речь, — Владимир Митрофанович протянул ладонь, — от души. Поздравляю!

— Разделяете? — улыбнулся Керенский, стараясь скрыть ликование. Потаенная мечта сбывалась на глазах — главный думский скандалист вывесил белый флаг. Пришел засвидетельствовать почтение. Признать молодого политика ровней.

— Отчего же нет? — Пуришкевич тронул пенсне. — Обстановка на окраинах ужасает, и Туркестан тому подтверждение. Пора нам уже прекратить малодушничать и говорить об этом не таясь, в полный голос.

Домой Александр Федорович летел как на крыльях. Душа его пела.

Казалось бы — пора опускать занавес. Туркестанские беспорядки отыграли свою роль и должны были чинно сойти со сцены. Но раскрученная Керенским карусель не желала останавливаться.

Гром грянул на следующий день. В пятницу.

На трибуну вышел председатель Государственной думы. Лицо его было красным, а обычно изящная бородка топоршилась.

Родзянко прочистил горло, поправил бабочку и произнес:

— Господа! В ответ на отправленную нами третьего дня телеграмму Военное министерство предлагает Думе создать независимую комиссию для прояснения событий в Туркестане и Степном крае на месте. — Михаил Владимирович выдержал паузу. — Какие будут предложения?

В зале одобрительно зашумели.

Громко хлопнув пюпитром, поднялся сенатор Тевкелев.

— Как лидер мусульманской фракции, — выждав, пока гул поутихнет, сказал уфимский мурза, — считаю своим долгом выдвинуться в состав комиссии!

— Благодарю, Кутлу-Мухамет Батыргараевич — протаратировал Родзянко и пробежался взглядом по залу. — Кто-нибудь еще?

Керенский кожей ощущил, как на него уставилось множество глаз. Стало душно, словно в узком купе. Кровь прихлынула к лицу. В боку кольнуло.

Времени на раздумья не было. Керенский медленно, через силу, встал с места.

— Господа депутаты! Господин председатель! — слова, царапая горло, нехотя вылетали в наступившую тишину. — Всем вам известно, как страстно я люблю Туркестанский край! Край, в котором я провел всю свою юность! Край, с которым у меня связано столько, сколько не связано ни у одного в этом зале! Могу ли я, человек, изнутри знающий и понимающий чаяния туркестанского народа, остаться в стороне?

— Конечно нет! — выкрикнул кто-то. — Это ваш святой долг!

Керенский прищурился — кричал, разумеется, Пуришкевич.

— Господа! — продолжал Александр Федорович. Голос его дрожал, но набирал силу. — Я не могу жить без народа и ради народа готов на все! Даже пойти на смерть, если придется! Я готов отправиться в эту рискованную экспедицию без промедления! Прямо из этого зала!

— Такой спешности не потребуется, — заверил Родзянко, но его фраза потонула в аплодисментах.

Керенский театральным жестом повел рукой, призывая к тишине.

— Вам также известно, господа депутаты, — Александр Федорович распахнул объятия, будто хотел заключить в них всех и каждого заседателя в этом зале, — что я имею богатый опыт не только участия в подобных инспекциях, но и руководства ими. Мой труд над материалами дела о расстреле рабочих на золотых приисках в Бодайбо получил в свое время самую высокую оценку и общественности, и коллегии адвокатов.

По залу заседаний прокатилась волна одобрительного гула. Александр Федорович подождал, пока она схлынет, и заявил:

— Господа депутаты, не буду скрывать: я горю желанием не только войти в состав комиссии, но и возглавить ее! Я стану вашими глазами и ушами на многострадальной земле Туркестана, стану орудием справедливости в руках нашей Государственной думы! Клянусь, честно и непредвзято я выполню возложенную на меня священную миссию! — В голосе Керенского зазвучали патетические ноты, он закатил глаза к стеклянному потолку. — Я вам клянусь в этом, господа!

Реприза достигла слушателей. Зал снова разразился аплодисментами.

— Еще предложения, господа? — спросил с трибуны Родзянко, едва шум поутих. Сенаторы озирались, но больше

желающих отправиться в Туркестан не было. — В таком случае я предлагаю перейти к голосованию.

Возражавших не нашлось. Комиссию из двух самовыдвиженцев утвердили в полном составе.

Александру Федоровичу снова стало невыносимо душно. Показалось, что стеклянный потолок тотчас же лопнет и насмерть посечет его осколками. Он понял, что не сможет провести в Таврическом дворце ни единой лишней минуты. Даже чтобы насладиться хвалебными речами сенаторов.

Только объявили перерыв, Керенский вскочил с кресла и, едва сдерживая шаг, скользнул к задней двери. Белые колонны зала встретили его, будто шеренги жандармов в парадных мундирах. Александр Федорович затребовал у гардеробщика пальто и, на бегу одеваясь, наконец-то вырвался из-под давящего гранитом и яшмой вестибюля в вечерний Петроград.

Сырой и пахнущий тиной воздух с Невы показался на удивление сладким. Керенский надвинул на брови шляпу и помчался к воротам по бруscатой дорожке парадного дворика. Только очутившись за чугунной оградой, Александр Федорович перевел дух.

«Вот ведь угораздило! — думал Керенский, широким шагом оставляя за собой Шпалерную. — Это ж одной железной дороги только четыре с половиной тысячи верст! Да и жара там сейчас страшная, должно быть...»

Но сбивчивые мысли о погоде и тяготах предстоящего путешествия не смогли выхолостить главную, которая беспрестанно колотилась в мозгу: «Еще убьют, не приведи Господи!»

«Надо еще Оленьке как-то объяснить», — снова попытался отвлечься Александр Федорович. Убеждать присяжных и сенаторов он научился весьма недурно. А вот жену — получалось не всегда.

После Кровавого воскресенья, будучи еще помощником присяжного поверенного, он увлекся игрой в революционера.

Увлекся ненадолго, но пламенно и страстно, за что в скором времени поплатился. Однажды поздним декабрьским вечером на квартиру Керенского пожаловал околоточный надзиратель. За ним вошел жандармский ротмистр и еще несколько полицейских. Когда появились понятые, Александр Федорович перестал тешиться надеждой. Обыск небольшой квартиры не отнял у жандармов много времени.

«...кожаный портфель с гектографированными заявлениями от имени организации «Вооруженное восстание» и экземпляры прокламации к интеллигенции от имени той же организации, картонная коробка с бумагой для гектографа, восемь экземпляров программы эсеровской партии, тетрадь со «стихотворениями преступного содержания» и револьвер с патронами». Обвинение зачитывало перечень найденных улик, а Керенский все еще не верил в происходящее.

С тех пор Александр Федорович сторонился оружия, но тогда заряженный револьвер тяжело лег на чашу весов правосудия. Керенский загремел в «Кресты». Только ходатайство двоюродной тетки, да ее связи среди бюрократов высокого полета позволили ему провести остаток срока в Ташкенте.

Олеинке же пришлось примерить на себя роль жены декабриста. С годовалым Олегом на руках она храбро отправилась в ссылку за мужем.

Не желая стеснять особым полицейским надзором родню, молодая семья остановилась в меблированных комнатах. Душное и жаркое лето девятьсот шестого, грязь и кишащие заразой улички и дома навсегда остались для Ольги кошмарным видением. И вот теперь Александру Федоровичу предстояло объявить ей перед ужином, что ее любимый должен отправиться в Туркестан.

«Надеюсь, она хотя бы не прочла Фединого письма», — метнулась мысль, когда Керенский вспомнил, что оставил распечатанный конверт на столе в кабинете.

Ноги сами собой набирали темп. Очнулся он уже на Литейном, едва не угодив под запоздалый трамвай. Керенский вскочил на подножку и подставил разгоряченное лицо ветру.

Начал накрапывать дождь.

***

— Вот вы где! — выдохнул ротмистр Богданович, ввалившись в кабинет. В комнате разом стало тесно и душно. Богданович промокнул испарину платком. — Я вас обыскался!

Подполковник Рождественский поднял усталые глаза от бумаг.

— Присаживайтесь, Юрий Николаич, — указал он на стул. Раздражение всколыхнулось в подполковнике. Хотелось в тишине окончить дела до субботы, отоспаться потом на выходных, а тут этот боров!

Рождественский покосился на часы. Стрелки показывали четверть десятого.

— Домой к вам посылали, а вас нет! — отышавшийся Богданович комкал платок. — Хозяйка говорит, мол, со службы еще не приходил! А я в суматохе заглянуть в кабинет-то к вам и не догадался!

— А что за спешка? — Раздражение Рождественского сменилось удивлением. Он отодвинул от себя папку с протоколом допроса. Арестованный хозяин подпольной типографии уже начал рассказывать интересные вещи, когда ворвался потный ротмистр. Видимо, придется повременить с откровениями.

— Его превосходительство вас требуют, — едва ли не заговорщицким шепотом произнес Богданович.

— Когда? — еще раз посмотрел на часы подполковник.

— Они ждут-с, — ротмистр вытаращил глаза. — С девяти часов ждут-с...

Рождественский вскочил и одернул китель.

— Что ж ты молчал-то, разиня, — зло прощедил он, хватаясь за фуражку.

Перемахивая сразу через две ступеньки, он взлетел на третий этаж. Место адъютанта за столом в приемной начальника Петроградского отделения по охранению общественной безопасности было пусто. Рождественский шумно перевел дыхание и постучал.

— Входите! — раздался из-за двери зычный голос генерал-майора Глобачева.

Подполковник потянул на себя витую бронзовую ручку и шагнул через порог. Шагнул, словно в прорубь на Крещение.

— Ваше превосходительство! — козырнул он и вытянулся.

— А-а, Сергей Петрович! Рад что вы заглянули, — начальник Охранного отделения затушил папирюску, — в столь поздний час. Простите, что подняли вас из постели.

— Никак нет, Константин Иванович, — не понимая, чего ожидать, отвечал Рождественский. Лицо начальника было серым от усталости и задумчивым. — Я еще не успел уйти.

— Хорошие же у нас сыскари работают, — усмехнулся Глобачев, — раз по кабинетам друг дружку найти не могут. Ты ж у себя был?

Рождественский кивнул:

— Так точно! Засиделся с бумагами. — Морщина меж бровей Глобачева стала разглаживаться, и подполковник решил разрядить обстановку. — Осеннее обострение в этом году у господ социал-демократов наступило преждевременно. Работы невпроворот.

— Работы много, — протянул генерал-майор, массируя кончиками пальцев уголки глаз, — тут ты прав... Да ты присаживайся, подполковник, закуривай, — махнул рукой Глобачев и, дождавшись пока Рождественский устроится на стуле, добавил: — Дело у меня к тебе, Сергей Петрович, имеется.

Тон генерал-майора настораживал.

— Надо бы за одним человеком приглядеть, — продолжал Глобачев, — в поездке.

— Не совсем понимаю, ваше превосходительство, о чем идет речь, — нахмурился Рождественский. То, что начальник Охранного отделения предлагает ему, полковнику Рождественскому, надеть «гороховое пальто», обескураживало. — Филеры под ведомством Отдела наружного наблюдения.

Глобачев взял со стола портсигар, размял папироску.

— Филеры без работы не останутся, не переживай, — начальник Охранного отделения постучал папиросой о портсигар и чиркнул спичкой. — Тут дело тонкое. Для человека одаренного, опытного. Верного. Навроде тебя, — лукаво улыбнулся Глобачев.

Рождественский молчал.

— Ты ведь у нас на особом счету, Сергей Петрович, — генерал-майор выпустил дым в потолок. — Медаль вон за беспорочную службу носил бы, кабы не тот случай.

Упоминание о «том случае» хлестнуло Рождественского не хуже нагайки. Челюсти сжалась. Жар прилил к щекам.

Два года назад Рождественский случайно столкнулся на улице с опасным боевиком РСДРП Джамбалдоржем. Вызывать подмогу времени не было, и подполковник пошел за ним следом в одиночку. Монгол заметил слежку и заманил Рождественского в глухую подворотню. Завел разговор. Сунул руку в карман...

На Джамбалдоржа была ориентировка как на особо опасного. Ему и раньше приходилось убивать полицейских. Раздумывать Рождественский не стал и выстрелил в большевика. Убил.

Вот только то, что хотел достать из кармана Джамбалдорж, оказалось не револьвером, а всего лишь безделицей. Игрушкой. Маленькой фигуркой сверчка. Оружия при боевике не было вовсе.

Рождественского на время отстранили от службы, задержали представление на медаль. Подполковник от отчаяния запил. Но дело положили под сукно. А потом работы у Охранного отделения стало с избытком, и Рождественского вернули в строй. Поговаривали, что многое для этого возвращения сделал лично генерал-майор Глобачев.

— А куда ехать? — сипло спросил Рождественский. — Вы позволите? — кивнул он на портсигар.

— Конечно-конечно, — генерал-майор протянул ему спички. — А ехать наш подопечный намеревается в Туркестан. Вы ведь там служили? — Глобачев отчего-то вдруг перешел на «вы».

— Так точно, ваше превосходительство. — Терпкий дым «Гусарских» разъедал ноздри. — В Самарканде. В двенадцатом Туркестанском стрелковом полку.

— А туркестанским наречием владеете?

Разговор начал напоминать Рождественскому допрос.

— Немного понимаю по-туркски. Говорю плохо. Давно не практиковался.

— Очень хорошо! — Глобачев затушил папиросу в пепельнице. — Очень!

Рождественский отправил свою следом и насупился:

— Так, может быть, проясните суть дела, ваше превосходительство?

— Видишь ли, какая штука вышла, Сергей Петрович, — немного помолчав, начал генерал-майор. — Сработали мы грязно, без усердия, так сказать.

Подполковник ждал. Генерал-майор презрительно поджал губы, вспоминая о чем-то. Цокнул и продолжал:

— Перлюстраторы наши маху дали. Недоглядели... Работы, видите ли, много! — развел руками Глобачев. — Можно подумать, у них одних.

Рождественский пожал плечами. Он знал пару служащих «черного кабинета». Как-то в трактире, когда подполковник еще заливал горькую, один из почтовых цензоров пожаловался ему, что в день им приходиться вскрывать до трех тысяч писем. А еще их надо прочитать, скопировать и запечатать.

«А нас всего двенадцать душ в секретной экспедиции! На весь Петроград! — жаловался перлюстратор, утирая пьяные слезы. — И уважения никакого, не то что к вам, сыскарям! Иной раз так паскудно на душе, будто филер какой себя чувствуешь... А мы ведь важную работу для государства проводим! Мерзкую, конечно, но важную...»

— Вскрыли они одно письмо из Ташкента, а сразу доложить не доложили, — начал закипать генерал-майор. — Надо было его попридержать. А еще лучше — потерять, а они, головотяпы, копию сняли да и отправили адресату! И ладно бы мужицкое письмо или солдатское, так ведь нет! От товарища прокурора Ташкентской судебной палаты!

Головачев схватил со стола портсигар и принял остервенело разминать папиросу.

— Адресованное Александру Федоровичу Керенскому, известному тебе больше под кличкой Скорый.

Рождественский не понимал негодования начальника. Скорый был не опасен, так — мелкий пакостник и пустомеля. Правда, умудрился пролезть в Думу, но мало ли нынче в Думе пустомель?

— Так вот этот Керенский устроил в Таврическом большой шум по туркестанским делам. А как ты сам знаешь, дела там у нас не очень.

Подполковник кивнул. В Туркестане и правда дела шли неважно. Но еще хуже было в Степном Крае. За последние несколько суток известия о волнениях и грабежах все чаще начали приходить из Семиреченской области. Зная о диком нраве киргизов, он ожидал крови. Это было лишь вопросом времени.

— Сенаторы составили прошение генералу Алексееву. — Закурив, Глобачев слегка успокоился. — Молодцы из Военного министерства, недолго думая, предложили сенаторам отправить в Туркестан независимую комиссию. То ли надеялись, что раскачиваться долго будут парламентарии, то ли решили им на месте глаза замазать, не знаю. Но звонит мне сегодня вечером Алексей Тихонович...

Рождественский понял, что дело его дрянь. Если уж вице-директор Департамента полиции взялся за стирку грязного белья, то вопрос, считай, решенный. Ходили слухи, что Васильеву недолго оставалось быть «вице». Отказывать будущему первому жандарму его императорского величества Глобачев не стал бы ни под каким видом. Чего бы тот ни попросил.

— ...и что ты думаешь? Этот позер и высокочка Керенский! Возгла-вил! — по слогам произнес генерал-майор. — Помнишь, какую он истерику после ленского дела в прессе устроил? Еле отмылись тогда. А все эти игры в демократию! Свобода слова, будь она неладна!

— И какова моя задача? — осторожно спросил Рождественский, выждав, пока Глобачев остынет.

— А задача твоя, Сергей Петрович, глаз с него не спускать. Осуществить, так сказать, надзор с самого близкого расстояния.

— Я все еще не совсем понимаю, — искренне удивился Рождественский, — отчего вы отправляете меня филерствовать. У нас достаточно шпиков и на железной дороге, и в Туркестанском охранном отделении.

— От тебя не требуют наружного наблюдения. — Глобачев загасил окурок. Медленно поднялся и распахнул окно. Сырой петроградский воздух ворвался в прокуренную комнату. Рождественский поежился. — Это, скорее, работа изнутри.

Генерал-майор вернулся в кресло и уставиля на подчиненного.

— По легенде — ты будешь приписан к думской комиссии от военного ведомства для обеспечения ее безопасности. С завтрашнего дня мы тебя временно увольняем.

Рождественский едва не раскрыл рот от удивления.

— Нельзя допустить обнаружения связи между тобой и Охранным отделением на этом задании. Позволить этого мы не можем никоим образом, — сухие канцелярские фразы сыпались на Рождественского. — Поедешь в штатском. Документы от Военного министерства и подробную легенду тебе передадут послезавтра к вечеру.

Рождественский почувствовал, как с виска побежала капля пота.

— Так что я должен сделать, Константин Иванович?

Глобачев смотрел на него, не мигая.

— Войти в доверие. Отслеживать происходящее. И обеспечить безопасность. В пути ведь всякое может случиться. Времена неспокойные. — Генерал-майор пристально посмотрел в глаза Рождественскому. Взгляд его сделался холодным и острым. — Но геройствовать не надо, подполковник. Если с господином Керенским произойдет нечаянная трагедия, думаю, Россия это переживет.

У Рождественского разом пересохло в горле.

— Если я правильно вас понял, ваше превосходительство...

— Я очень надеюсь, — перебил его Глобачев, — что вы поняли меня правильно, господин подполковник. Еще вопросы?

— Никак нет, — отчеканил Рождественский. Голос прозвучал сиплым, не родным.

— Ну а когда вернетесь, мы оформим поездку как отпуск. — Глобачев улыбнулся и хитро прищурился. — А к тому времени, глядишь, и револьвер какой-нибудь отыщется среди улик. Засиделись вы в подполковниках, господин Рождественский. Думаю, у меня найдется возможность исправить это досадное

и несправедливое недоразумение. Я надеюсь, вы не будете против?

— Никак нет, — машинально повторил тот, пытаясь уложить в голове свалившиеся на него новости.

— В таком случае не смею вас задерживать.

Рождественский встал. Кивнул. И на деревянных ногах вышел из кабинета начальника Петроградского отделения по охранению общественной безопасности.

Словно автомат, Рождественский спустился к себе. Снял с вешалки шинель. Погасил свет. Щелкнул дверным замком. Зашагал по лестнице к выходу.

В вестибюле его окликнули:

— Господин подполковник! Господин подполковник!

Рождественский стеклянным взглядом уставился на ротмистра Богдановича.

— Увиделись? С его превосходительством?

Рождественский кивнул.

— Ну как они? Сильно гневались? — Ротмистр теребил в руках несвежий платок.

— Не особо, — проронил Рождественский.

— А чего от вас хотели? — уже вдогонку спросил Богданович.

— Повышение предлагал, — процедил Рождественский и хлопнул дверью.

В эту ночную пору Александровский проспект был пуст. Тихо горели фонари. Их свет мягко искрился в каплях морози, и оттого казалось, будто каждый столб увенчан ангельским нимбом.

Рождественский поднял воротник шинели и поморщился. Под сердцем кольнуло и стало горячо. Втягивая сквозь зубы стылый воздух, он зашагал по мостовой.

«Вот, значит, как, — думалось Рождественскому. — Не усердие мое оценил его превосходительство. Не руку помохи

протянул отчаявшемуся офицеру. То был крючок в мое сердце засажен. Да так искусно, что я и не заметил до поры. А теперь, стало быть, пора пришла. Потянул господин генерал-майор за леску. Подсек...»

Сердце, словно его и вправду рванули из груди, отзвалось новой болью.

«Найдут, значит, револьвер в уликах, — продолжал терзаться Рождественский. — Обнаружат. И бумаги по моему монгольскому делу подправят, уж это мы умеем. И всего-то делов, — горько усмехнулся подполковник, — избавиться от неугодного присяжного поверенного...»

Мимо прогрохотала по булыжнику запоздалая пролетка. Извозчик с надеждой косился на полицейского офицера, но тот, казалось, не видел ни его, ни повозки, ни бьющей подковами по притихшему проспекту лошади. Словно не в себе, вышагивал в сторону Мытнинской набережной.

Ноги сами вели Рождественского к дому на Васильевском острове. Он даже не заметил, что под ногами уже не булыжник, а дерево Биржевого моста. В голове ворочались мысли, в груди — сердце. Рождественский одолел десять пролетов, когда вдруг понял, что мост разведен.

Сунув в зубы папиросу, он навалился на решетку перил. Северный ветер бил в ноздри мазутным портовым запахом и срывал с кончика папиросы табачные искры.

«Как он там сказал? Опытный и надежный человек, — думал Рождественский, глядя, как прогорает на ветру папиронная бумага. — Кому можно доверить дело, за которое ни один порядочный офицер не возьмется... Дело, которое навсегда запятнает честь мундира... Настолько грязное дело, что и мундир-то придется снять...»

Снова резануло под сердцем. В груди стало нестерпимо горячо.

Рождественский сунул ладонь под шинель и наткнулся на твердое в кармане кителя. Пальцы сами собой расстегнули пуговицу и вытащили наружу маленькое насекомое. Серебристую фигурку сверчка. Ту самую, которую обнаружил у боевика Джамбалдоржа вместо револьвера и оставил себе как напоминание о чудовищной оплошности.

Рождественский скривился. Во время службы в Туркестане он ловил на сверчков черную рыбку — карабалык. Теперь на эту наживку поймали его.

Подполковник крепко сжал фигурку двумя пальцами, словно пытаясь раздавить серебряное насекомое. С трудом проглотил вставший поперек горла ком и с удивлением обнаружил, что в груди стало тихо. Там еще пекло и саднило, но это было уже не сердце, а одни лишь эмоции.

Подполковник Рождественский швырнул фигурку в реку. Швырнул от души, размахнувшись, что было мочи. Словно гранату на учениях. Словно вместе с ненавистным сверчком исчезли бы в темных водах Малой Невы все его воспоминания.

Все его беды.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПОСЛЕДНИЙ НАСТОЯЩИЙ АЛХИМИК

Англия, Лондон, 25 июля 1916 года

Третью встречу главе секретной службы Джорджу Мэнс菲尔ду Смит-Каммингу сэр Уинсли-старший назначил на Лестер-сквер в пять тридцать пополудни. Лучшего места в Лондоне, чем «Клуб бифштексов», для финального аккорда их переговоров было не сыскать.

Именно сегодня сэр Уинсли намеревался окончательно обговорить детали сомнительного мероприятия, предложенного ему Черчиллем и получившего в официальных бумагах Интеллидженс Сервис кодовое название «Операция “Целлулоид”». И в данном случае место определяло время, а не наоборот.

На правах старожила сэр Уинсли останавливался в клубе, когда дела семейные заставляли его покидать Эшли, а заботы Ордена — резиденцию в Мортлейке. Двери апартаментов на третьем этаже были гостеприимно распахнуты перед почетным членом клуба в любое время дня и ночи. Две комнаты, обставленные без роскоши, но с изяществом, успокаивали сэра Артура тишиной и зеленью обоев. Они олицетворяли благодатную мирную гавань в кипучем океане лондонской суэты, год от года рокочущем громче и громче. Здесь же, в «Клубе бифштексов», на протяжении долгих лет каждую третью среду сэр Уинсли

собирал за карточным столом узкий круг старых друзей, которых, к его величайшему сожалению, становилось все меньше.

— Время немилосердно, мой друг, — мрачно произнес сэр Уинсли в пустоту небольшой комнаты, отведенной в клубе под бридж. — Даже к алхимикам.

Перед ним на ломберном столе лежал раскрытый блокнот. Посреди страницы карандашом было выведено «25 октября». Должно быть, от охватившего в ту минуту сэра Артура волнения буквы вышли особенно колкими, а надпись смотрелась, как строй ощетинившихся пиками улан.

Часы пробили четверть шестого. Сэр Уинсли вздрогнул. Мерный звук колокола, призванного напоминать впавшим в азарт игрокам о времени, прозвучал вдруг погребальным звоном похоронной процессии. Заглавная «О» в названии месяца перестала походить на обращенное вверх острие копья и стала выглядеть траурным обелиском.

— Черт возьми! — раздраженно сказал он и перевернул страницу блокнота, словно это помогло бы отсрочить неизбежное. — Всего лишь пятьдесят один! Надеюсь, твои карты на этот раз подвели тебя, — пробурчал Артур, разглядывая карандашные пометки, составленные им в штаб-квартире секретной службы.

До обозначенной в блокноте даты оставалась еще не одна неделя, а вот до беседы с Джорджем Смит-Каммингом — менее пятнадцати минут. Пунктуальный капитан наверняка уже сидел в припаркованном у парадного входа клуба авто и в нетерпении крутил в руке трость. А быть может, давал последние наставления своему спутнику. Во время первой аудиенции в Мортлейке одноногий служака смог произвести на сэра Уинсли приятное впечатление. Теперь дело оставалось за незнакомцем, имя которого Артур так и не удосужился запомнить.

Артур еще раз взглянул на часы, набил трубку и откинулся в кресле.

***

Сэр Уинсли прежде не был лично знаком с капитаном Каммингом. Но едва тот ступил на порог Цитадели Хранителей, как между собой называли братья по ложе имение в Мортлейке, Артур понял, что они поладят с директором секретной службы.

Седой пятидесятипятилетний командор отличался военной выпрявкой, тяжелым выступающим подбородком и массивным носом. Сэру Артуру он сразу напомнил верного хозяину сторожевого пса, даже не мастифа, а скорее бандога, готового порвать любого по первому же приказу. В четырнадцатом году английский свет был взбудоражен трагическим событием. Капитан Камминг и его сын Аластейр попали в автокатастрофу. Автомобилем Каммингу придавило ногу, и, чтобы подползти к умирающему на его глазах сыну, он хладнокровно ампутировал ее перочинным ножом. Принесший такую жертву ради любви к наследнику не задумываясь отдал бы жизнь за Британию. И явно не только свою. Последние сомнения сэра Артура развеялись — Черчилль выбрал нужного человека. Справедливости ради надо было отдать должное бывшему первому лорду Адмиралтейства: в людях он разбираться умел.

Капитан Камминг явился не с пустыми руками. Желтая картонная папка манила сэра Уинсли на протяжении всего скучного ланча. Не то в силу характера, не то из-за издержек профессии собеседником Смит-Камминг оказался никудышным. Наконец, домучив положенные послеобеденные сигары, Артур велел Хоупу развлечь гостя прогулкой по дому и погрузился в чтение.

Цитадель Хранителей, построенная еще во времена правления Якова Первого, лишь немногим уступала в размерах Кенсингтонскому дворцу. Любование ее убранством занимало обычно три четверти часа, но изобилующие подробностями истории

старика Питера, разглядевшего в молчаливом капитане благодарного слушателя, выкроили для Артура вдвое больше.

За это время сэр Уинсли смог не только внимательно изучить содержимое папки, но и основательно поразмысльить.

Помеченные грифом «Совершенно секретно» страницы машинописи не поведали сэру Артуру практически ничего нового о сибирском старце. Слухи о незаурядных талантах Распутина дошли до Хранителей давно, теперь они лишь получили подтверждение от секретной службы его королевского величества.

Сэр Уинсли еще раз пробежался по тексту. Информаторы Интеллидженс Сервис приписывали Распутину недюжинные лекарские способности. Докладывали о его пророческих видениях. О необъяснимом обаянии и способности входить в доверие, в особенности к представительницам женского пола.

Отдельная справка была посвящена неудавшемуся покушению на старца двухлетней давности. Недовольные высокопоставленные священники подослали уродливую лицом мещанку, и та едва не зарезала Распутина. Несмотря на страшную рану живота, старец не только выжил, но и излечил себя сам: «исключительно целебными свойствами сибирских трав и молитвой».

«Неужели он смог заполучить Саламандру?» — подумал сэр Уинсли.

Саламандра была одним из самых сильных и опасных артефактов. Слабую личность она быстро сводила в могилу, но человек незаурядный становился практически неуязвим.

Уинсли поднес к свету приложенный к досье фотоснимок. С него диким взглядом таращился патлатый мужик в черной сутане. Косматая борода и расчесанные на пробор волосы тронуты сединой. Глубоко посаженные, словно впавшие глаза. Изможденное лицо. Старец оправдывал свое прозвище. Хотя данные секретной службы были верны — ему не исполнилось и пятидесяти.

— А быть может, и не только ее, — в задумчивости сэр Артур не заметил, что произнес фразу вслух.

По отрывочным сведениям о Саламандре, что удалось собрать ордену за несколько сотен лет существования, вышло, что эта фигурка позволяла хозяину пользоваться сразу несколькими артефактами. Конечно, такие потрясения не проходили для человеческого организма без последствий. Но за могущество Саламандры ранняя старость была более чем приемлемой платой.

Последние достоверные сведения об этой фигурке восходили к временам первых крестовых походов. Французские тамплиеры привезли ее из Святой земли в Европу в начале двенадцатого века. Во времена гонений на храмовников след ее потерялся. Правда, по косвенным признакам можно было предположить, что Саламандра побывала в руках и у Наполеона Бонапарта. Неудержимый корсиканец вполне мог упустить артефакт в России, так же как он упустил Москву. Поэтому владеть Саламандрой Распутин теоретически мог. А это значит...

Уинсли снова перечитал записку о покушении. В числе прочих, имевших зуб на Распутина, значился некий «божий человек» Дмитрий Козельский. В конце девяносто пятиго, недолго до прибытия сибирского старца в Петербург, он пользовался царской милостью, но с появлением Распутина был отдален от императорского дворца. Молва приписывала юродивому из Козельска дар ясновидения.

— Забавно, — протянул сэр Уинсли, пытаясь унять охвативший его восторг. Кончики пальцев забарабанили по столешнице.

До появления при дворе сибирский старец, по его же словам, провел много лет в странствиях. Что если целью его путешествий было вовсе не желание прикоснуться к святым местам, а жажда поиска — та, которая известна любому Хранителю?

Что если Распутину удалось завладеть не только Саламандрой, но и другими фигурками из утраченного наследия храмовников? Например, Котом, позволяющим заглянуть в будущее?

Артур вскочил на ноги и принял расхаживать по кабинету.

И если принять на веру слухи о пророческом даре Распутина, в действиях императора Николая многое становится понятным. В том числе и предложение объединить Гранд Флит с российским Балтийским флотом прямо накануне Ютландского сражения и Луцкого прорыва.

Опыт подсказывал Артуру, что следует избегать опасности выдавать желаемое за действительное. Поддавшись охотничьему азарту, легко можно пренебречь логикой. А там уже недалеко и до попыток объяснить любой слух о Распутине магическим действием артефакта. Успехи у дам, скажем, Обезьяной, а способность употреблять чудовищное количество алкоголя — воздействием Ласточки. Увлекаться и лелеять ничем пока не обоснованные ожидания губительно для дела. Для начала нужно основательно проработать Саламандру и Кота.

Сэр Уинсли нуждался в советчике, которому он полностью доверял. Необходимо выслушать мнение искушенного и непредвзятого человека, сведущего в оккультизме больше прочих, но не очарованного волшебством артефактов. Того, кто имеет связи в Российской империи.

Заложив руки за спину, сэр Артур в задумчивости мерил кабинет быстрыми шагами. В таком возбужденном состоянии его застал капитан Смит-Камминг.

— У вас удивительное собрание шпалер, сэр Уинсли. — Директор секретной службы был явно доволен осмотром Цитадели. — «Деяния апостолов» просто ошеломляют!

— Если бы я знал, что вы такой тонкий ценитель искусства, капитан, — Артур снова пришел в обычное расположение

духа, — думаю, наша трапеза прошла бы более увлекательно. Будем говорить о коврах или перейдем сразу к делу?

— Так что вы решили? — кинулся в атаку капитан Камминг.

— О решениях говорить еще преждевременно, — холодно ответил сэр Уинсли. — Скажите мне лучше вот что, сэр Камминг. Вы можете устроить конфиденциальный разговор с Парижем? В самое ближайшее время мне потребуется консультация по нашему вопросу с одним человеком.

Смит-Камминг задумался.

— Если только через наше посольство во Франции.

— А телефонистки?

— Думаю, мы сможем заменить их агентами службы на время разговора.

— Превосходно. — Сэр Уинсли сел за стол и взялся за перо. Угловатые буквы убористо покрывали бумагу:

«Мой дорогой Доктор! Недавние вести обрадовали меня: говорят, вы благополучно вернулись домой. Спешу поприветствовать вас и несколько запоздало поздравить с днем рождения. Прошу, свяжитесь со мной в удобное для вас время, но в самом ближайшем будущем. Дело безотлагательное. Нарочный этого письма все устроит. Искренне ваш, Шляпник».

— Вот, — сэр Уинсли протянул записку Каммингу. — Сегодня же телеграфируйте это в Париж. И пусть ваш агент лично доставит письмо и проводит адресата в посольство.

Капитан Камминг бегло просмотрел текст. Его брови едва не поползли вверх, но он тут же скрыл удивление. То, что сэра Уинсли называют за глаза Безумным Шляпником, для него не было секретом, а вот то, что он использует это прозвище в переписке, — шокировало.

— Гм, — прочистил горло Смит-Камминг и хмуро посмотрел на Артура. В бумаге не значился ни адрес, ни фамилия.

Капитан Камминг не любил идиотских вопросов. Еще больше он не любил, когда его заставляли их задавать. — И кто же он?

— Жерар Анаклет Винсент Анкесс, — объявил Уинсли и, выдержав паузу, добавил: — Более известный как доктор Папюс. Он недавно комиссован с фронта, и вы сможете найти его по обычному парижскому адресу или в клинике на рю Роден. Справитесь?

— Несомненно, — ухмыльнулся капитан Камминг. — Что-нибудь еще, сэр?

— Нет, пока только это, — ответил Артур, возвращая командору папку с документами. — Но как можно скорее.

Капитан Смит-Камминг заверил, что приложит для этого все возможные усилия, и откланялся.

Сэр Уинсли припомнил, когда он в последний раз видел Жерара Папюса. Это было летом тысяча девятьсот восьмого. Семнадцать масонских послушаний со всей Европы съехались в предместье Парижа на Конвент спиритуалистических уставов. Грандиозная встреча почитателей Великого Архитектора Вселенной была замечательным предлогом, чтобы собрать для разговора и Хранителей разных стран.

Редко выбирающийся на континент Уинсли не мог пропустить такое событие. Хранители, шагнувшие в двадцатый век вместе со всем человечеством, не всегда принимали меняющийся на глазах мир с радостью, но с оптимизмом смотрели в будущее. Казалось, в новом прогрессивном мире можно будет забыть о средневековых размолвках и сообща делать их великое дело. Начали говорить даже о единой библиотеке, о создании европейского справочника артефактов и их владельцев. Проклятая война смешала все планы, но Уинсли и теперь с удовольствием вспоминал те июньские дни.

После конвента Папюс уговорил Артура погостить у него на Монмартре. К девятьсот восьмому он уже превратился из

подающего надежды оккультиста в признанного алхимика и самого известного из магов-каббалистов. Артур всегда относился к магии скептически, признавая лишь волшебство предметов. Жерар Папюс был иного мнения. С шестнадцати лет он старался проникнуть в замысел Великого Архитектора и фигурки воспринимал лишь как рядовые амулеты, созданные высшими силами для потехи.

«Зачем покупать эклеры, когда можешь захаживать к кондитеру? — говорил он и, поглаживая забавную раздвоенную бороду, лукаво добавлял: — Да и скажу вам по секрету, сэр Артур, ассортимент у него не ограничивается одними эклерами!»

Уинсли неизменно возражал — как всегда, чересчур язвительно. Ему нравилось кипятить и без того горячую кровь сына французского химика и испанской цыганки. Сразу же завязывался их бесконечный диспут. Папюс отчаянно жестикулировал, ерошил всклокоченные волосы. Его взгляд полыхал из-под забавно нахмуренных, изящных, почти женских бровей. Сэр Уинсли улыбался одними кончиками губ и подливал масло аргументов в разгоревшуюся жаровню спора. Папюс мог препираться до хрипоты, но был отходчив, и разговор всегда заканчивался миром. Его детская открытость и необоримая вера в свою правоту, его преданность избранному пути очаровывали Артура безо всякой магии.

Как ни парадоксально, именно это разногласие и стало залогом их приятельских отношений, с годами окрепших до настоящей дружбы. Сэр Уинсли даже простил алхимику однажды упомянутое в разговоре прозвище, чего ни один человек до Папюса делать в присутствии Артура не смел. В общем-то, с прозвища все и началось. Они познакомились в девяносто четвертом на открытом чтении второй части «Математических курьезов» Чарльза Доджсона.

— Вы знаете, сэр Уинсли, когда в детстве мне читали «Алису в Стране чудес», я представлял Безумного Шляпника именно так, — сказал Жерар, пожимая Артуру руку и задирая голову, а потом невинно добавил: — Рядом с вами я чувствую себя Мартовским Зайцем.

Присутствующие замерли, ожидая взрыва. Но Артур вдруг расхохотался и ответил, что сходство определенно есть.

— Вы знаете, я в юности тоже читал «Нюктемерон Аполлония Тианского», — продолжал сэр Уинсли, глядя сверху вниз на беспардонного французского коротышку, — и знаю, что ваш псевдоним означает «врач». Так что после недавнего признания Парижским университетом ваших достижений на по-прище философии анатомии вы скорее не заяц, а живое олицетворение тавтологии, доктор Папюс.

Много позже Жерар принес извинения сэру Уинсли за этот нечаянный курьез, но к тому времени Артуру они уже были не нужны. Неординарный маг и алхимик смог завоевать доверие магистра британских Хранителей и прочно обосновался в узком кругу его друзей.

Любясь с горы Мучеников видами утопающего в зелени Парижа, залитого июньским солнцем девятьсот восьмого и пропитанного ароматом цветущей сирени, Артур наслаждался шардоне и неспешными беседами. Папюс увлеченно рассказывал о последней поездке в Россию. Его безумная идея принести свет мартинизма в страну бурых медведей начала воплощаться в реальность. Не без гордости он говорил о признании великой ложи Аполлония Тианского в Петербурге и о растущей популярности московской ложи святого Иоанна Равноапостольного.

— Русский император и члены его семьи проявляют значительный интерес к моим скромным трудам, — важно заявил Папюс, поднимая бокал, а потом признался, что был

представлен царю Николаю и даже проводил для него спиритический сеанс.

Тогда же сэр Уинсли впервые услышал о Распутине. Алхимик отзывался о нем весьма нелестно.

— Так значит, он шарлатан? — подначивал Артур.

— Не думаю, — помотал головой Папюс. — Но, бесспорно, человек он бесчестный. За всей его напускной духовностью скрывается настоящий чернокнижник.

Размякший от белого вина и приятной беседы, Артур не стал продолжать тот разговор. Но теперь осведомленность Жерара приходилась очень кстати. В начале войны доктор Папюс вступил во французский армейский корпус и возглавил фронтовой госпиталь. То, что он вернулся в Париж именно сейчас, было большой удачей. Конечно, глупо рассчитывать, что алхимик сразу бросит все накопившиеся дела и поспешит в британское посольство. Да и насколько известно, Папюс покинул армию не добровольно, его комиссовали по состоянию здоровья. Но Уинсли очень надеялся, что телеграмма, а вернее, то, что он подписал ее прозвищем, подчеркнет важность разговора.

Это ли обстоятельство сыграло главную роль, или капитан Смит-Камминг и вправду совершил маленькое чудо, но всего через три дня после его визита в Мортлейк за сэром Уинсли прибыло авто. Через час он уже входил в кабинет директора Интеллиджанс Сервис.

Капитан Камминг вскочил из-за стола и кинулся жать ему руку.

— Рад, что вы так быстро приехали, сэр Артур! — Смит-Камминг разливал по бокалам виски и был явно возбужден. — У нас будет время обсудить несколько моментов в ожидании звонка.

Сэр Уинсли откинулся на спинку кресла. Кабинет директора секретной службы был обставлен по-спартански. Все тут

подчинялось скорее pragmatизму, нежели эстетике. Громадный сейф в углу. Вращающийся стул у конторского бюро подле окна. Узкие стеллажи вдоль стен. Центр небольшой комнаты занимал широкий письменный стол и два кресла с высокими спинками. Над столом возвышался явно принесенный специально для сегодняшнего разговора телефонный аппарат. Сэр Артур, к своему неудовольствию, обнаружил, что слуховых рожков на аппарате два. Рядом с телефоном лежал набор для скорописи: листы мелованной бумаги, скрепленные в перекидной блокнот, и механический грифель.

— Мне все-таки до сих пор не ясно, сэр Уинсли, — продолжал директор секретной службы, — каким образом вы собираетесь обеспечить выполнение основной задачи операции?

— Я? — Артур пригубил виски и состроил скорбную мину. Обстановка кабинета и витиеватая речь капитана Камминга, вдруг начавшего изъясняться как стряпчий, наводили скуку. — Убийство — не моя задача. Это дело ваших полевых агентов.

— Видимо, я неверно выразился. — Смит-Камминг помолчал, подбирая слова. — Сэр Уинстон, должно быть, говорил вам, что устранить Распутина — это еще половина дела. Нам крайне нежелательно, чтобы в Петрограде даже заподозрили наше участие.

— Это будет уложено, не беспокойтесь, — кивнул сэр Уинсли. — Ваше дело — подобрать исполнителей и надежного курьера, который доставит им необходимое.

В руке Смита-Камминга возникла желтая папка.

— Вот кому мы решили поручить задание, — капитан Камминг выложил перед Артуром две фотографии. — Это Освальд Рейнер, — ткнул он в изображение молодого человека франтоватого вида. — Учился в Оксфорде с князем Феликсом Юсуповым. Имеет с ним дружеские отношения. Тот, в свою очередь, вхож в дом Распутина и страстно его ненавидит. Рейнер уже

провел с князем несколько подготовительных встреч и ждет дальнейших указаний.

Сэр Уинсли слушал вполуха. Его взгляд был прикован ко второй фотографии.

— Сидней Джордж Райли, — заметил это Смит-Камминг. — Он же Соломон Розенблюм. Выходец из России. Завербован в девяносто шестом. Планируется задействовать его в качестве подстраховки.

— Не соглашусь с вами, капитан, — голос Уинсли не подразумевал возражений. — Райли должен возглавлять операцию. Я настаиваю.

Шломо Розенблюм был знаком сэру Артуру. И самое главное — осведомлен о предметах. Ложа неоднократно обращалась к этому проныре, обладающему достаточным благородствием и столь же достаточной жадностью, чтобы держать язык за зубами.

— Как вам будет угодно. — Смит-Камминг пожал плечами. — Я, правда, не совсем понимаю...

— И не нужно, сэр Камминг! — оборвал его Уинсли. — Поговорим лучше вот о чем. По нашему джентльменскому соглашению с сэром Черчиллем, после устранения Распутина Ордену должны отойти все его предметы.

— Я в курсе, — поправил монокль Камминг.

— Позже я ознакомлю вас со списком, но это еще не все, — продолжил сэр Артур. — У меня есть некоторые опасения. Возможно, один из наиболее интересных для ложи артефактов Распутина находится сейчас у русского царя. Я бы просил не начинать операцию, не прояснив эту версию.

Камминг едва удержал монокль:

— И каким же образом?

— Мне нужно поговорить с человеком, недавно встречавшимся с царем Николаем. У вас есть такой на примете?

Директор секретной службы задумался.

— Император — большой поклонник синематографа, — спустя минуту начал он. — В феврале правительство командировало в Петроград капитана Бромхэда для демонстрации на фронтах наших агитационных фильмов. С высочайшего позволения русского императора, конечно. Бромхэд присутствовал на премьере в его резиденции.

— И где сейчас капитан?

— Вернулся из второго рейса передвижного синематографа по Финляндии. Кажется, показывали «Британия наготове».

— Как скоро он сможет прибыть в Лондон? — прищурился сэр Уинсли.

— Как только вам будет удобно, — заверил капитан Камминг. — Бромхэд как раз должен забрать третью ленту. Только что вышла «Битва на Сомме».

— С которой он вернется в Россию?

— Именно так, — кивнул Смит-Камминг.

— И как скоро?

Камминг пожал плечами:

— Я наведу справки. А какое это имеет отношение к делу?

— Для выполнения задания вашим людям понадобится кое-что из запасов Ордена, а лишние игроки нам ни к чему. Когда знают двое, знает и свинья, — сэр Уинсли невольно улыбнулся каламбуру, оценить который Смит-Камминг, конечно же, не мог. — Пусть ваш синематографист и доставит предметы агентам.

— Когда вы желаете его видеть?

Приглашать незнакомца в Мортлейк не хотелось. Передавать фигурки в стенах Интеллиджанс Сервис — тоже. Оставалось только одно. Сэр Артур все основательно взвесил и решил отменить свой традиционный «бридж-по-средам»:

— Приводите его в «Клуб бифштексов» на Лестер-сквер. В пять тридцать пополудни.

Вдруг неприятное дребезжание наполнило комнату. Смит-Камминг поднялся и снял с рычажка одну из трубок Белла-Сименса.

— Это вас, — капитан протянул сэру Уинсли слуховой рожок, а сам взялся за второй.

— Артур? — тревожно раздалось в трубке.

— Жерар, друг мой! — сэр Уинсли подался вперед, наклоняясь поближе к угольному микрофону. — Как я рад вас слышать!

— Что случилось, Артур? — взволнованный Папюс забыл о приличиях. — Что за спешка? Ты здоров? Нужна моя помощь?

— Не беспокойтесь, мой друг! Я потревожил вас исключительно по делам Ордена. Мне нужна всего лишь небольшая консультация.

— Слава Создателю, мон шер! — выдохнул Папюс, и Уинсли вдруг понял, что голос алхимика очень слаб. — Последнее время до меня доходят только неприятные известия.

— Ничего страшного, уверяю вас! Спасибо, что так быстро откликнулись. Я слышал, вам нездоровится?

— Не перестаю удивляться вашей осведомленности, сэр Артур, — ответил Папюс. — К сожалению, это так.

— Я очень признателен, что нашли время для разговора.

— Ну что вы! Я тоже очень рад вас услышать. В моем теперешнем положении это просто подарок судьбы! Так о чем вы хотели узнать, сэр Артур?

Уинсли взял механический карандаш.

— Меня интересуют подробности ваших поездок в Россию. Вы хорошо их помните?

Доктор Папюс фыркнул в трубку:

— Недуг поразил мое тело, но не затронул памяти, сэр Артур! Что вас интересует?

— Скажите, мой друг, ко времени вашего второго визита в Петербург Григорий Распутин только появился при дворе?

— А, — протянул алхимик, — вы печетесь об этом черно книжнике? Да, тогда он только появился. И сразу был обла скан двором. Его магические пассы облегчают страдания царевича.

— Действительно? — насторожился Уинсли. — Он и правда преуспел в лечении?

— Мальчик страдает от врожденного недуга, — ответил Папюс. — У него гемофилия, если вам это о чем-то говорит.

— Абсолютно нет.

— При этой болезни сложно говорить о выздоровлении, — пояснил алхимик. — Но Распутин действительно помогает ему, я был тому свидетелем.

— И как он это делает?

— Исключительно наложением рук и молитвой.

— То есть он касается царевича при лечении? — сэр Уинсли вывел на листке блокнота «Саламандра».

— Именно так, — подтвердил Папюс. — Что-нибудь еще? Артур задумался.

— Скажите, Жерар, а вы случайно не помните, был ли в то же время при дворе некий слабоумный Дмитрий из города Козельска? Русские вроде бы называют таких юродивыми. Якобы они еще могут предсказывать будущее.

На удивление Папюс ответил сразу:

— Он был там, но его отдалили. Весьма неплох — предсказал падение Порт-Артура. И, хочу добавить, Распутина этот блаженный яростно ненавидел.

Ноздри сэра Уинсли дрогнули. Он словно взял след:

— Вот как? Отчего же?

— Говорили, что эти господа не поделили сферу влияния. Два прорицателя при дворе — это хуже двух поварих

на кухне. — Сэр Артур медленно вывел грифелем на бумаге «Кот» и поставил вопросительный знак, когда Папюс закончил: — Но я думаю, все дело в женщине.

— В женщине? — от удивления сэр Уинсли чуть не потерял лицо.

— Видите ли, сэр... Я долгое время поддерживаю отношения с императорским лекарем Бадмаевым. Он, конечно, восточник, и у нас разные подходы в медицине, но человек весьма любопытный. — Вдруг Папюс закашлялся надрывно и сухо. В трубке будто лопнули на ветру брезентовые паруса. — Прошу прощения, — сказал алхимик и, отдышавшись, продолжил: — Так вот, мсье Бадмаев на протяжении двух лет лечил этого самого Митю от катара легких. Блаженный просто пеной исходил, когда говорил о Распутине, и все сетовал, что тот увел у него его милую кошечку. Так что я думаю, тут дела амурные.

— Возможно. — Уинсли исправил вопросительный знак после надписи «Кот» на жирный восклицательный. Подумал и поставил еще два. — Я давно заметил, что у этих господ весьма странные для божьих людей отношения с женским полом.

— Не судите, и не судимы будете, как сказано в Писании, — деликатно ответил Папюс. — Что-нибудь еще?

— Как вы уже, наверное, поняли, Жерар, у меня есть небольшое дело в России. — Сэр Артур посмотрел на Смит-Камминга, прильнувшего к трубке. — И для него мне нужен не слишком чистоплотный помощник. Кто-нибудь молодой, интересующийся политикой и мистицизмом. Имеющий опыт публичных выступлений. Возможно, из среднего класса. Но не роялист, а скорее, приверженец радикальных взглядов. Вы же неплохо знаете русских масонов, Жерар. Может быть, есть кто-нибудь на примете?

Папюс немного помолчал.

— В Петрограде действует масонская организация под названием Великий Восток народов России. Большинство

вольных каменщиков эту ложу так и не признало. Уж слишком она политична, амбициозна и мало почитает традиции. В ней даже великий магистр именуется генеральным секретарем, — алхимик хмыкнул в трубку. — В прошлом году организацию возглавил молодой человек по фамилии Керенский. Я думаю, он как раз тот, кого вы описали.

— Спасибо, мой друг! Вы очень помогли.

Он уже было хотел попрощаться, но вдруг Папюс произнес:

— Артур, у меня есть просьба и к вам.

— Все что угодно, — поспешил ответил сэр Уинсли.

— Вы не могли бы навестить меня, — Папюс снова закашлялся, — до двадцать пятого октября.

— К чему такая точность? — Сэр Артур машинально отметил дату в блокноте. — Вы куда-то собираетесь, мой друг?

— Можно сказать и так. — Уинсли мог поклясться, что алхимик на том конце провода улыбнулся. — Боюсь, что после этого дня я исчезну с физического плана.

В последней фразе алхимики прозвучало столько обреченности и печали, что у сэра Уинсли нехорошо кольнуло под сердцем.

— Не несите вздор! — буркнул он в трубку, но тут же смягчился. — Вы еще слишком молоды, чтобы встретиться с вашим любимым Архитектором.

— На фронте я подхватил чахотку, сэр Артур, — проронил Папюс, — а на днях разложил карты. Таро никогда не врут. Мои дни сочтены. — Из уст знаменитого врача и гадателя эти слова звучали приговором. — Я понимаю, сейчас война, и путь не близкий, но мне очень хотелось бы увидеть вас еще раз.

— Не падайте духом, Жерар! — строго велел сэр Уинсли. — Я сделаю все возможное.

— Благодарю вас, — шепнул Папюс и отключил связь.

Артур мрачно смотрел на зловещую дату. Если алхимик был прав, времени оставалось совсем немного.

«Время неумолимо», — пришла нехорошая мысль. Он проглотил мешающий дышать ком.

Помочь доктору Папюсу кроме него самого мог только один человек. Но для этого Артуру требовалась Саламандра.

— Операцию нужно начинать при первой же возможности, — хмуро произнес Уинсли и пододвинул блокнот Каммингу. — Это то, что ваши агенты должны обязательно отыскать у Распутина. И найдите мне все на этого Керенского.

— Вы еще намерены встретиться с капитаном Бромхэдом? — уточнил директор секретной службы, тщательно переписывая пометки.

Сэр Уинсли на мгновение заколебался, но поддаться чувствам себе не позволил.

— Все остается в силе, — сухо ответил Артур. — Я должен знать наверняка...

Теперь он сидел в комнате для бриджа на Лестер-сквер и ждал посетителей. До роковой даты оставалось ровно три месяца.

Уинсли отложил потухшую трубку и посмотрел на часы. Словно повинуясь этому взгляду, они начали бить шесть пополудни. С последним ударом дверь отворилась:

— К вам капитан Смит-Камминг и капитан Бромхэд, сэр, — доложили ему.

— Зовите, — кивнул сэр Уинсли и медленно поднялся из кресла.

В комнату вошел директор секретной службы:

— Добрый вечер, сэр Уинсли! Разрешите представить — капитан Альфред Бромхэд!

Появившийся следом военный вытянулся во фронт и отдал честь. Лицом он напоминал цирковых атлетов — кончики

щегольских усиков загнуты вверх, волосы уложены бриолином. Фигурой же на атлета капитан не походил. Он был невысок и круглобок.

— Капитан, — без прелюдий начал сэр Уинсли. — Меня известили, что вы присутствовали на премьере картины «Британия наготове» в Царском Селе.

— Так точно! — отчеканил Бромхэд. Он явно нервничал.

— Вы видели там русского царя?

— Его императорское величество пожаловали мне золотой портсигар!

Уинсли поморщился:

— Я спросил не об этом. Видели ли царя лично?

Капитан Бромхэд покраснел.

— Как сейчас вас, сэр!

Уинсли приблизился к капитану и пристально посмотрел ему в глаза.

— А теперь припомните, — медленно произнес Артур, но от его тона Бромхэд едва заметно втянул голову в плечи, — не было ли у царя Николая гетерохромии? Это очень важно, капитан. Постарайтесь сосредоточиться.

— Не припоминаю, сэр, — после некоторых раздумий ответил Бромхэд.

— Вы уверены?

— Насколько я помню, глаза были одного цвета, — сказал капитан, но голос его прозвучал не слишком убедительно.

Сэр Уинсли повернулся к Смит-Каммингу:

— У меня все.

— Можете идти, капитан, — директор секретной службы выглядел растерянно. — Вы нам очень помогли.

Бромхэд щелкнул каблуками, отдал честь и вышел.

— Вы удовлетворены, сэр Уинсли? — спросил Смит-Камминг, едва они остались одни.

— Не могу сказать, что полностью, — задумчиво произнес Артур. — А нам нужно знать наверняка. Вы сможете устроить еще один просмотр фильма для русского царя?

— На это может потребоваться время, но я думаю, это возможно, — кивнул Смит-Камминг.

— Времени у нас мало, — сдвинул брови Уинсли. — Постарайтесь сделать это как можно скорее. Если ваш синематографист подтвердит гетерохромию Николая Второго, придется изменить план. Если нет — начинайте операцию немедля. Что вы узнали о Керенском?

— Я думаю, он нам подойдет. — Смит-Камминг протянул неизменную желтую папку. — Он член Государственной думы, но застарелый радикал. Был в ссылке и, по моим данным, в молодости даже поговаривал о покушении на царя.

— Я удивляюсь этим русским. — Сэр Уинсли задумчиво перелистывал страницы досье. — По части их парламентариев давно плачет если не виселица, то уж точно каторга.

Директор секретной службы пожал плечами:

— Меня больше волнует наше предприятие, чем их нравственность.

— Да-да, — Артур вынул из внутреннего кармана твидового пиджака конверт и небольшую шкатулку из полированного ореха. — Здесь изложены инструкции и возможный перечень артефактов Распутина, — протянул он конверт капитану. — А это, — деревянная шкатулка оказалась в руках Смит-Камминга, — поможет, как у вас принято говорить, обеспечить выполнение основной задачи операции. Надеюсь, вы понимаете, что имущество Ордена должно быть возвращено ему при любых обстоятельствах?

— Безусловно, — кивнул Смит-Камминг и с любопытством уставился на коробочку. — Вы позволите?

Сэр Уинсли кивнул.

Директор Интеллидженс Сервис откинул крышку и поправил монокль. На черном бархате тускло блестела серебром маленькая фигурка орла.

— Вы хотите сказать, эта безделушка убедит русских, что они сами решили убить Распутина?

— Эта безделушка, — Уинсли хитро улыбнулся, — заставит поверить кого угодно во что угодно.

***

Двадцать седьмого сентября в могилевской Ставке русского царя состоялся показ британского агитфильма «Битва на Сомме» его императорскому величеству и цесаревичу, организованный капитаном Альфредом Бромхэдом. Вечером того же дня в штаб-квартиру секретной службы пришла шифровка: «Премьера сорвала овацию». Капитан Камминг моментально отдал приказ к началу операции «Целлулоид».

С этого дня сэр Уинсли с особым волнением перечитывал утреннюю прессу. Осенние дни шестнадцатого года тянулись для него мучительно долго...

Утром двадцать шестого октября сэр Уинсли с замиранием сердца раскрыл свежий номер «Дейли телеграф». Ожидание накалило Артура до предела, и он почти вырвал из рук Хоупа еще даже не проглаженную утюгом газету.

Сэр Уинсли наспех перелистывал страницы. Взгляд метался по заголовкам. Дрожащие пальцы вымазались типографской краской. Заметка была. Но не о Распутине.

Двадцать пятого октября на другой стороне Ла-Манша после долгой и тяжелой болезни умер, не приходя в сознание, Жерар Анаклет Винсент Анкoss. Последний настоящий алхимик.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ТУРКЕСТАНСКИЙ ДОЛЖНИК

Российская империя, Туркестанский край, август 1916 года

— А может, и к лучшему, что они вчера отправились, — сказал Керенский, помешивая серебряной ложечкой чай. — Я, знаете ли, не особо хотел их в попутчики.

— Отчего же? — Рождественский задумчиво поглаживал кончиком пальца изображение имперского орла, словно присевшего на подстаканник между буквами «Н» и «ЖД». — Не любите магометан?

Керенский отправил в рот ломтик лимона и поморщился:

— Не то чтобы не люблю, но слушать шестнадцать дней кряду их утренние песнопения не имею ни малейшего желания. Уж больно громко они молятся. — Александр Федорович сплюнул в кулак лимонную косточку и отправил ее в пепельницу. — Я в Ташкенте провел все детство и отрочество. Так меня эти побудки с младых ногтей раздражают.

Рождественский пожал плечами:

— Со своим уставом в чужой монастырь, сами знаете.

— Да бог с ними, с моими думскими коллегами, — картино махнул рукой Керенский. — День-два погоды не сделают. Зато теперь мы до самого Ташкента будем путешествовать с полным комфортом.

Тут Скорый был прав. Прикрепленный в хвосте поезда салон-вагон вызывал у Рождественского восхищение. Раньше ему довелось лишь однажды ехать в вагоне первого класса, да и то по долгу службы.

В салон-вагоне же все было для подполковника в диковинку. И отполированная до рези в глазах латунь ручек и крючков. И кашемир упругих купейных диванов. Сияющие улыбками, пуговицами и галунами на обшлагах рукавов проводники были одеты как для парада, а услужливы — как лакеи на графском обеде. Шелковое убранство и ореховые панели придавали пассажирам безусловную статусность. Здесь же, в вагоне, располагался небольшой ресторан и кухня.

Но больше всего Рождественского поразила задняя стена в конце вагона. Почти всю ее площадь занимали окна из зеркального стекла. Перед этими окнами для удобства курящих располагались плетеные кресла. Сидя в них и неспешно попыхивая папиросой, можно было любоваться пейзажем или поразмыслить о жизни, глядя за летящими из-под вагона рельсами и мелькающими шпалами. Впрочем, курить разрешалось и в купе, но Керенский настойчиво попросил воздержаться от этого.

Скорою Рождественский заприметил еще на подходе к Николаевскому вокзалу. Тот стоял у правой арки и, отчаянно жестикулируя, что-то объяснял молодой женщине с двумя мальчишками. Когда часы на башне показали четверть десятого, Керенский потрепал ребятишек по вихрам, поцеловал барышню в щеку и, подхватив объемный саквояж, засеменил к перронам.

Номер на выданном Рождественскому молчаливым адъютантом из Военного министерства билете указывал на первый от здания вокзала вагон. У его открытой двери Скорый общался с проводником.

— Все в порядке, господин Керенский, — вернул бумаги похожий на жандарма железнодорожный служащий. — Отправление через пять минут. Приятного путешествия.

Словно по взмаху волшебной палочки появился младший проводник:

— Отнести ваш багаж в купе?

— Было бы весьма кстати, — Керенский подал ему саквояж.

Рождественский решил не откладывать знакомство и уверенным шагом двинулся к будущему попутчику.

— Господин Керенский? — еще на ходу начал он протягивать руку. — Глава думской депутатии в Туркестан?

На лице Скорого мелькнуло удивление, а затем его сменила та растерянная мина, которая бывает у человека, силящегося вспомнить: откуда же он может знать этого улыбающегося ему незнакомца? Прежде чем он пришел в себя, его узкая ладонь уже прочувствовала крепкое рукопожатие подполковника.

— Капитан Рождественский, очень рад знакомству! Приписан Военным министерством для обеспечения безопасности поездки вашей комиссии. — Рождественский, не глядя, протянул командировочное удостоверение проводнику. Тот скептически рассматривал третий чемодан подполковника и его дешевое пальто.

— Взаимно, — неуверенно ответил Керенский.

Разглядев гербовую бумагу и печати, проводник расплылся в улыбке:

— Ваш багаж, капитан? — возвращая бумагу, спросил он.

— Вы позволите? — уцепился за документ Керенский.

— Конечно, — разрешил Рождественский и осведомился: — Александр Федорович, мы кого-нибудь ждем?

— Нет-нет, — покачал головой Скорый, слеповато щуря глаза в удостоверение. — Мой коллега и наш переводчик выехали вчера. А почему вы не в форме, капитан? — вдруг спросил он и уставился на подполковника.

Рождественский подхватил его под локоть, притянул к себе и заговорщицки прошептал, едва не касаясь уха:

— У меня тайная миссия, Александр Федорович. Пройдемте в купе, здесь становится шумно, — подполковник мотнул головой в сторону опаздывающих на посадку пассажиров.

Протяжно взревел паровозный гудок. Скорый затравленно оглянулся. Еще минуту назад вокруг было просторно, а теперь мимо них текла гоноящая человеческая река. Толкались и ругались на бегу солдаты с вещевыми мешками, мелкие буржуа с кожаными чемоданами, мещане с чемоданами деревянными и бабы с котомками, кошелками и малыми детьми. В этом человеческом потоке акулами сновали личности с пропитыми арестантскими рожами.

Рождественский заботливо отгородил Керенского от бурлящего водоворота широкой спиной и деликатно подтолкнул к вагону.

Первое время Скорый относился к «капитану» с легким недоверием. Тщательно изучал бумаги. Спрашивал о службе. Рождественский без запинки выдавал заученную легенду, а там, где ее не хватало, важно ссылался на секретность. Что касается личной жизни, рассказывать особо было нечего, и маска от природы молчальника подходила как нельзя кстати.

Впрочем, главе думской комиссии собеседник и не требовался. Ему был нужен слушатель. Долгая дорога сближает не хуже окопа. На четвертый день поездки Рождественский уже стал свидетелем откровений, о которых в офицерских кругах предпочитают не распространяться. Скорый же никогда не состоял на военной службе и с гордостью рассказывал о своих победах на любовном фронте.

К исходу второй недели, когда за зеркальными окнами курительной площадки вагон-салона остались далеко и Самаро-Златоустовская железная дорога, и Оренбург, а колесные пары

вовсю колотили по рельсам дороги Ташкентской, говорить стало не о чем даже Керенскому.

Азиатское солнце кутало жарким маревом проплывающий мимо пейзаж. Било сквозь зелень задернутых занавесок. Выжигало кислород в купе.

Попутчики пластами лежали в исподнем на диванах и исходили потом. Лень было не то что беседовать, лень было даже пить. Очередная остановка поезда заполняла вагон новой волнной степного жара. Превращала каждую станцию в адову пытку.

Когда до Ташкента оставалось меньше суток пути, поезд основательно встал.

Рождественский отодвинул занавеску и, жмурясь от солнца, прочел вокзальную вывеску:

«Станция “Арысь”».

— Что за задержка? — спустя час не выдержал Скорый. — Когда тронемся?

— Мы подбираем солдат, господа, — виноватым тоном ответил проводник и прошелся платком за воротом наглухо застегнутого мундира. — Сейчас пошлю разузнать об отправке.

Известия пришли неутешительные.

— Я очень извиняюсь, господа, — несмотря на жару, проводник имел крайне бледный вид. — Но тронемся мы только к вечеру. Сейчас будут отцеплять вагоны.

Керенский закатил глаза и скривил губы.

— В таком случае идемте, капитан, на воздух. Разомнем ноги.

— Это еще не все, господа, — проводник был готов расплакаться. — Наш вагон отцепляют. Кроме солдат нужно доставить пушки. Далее вы проследуете в вагоне второго класса.

— Как отцепляют? — взвился Скорый. — У меня транзит на вагон-салон до самого Ташкента!

— Не могу ничем помочь, господин депутат, — развел руками проводник. — Распоряжение лично от генерал-губернатора. Начальник вокзала показал мне телеграмму.

— Черт знает что такое! — Керенский тряхнул своей большой головой и принял одеваться.

Подполковник начал собирать вещи.

Через четверть часа, мокрые и взвинченные, они вывалились на раскаленный перрон станции «Арысь». Пробрались сквозь разгружающих ящики с подвод солдат и устремились в спасительную тень вокзала.

— Обратите внимание на архитектуру данного строения, капитан, — отдохнувший пару часов под каменными сводами Керенский снова обрел дар речи. — Его, как и многие по Ташкентской железной дороге, строили по проекту мужа моей покойной сестры. Она долго болела, — печально добавил он, и Рождественский только сейчас заметил, что кожа собеседника отливает нездоровой желтизной. — Должен сказать, в Туркестане для русских почти нет хороших врачей. Про сартов и вообще говорить нечего — их до сих пор лечат цирюльники. А у тех одинаковые методы что для ишака, что для батрака.

Через распахнутые окна в мерный гул зала ожидания воировался пронзительный мальчишеский голос:

— Кисля-кисляй малякъо-ой! Свежьюй бюлька-а!

Рот Рождественского наполнился слюной.

— Простоквashi с хлебом не желаете, Александр Федорович?

— И вам не советую! — скорчил гримасу тот. — Все это было свежим в лучшем случае до полудня. Пойдемте лучше в буфет, чаем полакомимся!

Вдруг звонкого мальчугана заглушил грохот сцепляемых вагонов.

— Началось? — оживился Скорый. — Идемте, капитан, прогуляемся. Жара вроде спала.

Неподалеку от выхода на перроне толпились казаки в темно-зеленых чекменях. Среди них выдавался один бородатый. Он стоял на сложенных горкой ящиках и тряс в воздухе зажатой в кулаке фуражкой.

Рождественский присмотрелся. Казаки все были как один матерые, второй очереди. На груди у многих красовались свежие Георгии. На светло-синих погонах желтели шифровки — «7.О.».

«Седьмой Оренбургский казачий полк», — машинально отметил он про себя.

— Что это там? — вытянул шею Керенский. — Митинг?

Подполковник глянул на белеющие вдалеке мундиры. Если это и был митинг, полиции явно не было до него дела.

Скорый уже пристроился промеж казаков и нескольких штатских. Рядом с ним оказался худой мужчина в ношеном чесучовом костюме. Над его расслабленным из-за жары галстуком выпирал гигантский кадык.

— Как же это так-то, браты? — сипло кричал бородатый казак, размахивая фуражкой. — Пока мы на фронте бошей бьем, кровушку льем за царя и отчество, тут такое вытворяется? Грабят! Жгут! Уводят в плен! Насильничают!

Рождественский пригляделся. По проявленному солнцем лицу казака текли слезы.

— Чего это он? — шепотом спросил Керенский у тощего.

— У него киргизы всю родню в Семиречье вырезали, — дернулся кадыком тот. — Дикость такая! Батыевщина! Покойникам кишки размотали и глаза выкололи. А может, и живым еще...

— Как же так-то? — повторял бородатый, утирая слезы. — А мы-то что?

По казакам пронесся тяжелый недовольный рокот.

— Слезай, Тимоха, бросай агитацию! Уже мы без тебя знаем, как басурманам козью морду устроить! Верно, браты?

— Верно! Верно! — закричали в толпе. — Знаем! Попомнят они православную кровушку!

Бородатый Тимоха слез с ящика.

— На-ка вот, опростай, пока урядник не видит, — пробасил кто-то, и по рукам казаков загуляла фляжка.

Рождественский смотрел на перекошенные гневом и горечью лица. Сдвинутые брови и тяжелые казачьи взгляды. Ему вдруг подумалось, что эта настоявшаяся злость сметет все на своем пути. Слепой казачьей ярости все равно, кто перед ней — киргиз ли, казах или узбек. Виноватый или безвинный. Ей нужно утоление, и утолить ее может только большая кровь. И самое страшное — подполковник поймал себя на мысли, что может их понять. Не оправдать, конечно, но понять он фронтовиков-казаков мог.

Вагоны перестали грохотать, и на перрон вышел станционный служащий.

— Дамы и господа! — прижимая к губам жестяной рупор, закричал он. — Милости прошу на посадку! Милости прошу по вагонам, дамы и господа!

Скорый стряхнул с себя задумчивость и уткнулся носом в билет:

— У нас с вами пятый, капитан, — вычитал он нужное и поморщился. — Второго класса.

Сидя промеж тучного господина, пахнущего чесноком, и насквозь мокрого от пота Керенского, подполковник с тоской вспоминал уют и покой вагон-салона. Колени Рождественского едва не упирались в тощие ноги их недавнего кадыкастого знакомца, сидящего напротив.

— У вас есть знакомые в Ташкенте, капитан? — спросил вдруг Скорый.

— Нет, — честно ответил подполковник. — Я думал остановиться в гостинице.

— Не советую, — покачал головой Керенский. — К утру вас обглодают клопы. Остановимся у моего брата. У него свой дом.

— Мне не хотелось бы стесняться...

— Отказа я не приму, — оборвал Скорый и улыбнулся — После этаких приключений вы мне почти как родня.

Жесткие сидения и спинки, битком набитые людьми «кубрики», спертый и жаркий воздух, казалось бы, напрочь исключали сон. Но спустя три часа тощий уже клевал носом, зажатый двумя молчаливыми офицерами, надвинувшими на глаза фуражки. Чесночный господин громко храпел.

Опасливо наблюдая, как на верхней полке покачивается в такт поезду сложенный штабелем багаж, Рождественский всю ночь не сомкнул глаз. На его правом плече сопел и вздрагивал окончательно сомлевший Керенский.

Утром семнадцатого августа поезд прибыл в Ташкент. На перроне их встречал моложавый человек лет тридцати.

— Федор Федорович, — представил его Скорый. — Мой родной братец.

— Капитан Рождественский, — протянул руку подполковник.

— Едемте скорее, господа. — Керенский подхватил саквояж и тронул за рукав брата. — Мне не терпится вымыться и переодеться!

Фаэтон, сверкая на солнце лаком крыльев, покатил по улицам Ташкента. Рождественский вертел головой, разглядывая низкие дома, над которыми вдалеке возвышались шпили минаретов и купола чортаков. Утренний город уже начинала накрывать волна жаркого воздуха. Она делала воздух густым, а людей медленными. Казалось, будто дутые шины фаэтона несут его мимо декорации — выцветшей гигантской фототипии. Все кругом было пыльным и серым: листья тополей и карагачей, трава у арыков, огромные ирисы на клумбах.

Проехали мимо мутных витринных стекол главной улицы и, обогнув покрытую выгоревшими на солнце афишами тумбу, свернули в кривой узкий проулок.

— Вот мы и дома. — Федор Федорович соскочил с экипажа и взялся за багаж. — Добро пожаловать, господа!

Небольшой домик из глиняного кирпича утопал в абрикосовом саду. Только восьмигранный мезонин, будто сторожевая башня, выныривал из листьев. На террасе среди белой плетеной мебели их ждала бледная женщина и хрупкая девочка лет пяти.

— Ниночка, душа моя, — Керенский приобнял барышню, поцеловал в щеку и наклонился к девочке. — Как ты, моя хорошая? Не кашляешь?

— Нетъ, — важно ответила малявка и забавно сморщила носик. — Дядя Саса, а ты привез мне кукву?

— Какой же я был бы дядя из столицы, если бы приехал без куквы? — расхохотался он, присел над саквояжем и выудил из него коробку, перевязанную розовым бантом. — Держи!

— Так, все подарки после обеда, — строго сказал Федор Федорович и обратился к подполковнику: — Вам постелют наверху. Там тесновато, конечно, но очень мило. Нина Алексеевна? — посмотрел он на жену. Та понимающе кивнула. — И проси поскорее подавать к столу — наши гости, должно быть, проголодались в пути. Идемте, капитан, я покажу, где у нас летний душ.

Через час вымыvшийся и посвежевший Рождественский наслаждался сочной баrаниной с рисом.

— Мы тут на станции известия о Степном крае слышали. — Скорый пригубил холодного компота из стакана. — Крайне тревожные.

— Это ужас, что творится, — кивнул Федор Федорович. — В Семиречье настоящая война разгорелась. А третьего дня на

службу сводка пришла. В селе Беловодском двести арестованных киргизов убили.

— То есть как? — перестал жевать Керенский.

— Пишут, что при попытке к бегству. Но я думаю, самосуд случился. Уж сильно туземцы зверствуют. — Федор Федорович вилкой гонял рис по тарелке. — А еще в Пишкее полиция с казаками поубивали больше сотни.

— Нападавших?

— Пленных, — помотал головой брат. — Уложили лицом вниз на главной площади и покололи штыками.

— Да это ж ни в какие ворота! — вспыхнул Скорый. — Что за самоуправство! А власти что делают?

— Думают начальство мое туда отправить, для выяснения. Когда все поуляжется. Там ведь натуральная война идет, Саша. У киргизов армия собралась. Пять тысяч человек осаждают Токмак.

— Ты съезди с ним туда, Федя, — попросил Александр. — Мне знать нужно, что там было. Всю правду знать. Это, конечно, чудовищно...

В столовой повисло молчание.

— Времена тяжелые нынче, тут вы правы, — нарушила ее Нина Алексеевна. Ей явно не нравилась выбранная для разговора мужчинами тема. — Край такой благословенный был, а теперь и тут голод. Нищих стало полно, босоты. Цены за год взлетели, боже ж мой! На муку и рис — вдвое, на сахар и сало — аж в три раза. Мясо вон, — она ткнула вилкой в баранину, — уже двенадцать рублей пуд. Яблоки и те — шесть.

— Скоро будем машхудру кушать, — улыбнулся Федор Федорович и перевел разговор на дела: — А какие у вас планы, господа?

— Думаю сначала навестить Мухамедьярова, — Керенский так и не смог вспомнить, как зовут гласного Ташкентской

городской думы, — разузнать о моих коллегах. А потом к Куропаткину наведаться.

— А вот это навряд ли выйдет. — Брат отодвинул тарелку. — Генерал-губернатор намедни отправился в Джизак. Ка-раты и миловать.

— Бунт подавлен? — встрял в разговор Рождественский.

Младший Керенский вытер губы салфеткой и вздохнул:

— Старую часть города войска с землей сравняли. После артобстрела у сартов начисто пропало желание бунтовать.

— Ну, раз так, — допил компот Скорый, — поедем для начала туда. Пообщаемся с туземцами. Я думаю, им будет, что нам рассказать.

Едва спала полуденная жара, они устремились на пыльные улицы Ташкента.

Шли пешком. Скорый, то и дело показывая Рождественскому на дома, сады и памятники, сыпал рассказами из истории города и своей юности. Закончил он импровизированную экскурсию только у здания Ташкентской городской думы.

Отысканный товарищ думского гласного настороженно осмотрел гостей и холодно заявил, что самого господина Мухамедьярова нет. Шакир Зарифович отбыл с петроградским депутатом Тевкелевым в Джизак.

Керенский и правда хорошо знал повадки туземцев. Предъявленная бумага и прозвучавшая едва ли не титулом должность «глава депутатации» сделали чудеса. Товарищ гласного расплылся в улыбке и стал многословно, как принято на Востоке, извиняться. На столе, словно по мановению волшебной палочки, появился чай и сладости.

Прихлебывая из пиалы, Александр Федорович завел неспешную беседу. Рождественский потихоньку улыбался в усы. Из депутата вышел бы отличный дознаватель. Вид у него был важный и весьма знающий. Эта манера в разговоре позволяла

Скорому выдавать за непреложную истину любую случайно услышанную новость. Проникшийся уважением к столь осведомленному в туркестанских делах столичному гостю, товарищ городского гласного к концу беседы говорил уже без опаски и выболтал все, что знал.

Весь следующий день глава думской комиссии и подполковник провели в приемной генерала Ерофеева. Начальник канцелярии трижды подходил к Керенскому и разводил руками. Помощник губернатора Туркестанского края проводил совещание за совещанием, беспрерывно встречался с просителями и докладчиками, и все их прошения и доклады не терпели отлагательств. Аудиенция переносилась раз за разом.

Рождественский видел, как в Скором, будто молнии в грозовой туче, начинает собираться раздражение.

Часов около пяти пополудни одетый в мундир клерк развел руками в четвертый раз и предложил господам из Петрограда зайти завтра. До встречи с ними Алексей Николаевич так и не снизошел.

Керенский был в бешенстве. Вытребовав в вестибюле губернаторской резиденции телефон, он схватил трубку, едва не оборвав провод, и позвонил в городскую думу. В двух емких фразах он сообщил, что выезжает первым же поездом в Джизак, и настоятельно попросил организовать ему там встречу.

Пулей вылетев на улицу, Скорый свистнул двуколку. Безресорная повозка тряслась по булыжнику главной улицы. Морщась на каждой кочке, Александр Федорович отчаянно жестикулировал и высказывал все, что думает о провинциальных бюрократах. Подполковник одобряюще кивал. Он пытался держать бодрый вид, но был вымотан за эти два дня больше, чем за всю поездку. Ташкент выжимал из него силы каплю за каплей, будто пот. Скорый же походил на динамо-машинку. Оставалось лишь поражаться, сколько энергии таится в этом болезненном на вид человеке.

Забежав домой за багажом, они на той же двуколке помчались к вокзалу. Выплеснув остатки гнева, Скорый всю дорогу молчал.

Едва Рождественский переступил порог купе, как сразу почувствовал себя в финской бане. Нагретый за день вагон доконал Скорого. А быть может, вместе с гневом его оставили и последние силы. Керенский позеленел лицом и метнулся в уборную. Его мутило.

Вернулся он серый, шатающийся и потный. Медленно стянул липнущую к телу рубашку. Лег навзничь и накрылся мокрым полотенцем.

Подполковник смотрел на свое отражение в потемневшем окне. В стук разрезающего Туркестан поезда вплетался натужный сип попутчика. Он лежал под просохшим уже полотенцем в той же позе, не шевелясь, будто покойник. Казалось, только это прерывистое, рыбье дыхание удерживает Скорого среди живых.

Рождественский покосился на лежавшую рядом подушку.

Пальцы сами сжали набитый пухом мешок.

Вдруг снаружи что-то глухо стукнуло в вагонное стекло. Рождественский вздрогнул. Виски сдавило. В голове его ударили курантами часы Николаевского вокзала.

Из темноты за окном медленно прступил силуэт молодой женщины. Она прижимала к себе двух вихрастых мальчишек. Рождественский различил их заплаканные лица.

«Дядя Саса, а ты привез мне кукву?» — зазвучал тоненький детский голос.

Подполковник зажмурился, прогоняя наваждение, и судорожно сглотнул.

Качающийся поезд мчался сквозь туркестанскую ночь. Мерно стучали колеса. Тихо дышал под сухим полотенцем Скорый.

Рождественский скомкал подушку, лег и сунул ее под голову.

Заснуть он смог только к утру.

Утром двадцать третьего августа поезд прибыл в Джизак. На вокзале их встретил сухощавый казах. Высокий с залысинами лоб, живые раскосые глаза и висячие усики делали его похожим на китайского хитреца.

— Мустафа Чокаев, — представился он подполковнику.

— Это наш коллега из мусульманской фракции, — пояснил Керенский. — Приехал сюда переводчиком. А где Кутлу-Мухамет Батыргараевич?

— Он ждет вас в доме нового уездного начальника, — ответил Чокаев, провожая их к экипажу.

Пролетка с откидным верхом около получаса добиралась от станции до старой части Джизака. Вернее, до того места, что осталось от города.

Карательная экспедиция оправдала свое название. Еще на подъезде к Джизаку стали попадаться пепелища деревень. Обугленные деревья недавно цветущих садов черными головнями высились вдоль дороги, тянули обожженные ветки к высокому желтому небу. Стоячая вода зеленела в арыках.

Обломками зубов торчали впереди остатки крепостной стены. Артиллерия превратила низкие дома и узкие улочки в единое крошево из обугленной глины. Выковыривая из-под завалов нехитрый скарб, на развалинах копошились туземцы. Уцелевшие минареты отбрасывали на них длинные траурные тени. Миновав руины, повозка одолела еще четыре версты и въехала на русскую территорию города — укрепление Ключевое.

Депутат Тевкелев поджидал их на ступенях городской управы.

— Куропаткин здесь? — вместо приветствия бросил Керенский.

— Генерал-губернатор вчера уехал в Самарканд. — Тевкелев подкрутил кончик уса и повернул вытянутое лицо к Скорому. — Вы себя хорошо чувствуете, Александр Федорович?

— Пустяки! — махнул рукой тот. — Скажите лучше, что Куропаткин тут делал? Вы встречались?

— Не довелось, — признался Тевкелев. — Я виделся лишь с мусульманскими старейшинами и знаю все только с их слов.

— И что говорят? Как настроение в массах?

— Подавленное, — подобрал нужное слово депутат. — От разговора уходят. Сказали только, что много крови пролилось. Что генерал-губернатор по приезду хотел сначала всех повесить, но потом смилиостивился. Объявил, что за убийство русских людей вся земля вокруг на пять верст отойдет государству. Туземцы теперь лишний раз голову поднять бояться, не то что разговаривать.

— С такими заявлениями он нам все карты смешает, — скривился Скорый. — Медлить нельзя! Сегодня же отправляемся в Самарканд!

— Сегодня поезда уже не будет, — сообщил Чокаев. — Да и вам с дороги отдохнуть бы.

Рождественский устало усмехнулся. Видно, плохо вато знали члены депутатации своего главу.

— Поедем лошадьми, — приказным тоном заявил Скорый. — Выезжаем немедля. К вечеру будем там.

Чокаев с надеждой посмотрел на Тевкелева, но не нашел поддержки. Бормоча что-то на тюркском, переводчик поплелся искать ямщиков. Подполковник разобрал в его ворчании что-то про жару и собак, которым и восемьдесят пять верст не крюк.

К трем часам дня унылые киргизские лошади тянули дорожную карету по почтовому тракту в Самарканд. Такыры сменялись барханами. Барханы превращались в покрытую трещинами, поросшую саксаулом степь.

Однообразие пейзажа нарушилось лишь единожды. Словно мираж из полуденного марева, выплыли навстречу путешественникам «Железные врата». Проход, разделяющий хребты

Мальгузар и Нурагау, дышал величием древности и по праву назывался воротами Тамерлана. Скудная зелень жалась к извилистой речке Санзар, несущей свои воды в этот узкий скалистый проем. Рождественский едва не потерял шляпу, разглядывая уходящие ввысь отвесные стены ущелья. Они давили, нависали над петляющей дорогой. Казалось, вот-вот — и обрушатся с них камни, засыпая сорокаметровое ущелье вместе с непрошеными гостями. Полетят копья и стрелы стражей хана Тимура, все еще защищающих подходы к столице своего эмира.

В Самарканде Куропаткина не оказалось. Депутаты разместились с генерал-губернатором. Немногим ранее он отправился поездом в Ташкент.

Измученные путешественники мечтали об отдыхе, но разбушевавшийся Скорый и слышать ничего не хотел. Днем они устроили небольшой митинг на базарной площади, а тем же вечером поезд уже нес депутатацию в Андижан.

Утром двадцать пятого августа площадь у мечети Джами была переполнена сартами и киргизами. Магометане не торопились расходиться после молитвы. Они ждали гостей от ак подшо — белого царя. На каменных ступеньках теснилась беднота. В тени черепичного навеса, подпираемого резными деревянными столбами, расположились муллы, манапы и горожане побогаче.

Среди туземцев белыми пятнами мелькали полицейские мундиры. Рождественский ухмыльнулся: за всю их поездку местное отделение «охранки» впервые напомнило о себе.

Тевкелев выступил вперед и поднял руку, призывая к тишине.

— Ас-саляму алайкум, уважаемые! В поисках правды мы явились в ваш славный город, — начал он уже слышанную Рождественским речь. Те же самые слова уфимский депутат

произносил перед магометанами Самарканда. Наверное, те же он говорил и в Джизаке. Результат был схожим — беседа не ладилась. Туземцы молчали.

Тогда слово взял Керенский.

— Первым делом я бы попросил, — выдерживая паузы для удобства переводчика, начал он, — покинуть наше собрание господ полицейских! Все мы здесь мирные люди и собрались для душевного разговора. Тут нет никакой опасности, и нужды в услугах полиции тоже нет!

По зрителям ронесся рокот одобрения. Жандармы переглянулись. Бывший за старшего ротмистр попытался нашептать что-то на ухо Скорому, но тот остался непреклонен. Придерживая на ходу «селедки», белые мундиры покинули площадь.

— Уважаемые, — продолжил Керенский, едва полиция скрылась из виду. — Уверяю вас, и в Туркестане, и в России есть русские люди, которым небезразличны судьбы туземного населения! Наша комиссия — живой тому пример! А лично я готов работать для вас так же, как и для своего народа!

После его пламенной речи дело сдвинулось. Туземцы на перебой стали жаловаться на тяжелую жизнь. На военные поборы и взяточничество. На недостаток пригодных земель. Жалоб было столько, что Скорый тут же попросил нести чернила с бумагой и организовал их запись. Обучение в медресе и мактабах проводить по шариату. Народных судей подчинить Духовному собранию. Тела убитых не вскрывать. Всякие книги печатать мусульманским шрифтом. Всю полицию назначить из мусульман. И конечно же — вернуть землю и не забирать сыновей, отцов и братьев на войну с «Германом». В три пера ложились на хлопковые листы жалобы и просьбы к белому царю.

Керенский сиял как новый пятак и потирал руки.

— Уважаемые, я постараюсь устроить для вас все, о чем вы просили! — тряся в воздухе пачкой исписанных листов, сказал

он в завершение собрания. — Все вы должны знать: теперь в России повсеместно беспорядки, вызываемые неправильными действиями правительства! Я убежден, по окончании войны в России обязательно вспыхнет революция, которая низвергнет существующую власть и заменит ее новой, лучшей властью, построенной исключительно на выборных началах!

Рождественский внимательно слушал Чокаева. Переводчик исправно повторял слова Скорого на тюркском.

Тем же вечером к депутатации приставили двух полицейских. А на следующий день Александру Федоровичу вручили телеграмму от генерал-губернатора. Куропаткин настоятельно советовал ему воздержаться при дальнейшем общении с местным населением от всяких разговоров на общеполитические темы. Керенский лишь картинно складывал ироничные гримасы и назначал все новые встречи: с беднотой и священниками, с торговцами рисом и хозяевами маслобоен, с интеллигенцией и владельцами хлопкоочистительных заводов. Молва о столичных заступниках покатилась по Ферганской долине.

На вокзале в Коканде их уже не просто встречали, их — приветствовали. Не обошлось и без репортеров: Скорый долго позировал, улыбаясь в объективы трехногих фотоаппаратов. Депутацию разместили в гостинице с вычурным для Коканда названием «Лондон». Представители татарской и русской общественности хотели даже закатить в честь гостей банкет, но администрация гостиницы воспротивилась. Рождественский сначала решил, что из опасения прогневать властей, но уже потом, увидев обшарпанное здание, понял — из боязни позора на всю страну.

Банкет в честь депутатии все-таки состоялся. Правда, через четыре дня и уже в Ташкенте. Политическая и торговая элита города расстаралась на славу. Просторный зал имения одного из фабрикантов вместил более ста человек. Пышное застолье завершилось балом и салютом.

Керенский был в центре внимания. Первый тост на пра-вах почетного гостя доверили ему. Подняв за тонкую ножку бокал шампанского, он поблагодарил собравшихся за радуш-ный прием и заверил, что по возвращении в Петроград высту-пит с объективным и всеобъемлющим докладом о ситуации в Туркестане.

Весь следующий день они провели в Ташкентской го-родской Думе. Туземные депутаты приходили засвидетель-ствовать почтение и порассуждать о будущем страны. Все их визиты сводились к нехитрым просьбам — лоббировать пред-ставительство Туркестанского края в Думе следующего созы-ва и поспособствовать их переезду в Петроград.

Работа комиссии подходила к концу. Угомонившийся на-конец-то Скорый вернулся в дом брата до ужина. Рождествен-ский поднялся к себе в мезонин, скинул ненавистные ботинки и с наслаждением завалился на кровать.

В такт гудящему телу гудели в голове мысли. Подполков-ник думал о том, что это путешествие изменило его отношение к Керенскому. Фотография и сухие строчки досье из папки с за-вязочками превратились в живого человека. Крамольного, но искренне верящего в свое дело. Человека, достойного уважения.

Думал Рождественский и о подушке в поезде на Джизак. О том, как придется докладывать о «не проявленной должностной настойчивости в порученной ему миссии». О том, что последу-ет за этим докладом.

О том, сумел бы он положить эту подушку на лицо Скоро-му, окажись снова в том душном купе, думать подполковнику не хотелось.

Ход его мыслей прервал едва различимый в будничных звуках дома скрип калитки. Рождественский вскочил с кровати, бросился к окну и увидел, как Александр Федорович, помахав кому-то из домашних, засеменил вверх по переулку.

На бегу надевая пиджак, Рождественский кинулся к выходу.

— Папирос забыл купить, — едва не налетев в дверях на хозяйку, пробормотал он и быстрым шагом пересек сад.

Скорого не зря так прозвали в Охранном отделении. Двигался он стремительно, будто поезд, едва ли не на полусогнутых ногах. Со стороны это смотрелось забавно, но филерам приходилось не до смеха — для слежки за Керенским нужно было обладать недюжинной прытью. Рождественский ощутил это на своей шкуре. Нагнать Скорого он сумел только на улице Боткина. Держась на должном расстоянии, подполковник перевел дух.

Керенский перешел на другую сторону улицы и направился к кладбищенской ограде. Пройдя ворота, Скорый двинулся по главной аллее в направлении храма. Заходящее солнце отражалось от золотых маковок и напоминало о смирении и тщетности всего сущего.

Рождественскому стало не по себе. Перехватило дыхание. Словно он и впрямь облачился в тесное и постыдное «гороховое пальто».

Тем временем Скорый свернул с главной аллеи направо и медленно, словно боясь что-то пропустить, двинулся среди могил.

Подполковник добавил ходу. Проскочив церковные ворота, он, срываясь на бег, метнулся к дальней калитке. Тропинка за ней вывела к арыку. Стараясь не потерять из виду широкополую шляпу Керенского среди памятников и крестов, подполковник шел вдоль канала. Тишину кладбища нарушали лишь его тихие шаги да журчащая вода.

Слева ударили церковный колокол. Небо над храмом тут же наполнилось каркающим вороньем. Рождественский вздрогнул и перекрестился, на мгновение выпуская Скорого из вида.

Мгновения хватило. Шляпа исчезла.

Подполковник вытянул шею. Закрутил головой. Керенского не было видно.

Рождественский выругался сквозь зубы и медленно начал пробираться туда, где видел его в последний раз.

Солнце почти скрылось за горизонтом. На кладбище опустились серые тени. Все сделалось зыбким и призрачным. Подполковник отчего-то вдруг вспомнил, что в спешке не захватил с собою оружия.

Вдруг впереди послышалось неясное бормотание. Он осторожно выглянулся из-за надгробия и увидел Скорого. Тот стоял, опустив непокрытую голову, подле массивного двухметрового креста черного мрамора.

— Кланяйся родителям, — разобрал Рождественский его бормотание. — Передай, мы их помним и любим.

Скорый поцеловал кончики пальцев и коснулся ими креста. Грустно вздохнув, он надел шляпу и зашагал меж могил к центральной аллее.

Подполковник ощутил, что щеки его пылают. Скользнув к надгробию, он чиркнул спичкой и высветил на мраморе золотые буквы: «Надежда Федоровна Сварчевская».

«Она долго болела...» — вспомнились ему печальные слова Керенского.

Стыд жгучей плеткой хлестал сердце подполковника. Он ощущал себя совершенно никчемным и гадким человеком.

— Я должен был проследить. — Рождественский попытался утихомирить жжение в груди. — Меня за этим послали.

«Не только за этим, — неумолимо откликалось в голове. — Тебя послали убить этого человека. Виновного лишь в том, что без опаски говорит неугодные вещи».

Спичка обожгла подполковнику пальцы и погасла.

Держась на почтительном расстоянии, Рождественский пошел вслед за Александром Федоровичем.

Тот на всех парах летел мимо опустевших к вечеру дуканов. На Ташкент обрушилась ночь. Улицы освещались лишь мерцанием громадных звезд и бледным светом растущей луны. Рождественский уже и позабыл, как стремительно темнеет в этих краях. Стаяясь не упустить Скорого, он прибавил ходу.

Впереди зазывала огнями и запахами чайхана. От ее входа наперерез Керенскому метнулась маленькая сгорблена фигура. В падающем из окон заведения свете Рождественский разглядел нищенку, прижимающую к груди спленатого в лохмотья ребенка. Она теребила Керенского за рукав и что-то заунывно причитала.

Александр Федорович вынул из кармана бумажник. Подставив его нутро под свет окон, он выудил ассигнацию и протянул попрошайке. Та выхватила ее, будто каштан из огня, и сунула за пазуху.

Керенский вернул кошелек на место и пошел дальше. Подполковник двинулся было за ним, но тут случилось странное.

Нищенка выпустила из рук ребенка. Не издав ни звука, сверток шлепнулся на мостовую. Женщина кинулась к ближайшей шийпане. Из темноты каркасной беседки выплыли три коренастые фигуры. Выслушав торопливый бубнеж попрошайки, они припустили за Керенским.

Рождественский еще раз пожалел, что не взял с собой револьвера. Что было духу он бросился следом, но никак не мог догнать проворных туземцев. Насколько хватало глаз, улица пустовала. Ни Керенского, ни его преследователей видно не было. Дома здесь липли друг к другу, и подполковник едва не пролетел мимо чернеющей пустотой подворотни. Он остановился, переводя дух, и прислушался. Так и есть: в глубине узкого проема слышался шум возни.

Оставленный настороже душегуб не успел подать сигнала подельникам — короткий прямой в кадык, и он безмолвно повалился.

Перед Рождественским открылась залитая лунным светом картина. Керенского прижали к глинобитной стене двое бандитов. Один шарил по его карманам, второй держал у горла длинный и загибающийся к кончику нож.

— Руки уберите, шакалы, — прорычал подполковник на тюркском, чувствуя, как позабытый уже боевой азарт кипятит кровь и бьет в голову.

Сарт, что пониже ростом, резко обернулся. Выдернул руку из кармана Керенского и запустил ее за пазуху своего халата. Дожидаться его дальнейших действий Рождественский не стал. Одним прыжком он покрыл расстояние меж ними и ударили ногой, метя в колено. Там хрустнуло, и под вопль грабителя подполковник быстро огляделся.

Все, что он успел заметить, — отблеск луны на летящей в живот стали. Тело автоматически развернулось боком, будто снова оказалось на татами в зале Петербургской полицейской школы. Руки сами сделали свое дело. Левая ладонь сжала лезвие и потянула его дальше по движению. Правая — ударила вверх, под челюсть нападавшему. Роняя остроносые галоши, душегуб опрокинулся навзничь, крепко приложившись о землю головой.

По инерции Рождественский надавил коленом на грудь и замахнулся, метя острием ножа в горло, но его крепко схватили за руку.

— Не берите греха на душу, капитан, — голос Керенского дрожал. — Уйдемте отсюда скорее.

Подполковник отшвырнул нож и встал на ноги. Низкорослый сарт выл у стены, обхватив сломанное колено.

— У вас кровь. — Керенский протянул подполковнику галстук.

Рождественский молча обернулся им рану на руке.

— Да идемте же! — прошептал Александр Федорович. — Не ровен час, жандармы появятся!

Рождественский, чувствуя, как слабеет оставленное адреналином тело, повиновался.

Остаток пути они прошли молча. Уже у калитки перед домом Керенский остановился и внимательно посмотрел в глаза подполковнику:

— Сергей Петрович, а как вы, — Рождественский уже приготовился отвечать что-то про папиросы, но вопрос закончился неожиданно, — как вы это сделали? Там, в переулке? Это какая-то борьба?

— Японская, — улыбнулся подполковник и облегченно вздохнул. Объяснить, что он делал на той улице в столь поздний час, не хотелось. — Джиу-джитсу. Увлекался в молодости чтением Гарри Гонкока.

— Не слышал о таком, — признался Керенский. — Удивительная вещь.

— Я бы хотел, — сказал Рождественский, — чтобы это произошло осталось между нами.

— Как вам будет угодно, — кивнул Александр Федорович. И, прежде чем открыть дверь, добавил: — Спасибо вам, капитан. Теперь я ваш вечный должник.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОХОТНИК ЗА ВОЛЬНЫМИ КАМЕНЩИКАМИ

Российская империя, Петроград, октябрь 1916 года

С начала войны Соломон Розенблюм ощущал себя «спящим» агентом.

Первые тревожные изменения начались в тринадцатом. Тогда ему перестали выплачивать ежемесячное жалование. Капитан Джон Скэйл из Интеллиджанс Сервис принес извинения, но сообщил — отныне деньги будут поступать только за свежую информацию о нефтяных интересах Российской империи в Персии. А какие могут быть новости с Востока, когда в Европе заварилась такая каша?

Наблюдая, как тает сумма на его банковском счете, Шломо горевал с полгода. А потом честно признался связному — Иран интересует Россию теперь меньше, чем Балканы.

Казалось бы, пора собрать вещички и сменить сырой Петроград на не менее сырой Лондон. Но отзыв так и не приходил. Когда же Соломон озвучил резонный вопрос в британском консульстве, ему объяснили, что его величество еще заинтересован в усердной работе внештатного сотрудника секретной службы Сиднея Райли по месту его дислокации. Велели ожидать новых инструкций.

Ожидать их было голодно. Война разорила Шломо, а британская разведка все не спешила «будить» агента Сиднея Райли.

Декабрь пятнадцатого выдался холодным. Петроград казался Шломо вмерзшим в лед пароходом. Трубы его едва чадили. Палубы заносило белой ледяной крупой. Команда забилась в трюм и молила о спасении или скорой смерти. Вокруг царilo уныние и отчаяние.

В один из таких тоскливых дней на Невском проспекте Соломон повстречал Уточкина. Полуголодный и плохо одетый Сергей Исаевич поразил его диким и больным взглядом. Едва узнав Соломона, он тут же попросился сыграть с ним в бильярд по рублю за шар. Когда Шломо отказал, сославшись на спешку, бывший авиатор расплакался. Смахивая с ресниц замерзающие слезы, Уточкин признался, что не ел уже три дня и с трудом стоит на ногах.

Соломон долго отпаивал его водкой и горячим чаем в ближайшем трактире. Величайший спортсмен и сорвиголова, участник перелета из Санкт-Петербурга в Москву, первым поднявший моноплан с Комендантского аэродрома, хлебал жидкие щи и нес откровенную чушь. Сверкая безумными глазами и заикаясь, Уточкин рассказывал Шломо, что повстречал во время прогулки императора и тот пригласил его — великого русского авиатора — в гости: обсудить перспективы воздушного флота. Что завтра, ну или уж послезавтра — наверняка, когда спадет жар, Сергей Исаевич отправится в Зимний дворец на утренний кофий к царю.

Розенблюм смотрел на этого некогда блестящего, глубокого и светлого человека, и сердце его наполнялось горечью. Уточкин был окончательно и бесповоротно безумен.

Конечно, к императору бывший авиатор не попал. Его снова вернули в психиатрическую больницу св. Николая Чудотворца. Сбежать оттуда еще раз Уточкину было уже не суждено. «Забытый всеми, — прочел Соломон чуть позже в «Петербургской газете», — недавний герой толпы скончался под

новый, одна тысяча девятьсот шестнадцатый год от кровоизлияния в легкие».

История с безумным авиатором произвела на Шломо сильное впечатление. Пересчитав оставшиеся фунты, он решил покинуть фешенебельный номер «Англете́ра» и переехать в Апраксин переулок — в небольшую каморку своего антикварного магазина.

Раньше Соломон использовал ее в качестве маленького персонального музея, хранящего экспонаты его наполеоновской коллекции. Теперь же небольшая комната в три на четыре метра стала ему еще и спальней, гардеробной и кабинетом.

Единственный оставшийся у него бизнес шел плохо. Антикварные диковинки стали не нужны в холодном и голодном Петрограде. Мука и керосин набирали цену. За два месяца хлеб прыгнул с двух с полтиной рублей за пуд аж до двадцати пяти.

Окруженный золоченым оружием, фарфором, книгами и гравюрами, Шломо кутался в плед и грел руки над дрожащим пламенем примуса. Его тусклый свет, заменяющий дорогое электричество, призрачно колебался и выхватывал из холодного сумрака комнаты вещи, которых касались пальцы великого Бонапарте. Корсиканского лейтенанта от артиллерии, ставшего императором. Предметы, на поиски которых Розенблюм потратил гору наличных и двадцать лет жизни.

Зима подходила к концу. Заканчивались и деньги. Раз в неделю Шломо доставал из шкафа модный английский костюм и ехал по клубам. Покерный стол не давал ему пропасть с голоду, но, конечно же, не решал всех проблем. Грешным делом Шломо начал даже задумываться, не продать ли за бесценок часть коллекции, чтобы вложиться в сахар и крупы.

К счастью, до этого не дошло. Амплуа продуктового спекулянта всегда внушало Солому омерзение. Отложив идею

с торговлей едой до самых черных времен, он решил вернуться к старому ремеслу соблазнителя женщин. Шломо уже в деталях продумал изящную аферу с женитьбой, когда о нем все же вспомнили в доме на Французской набережной.

— Сидней Джордж Райли, — представил Шломо молодому лейтенанту секретной службы капитан Скэйл. — Наш внештатный сотрудник в Петрограде. Он будет вашим вторым номером.

— Освальд Рейнер, — без особой теплоты протянул руку агент.

Соломон внимательно рассматривал его прямой англосакский нос, надменные скулы и тонкие волосы, зачесанные на пробор. Глядел, как презрительно выгибаются узкие губы лейтенанта, когда он оценивающе скользил по лицу Шломо своим рыбьим взглядом. Породистому британцу явно не нравилось, что в компании ему выбрали еврея-перебежчика в поношенном сюртуке. Лейтенанту, которому на вид не было и тридцати, сорокатрехлетний Соломон, должно быть, казался безнадежным стариком.

Второму номеру полагался от Интеллидженс Сервис довольно скромный гонорар и сорок фунтов на представительские расходы. Еще ему полагалось не задавать лишних вопросов. А посему, когда Рейнер велел Шломо сблизиться с петроградскими масонами, он только пожал плечами.

— Особое внимание необходимо уделить, — будто сопливого школьара, важно наставлял Соломона лейтенант, — персонам из высшего света, правительства или думского собрания. Главная характеристика — склонность к рискованным предприятиям и неприязнь к Григорию Распутину.

Шломо ухмылялся, топорща тонкую щеточку усов. В масоны словно магнитом тянуло любителей острых ощущений, а уж если говорить о ненависти к Старцу — тут каждый второй

в Петрограде готов втихомолку поворошить его грязное белье. Но на деле все вышло сложнее.

Соломон дернул за все ниточки — без результата. Не интересен был петроградским масонам обнищавший антиквар. О выходе на лиц из правительства и приближенных к императору и речи не шло. О членах Государственной думы удалось разузнать лишь то, что многие из них состояли в ложе под названием «Роза», входившей, в свою очередь, в «Великий Восток народов России».

Эти жалкие сведения достались Шломо большим трудом и немалыми деньгами. Пришлось даже добавлять из гонорара. Среди русских масонов бушевала паранойя. Законспирированы они были не хуже революционеров. Не существовало даже масонского знака, по которому вольные каменщики опознают друг друга в цивилизованных странах.

Все, чего смог добиться Соломон, — очаровать госпожу Соколовскую и напроситься к ней в ученики. Тира Оттовна была далека от политики и занималась больше историей русского масонства. Ее маленький кружок, что собирался в Музее изобретений и усовершенствований на Мойке, важно именовался ложей, но по сути не имел никакого влияния. Это не мешало госпоже Соколовской носить гордое звание Досточтимого Мастера и регулярно собирать взносы со Шломо, стойко выдержавшего весь этот цирк с Комнатой Размышлений, петлей на шее, ходьбой в одном ботинке и обнажением левой груди.

Всякий раз, возвращаясь с этих бестолковых посиделок в свою каморку, он в измаждении падал, не раздеваясь, на узкий диван. Разговоры с экзальтированными дамочками о будущем многострадальной России и бородатом развратнике и мздоимце Распутине отнимали у него все силы, но ни на йоту не приближали к цели.

Соломон вновь ощущал себя блуждающим по кругу в не-проходимых джунглях Бразилии. Не было за спиной двух раненых англичан, которых приходилось волочь на себе. Не было притаившихся в листве голых дикарей, плююющих в него отравленными стрелками. Но чувство усталости, тщетности и безысходности было ровно таким же.

Впрочем, дикарь с успехом заменил недовольный положением дел лейтенант Рейнер. Он надменно кривил тонкие губы и выплевывал в Шломо ядовитые упреки в несостоятельности. Колкости молокососа легко отскакивали от ледяного лица Соломона — опытного игрока в покер. Но их яд все же отправлял душу: ведь лейтенант прав — дело застопорилось. Лето проходило впустую. Фортуна отвернулась от своего любимца.

Удача вернулась в последние дни августа, и пришла она, как водится, откуда не ждали. Соломона снова вызвали на Французскую набережную. Там его уже ожидал лейтенант Освальд Рейнер, и вид у лейтенанта был на удивление бледный.

Киношник Бромхэд привез из Англии четкие и однозначные инструкции: операцию, получившую название «Целлулоид», возглавлять теперь должен Розенблюм. Кроме прочего, невысокий и пузатый капитан доставил Солому запечатанный сургучом конверт и маленькую шкатулку из полированного ореха.

Одного взгляда на колючие и угловатые буквы хватило — в игру вступил Безумный Шляпник со своим Орденом.

Сэр Артур Уинсли был сух и конкретен. Шломо и его подручному лейтенанту предстояло организовать устранение Григория Распутина. Причем надлежит устроить все таким образом, чтобы русские решили, что это целиком их идея. Пробить этакий карамбль, по заверениям Уинсли, поможет фигурка Орла, обладающая магией убеждения.

Соломон и раньше выполнял странные, но щедро оплачиваемые поручения Ордена. Некоторые из них были весьма щекотливыми, а пара-тройка — даже заставила вымазать руки. Но главное, что вынес Шломо из общения с Хранителями, так это стойкое желание держаться подальше от их драгоценных предметов.

С точки зрения науки фигурки были необъяснимым феноменом. С точки зрения религии — откровенной ересью. Интуиция же подсказывала Шломо, они не только вредны для здоровья, но и опасны для жизни. А эта старая дама его никогда не обманывала. Посему Соломон решил полагаться на врожденное обаяние, а Орла подключить лишь при самой крайней нужде.

После устраниния Распутина птичку необходимо было вернуть сэру Артуру. Но не одну, а уже в компании серебристых зверей, изъятых у покойного Старца. Список возможных предметов Распутина прилагался к письму на отдельном листке и занимал добрую его половину.

Роль главных заговорщиков по плану Уинсли отводилась князю Феликсу Юсупову и депутату от трудовиков Александру Керенскому, который, ко всему, являлся еще и Внераблем ложи Верховного Совета «Великого востока народов России».

Теперь мозаика начинала складываться. Из обрывков разговоров и полунаемеков в британском консульстве Розенблюм выяснил: Юсупов был оксфордским однокашником Освальда. Его разработкой занимался сам лейтенант, пока Соломон охотился на масонов.

Труды Шломо оказались тоже не бесплодны. Госпожа Соколовская отзывалась о «Великом Востоке» как о самой многочисленной петроградской организации и выболтала имя ее младшего надзирателя. Это был присяжный поверенный Александр Яковлевич Гальперн.

Тут удача улыбнулась Соломону во второй раз. Гальперн подрабатывал юридическим консультантом в британском посольстве.

Соломон ощутил, как в нем просыпается знакомое чувство. Впервые оно появилось еще в молодости, когда Шломо работал вышибалой в грошовом бразильском борделе. Это был щекочущий азарт предвкушения. Второе дыхание. Небывалый приток энергии и сил. «Вдохновение авантюриста», как называл его про себя Соломон.

Агент британской секретной службы Сидней Джордж Райли окончательно пробудился.

***

В антикварной лавке звякнул дверной колокольчик.

Соломон на секунду отвлекся от непокорного примуса и глянул через плечо. Освальд Рейнер сложил зонт, стряхнул с него воду и переступил порог.

— Доброго утру, лейтенант. — Шломо наконец-то прикутил фитилек. Пенная шапка послушно осела в турке. — Не желаете кофию? Бразильский. Из довоенных запасов.

К бодрящему напитку Соломон пристрастился в Южной Америке. Чашка ароматного допинга была как нельзя кстати. Всю ночь он провел за изготовлением верительных писем, выданных английскими франкмасонами на Сиднея Райли.

Привычным движением Освальд перевернул табличку надписью «Извините, мы закрыты» наружу и осмотрелся через стекло витрины. Покрытая пузырящимися лужами мостовая была пуста.

— Не откажусь, — буркнул он, стягивая мокрый плащ.

— Рафинаду, правда, нет, — горестно посетовал Шломо, разливая кофе по чашкам. — Вы не захватили?

Лейтенант поджал губы, но издевку проглотил. После назначения Соломона главой операции их и без того прохладные отношения разладились окончательно. Скрытая неприязнь Освальда к Шломо переросла в иное, более глубокое чувство. Соломона это ничуть не тревожило. Скорее забавляло.

— Так как ваши успехи, мой юный друг? — сладко улыбнулся Соломон, поудобнее устраиваясь за прилавком. От лейтенанта разило кислым вином. Мешки под воспаленными красными глазами выдавали бессонную ночь. — Виделись с князем?

Освальд тронул губами горячий фарфор и с удовольствием причмокнул. Кофе и правда был превосходен.

— Я только из «Национального», — сделал второй глоток Освальд. — Феликс окончательно решился. С нами, кстати, был Дмитрий Павлович.

Шломо задумчиво погладил щеточку усов. «Национальный клуб», расположенный на Марсовом поле, был широко известен как обитель азарта и разврата. То, что вместе с Юсуповым лейтенанту удалось затащить туда и кузена императора, было хорошим знаком.

— Романов с нами?

— Феликс его уговорил, — кивнул Освальд. — Несмотря на браваду, Юсупов все же тряпка. Он отчаянно трусит. Не думаю, что Феликс способен довести дело до конца, даже имея в сообщниках лицо из царской семьи. — Кофе явно взбодрил лейтенанта. На губах проступила знакомая ухмылка. — Скорее всего, мне придется проконтролировать все на месте. Вам, Райли, должно быть, это будет не с руки.

Соломон уколол собеседника взглядом и посмотрел на свои ладони. В душных джунглях Амазонии именно эти руки в иступлении крутили заводную рукоятку митральезы Гарднера. Дымящиеся стволы дергались, рубили свинцовыми струями

лианы и тела дикарей. Грохот стрельбы заглушал индейские боевые кличи.

Кровавое месиво. Багряный закат. Мальва и изодранные пулями трупы.

Тогда ему было меньше, чем сейчас лейтенанту...

Шломо стряхнул наваждение.

— Я думал об этом. — Соломон отставил чашку. Вспоминать о Бразилии больше не хотелось. — Нам понадобится крытый автомобиль. Цианид. И два комплекта военной формы.

— Какого-то конкретного полка?

— Ну, пусть будет лейб-гвардии Преображенского, — решил не усложнять Шломо. — Его запасной батальон расположен у нас под боком.

Освальд не возражал.

— Одного не пойму, — помолчав, спросил он, — к чему нам еще и масоны?

— Это политика, мой юный друг, — важно ответил Соломон. — Знать и социалисты слились в едином порыве, дабы одолеть Темную Силу. Вот она — истинная воля народа и его карающая длань! Что, кстати, с Гальперном?

— Приглашен в посольство завтра на утро, — допил кофе лейтенант. — Бумаги для него уже подготовили. Папка солидная, провозится до обеда.

— Очень хорошо, — одобрительно кивнул Соломон. — А как закончит — сопроводите его в столовую. Втираясь в доверие сподручнее к сытому человеку.

***

— Здравствуйте, господин Гальперн, — улыбнулся Соломон, усаживаясь напротив седеющего мужчины лет тридцати пяти. Тот оторвался от пшеничной каши, приправленной сливочным маслом, и вопросительно уставился на Шломо. — Меня

зовут Сидней Райли, — Соломон элегантным жестом предъявил визитку.

Гальперн выхватил с надушенного картона слова «Антиквар, коллекционер», и интерес в его взгляде потух.

— Чем обязан? — присяжный поверенный вернулся к пшенице.

— Я ищу истины и свободы, Александр Яковлевич, — произнес Соломон девиз ложи «Великого Востока народов России», — но пока нашел только это.

Шломо положил в центр стола книгу. На обложке значилось: «Евграф Сидоренко. Итальянские угольщики начала XIX века. (Опыт исторического исследования)». Дрянная компиляция о жизни карбонариев была лишь ловким прикрытием. В приложении к книжонке на правах подлинного документа притаился настоящий устав российских «восточников».

— Вы букинист?

Секретарь петроградских масонов явно не спешил выдавать их секреты.

— Я эмиссар Великой ложи Англии, — понизил голос Соломон.

— Очень рад за вас, — буркнул Гальперн, доскребывая кашу. — А я здесь при чем?

— Мои братья спешат засвидетельствовать почтение Великому Востоку России. — Соломон полез во внутренний карман пиджака. — Я предъявлю вам грамоты.

Александр Яковлевич не без удовольствия облизал ложку.

— Это какая-то ошибка, мистер Райли. Я не понимаю, о чем идет речь. — Он вытер губы салфеткой и отодвинул стул.

— Мне посоветовали обратиться именно к вам.

— Вас ввели в заблуждение. — Гальперн резко поднялся. — Честь имею.

Соломон вздохнул и сунул пальцы в кармашек жилета. Металлическая птичка ловко впорхнула в ладонь. Кожу тотчас начало покалывать.

— Сядьте, — тихо процедил он и вздрогнул от изданного звука. Голос прозвучал удивительно резко и властно. Словно хлыст дрессировщика. — Садитесь и слушайте!

Уже собравшийся уходить Гальперн будто натолкнулся на невидимую стену. Он посмотрел на Соломона покорными телячьими глазами и медленно опустился на место.

Шломо ощутил, как жар проникает сквозь кожу ладони, наполняет вены и разливается по всему телу.

— Александр Яковлевич, — борясь с нарастающим жжением, продолжал он. — Мне нужно увидеться с вашим Верховным Внераблем.

— Генеральным секретарем, — тускло поправил Гальперн. Голос Соломона превратил его в механическую куклу.

— Генеральным секретарем, — согласился Шломо. — Любой ценой устройте мне с ним встречу. И как можно скорее. Мой номер вы найдете в справочнике «Весь Петербург». Вы все поняли, Александр Яковлевич?

Гальперн закивал, словно китайский болванчик.

— В таком случае, разрешите откланяться, — подхватил со стола книгу Соломон и с облегчением опустил Орла обратно в карман.

Тело полыхало изнутри. Лоб покрыли бисерины пота. Ладонь пекло, словно Шломо только что сжимал в ней уголек. К удивлению, на коже не осталось ожога. Только крохотная осинка — отпечаток орлиного клюва.

Шломо стало трудно дышать. Стук сердца отдавался в ушах.

Не глядя больше на теребившего визитку Гальперна, Соломон выскоцил из столовой британского посольства. В себя он пришел уже у белых колонн забора Летнего сада.

***

Звонок раздался на следующее утро.

Соломон снял изукрашенную мелкими бронзовыми виньетками трубку и приложил к уху.

— Господин Райли? — послышался взволнованный голос Гальперна.

— Именно так, — улыбнулся Шломо.

— Большая Северная гостиница. Здание у Николаевского вокзала. Номер двадцать один дробь один. Сегодня. Без четверти восемь, — скороговоркой выпалил Александр Яковлевич и прервал связь.

Шломо опустил трубку на рычаг аппарата.

В половину седьмого Соломон закрыл магазин. Еще раз проверив, на месте ли Орел и масонские грамоты, он накинул пальто, надвинул на брови фетровый котелок и, прихватив на случай непогоды зонт, вышел через черный ход.

Обходя и перепрыгивая лужи, он дворами выбрался на Садовую. Улица была пуста. Трамваи уже не ходили. Осенняя балтийская сырость разогнала горожан по домам. Низкие тучи задевали громоотводы. Начал накрапывать дождь. Шломо раскрыл зонт и двинулся по улице.

Пролетку удалось остановить только на Невском. Соломон сунул извозчику червонец.

— Катите к Николаевскому, любезный. — Он откинулся на сиденье и растворился в темноте под навесом. — Дальше будет видно.

На углу Лиговской улицы Соломона поджидал неприятный сюрприз. Несмотря на стылый воздух и мерзкую морось, у входа в Большую Северную гостиницу было на удивление людно. Кроме положенного швейцара он успел разглядеть усатого офицера с папиросой в зубах. Тот курил чуть поодаль, стараясь, чтобы дым не сносило на замершую даму, что прятала

руки в муфточку. Два господина в английских плащах прогуливались вокруг сложенных горкой дорожных сумок, не то коротая время в ожидании, не то для согрева. Был еще кто-то, но Соломона отвлекли.

— Вон-он-он, вокзал-то, — лязгнул зубами возница. — Куда дальше, господин хороший?

Розенблюм покрутил головой. Идти на встречу при таком скоплении зрителей решительно не хотелось.

— Давай на Знаменскую, — решил он. — Только не гони, помедленней езжай.

Извозчик пожал плечами и тронул вожжи.

Заложив крюк, пролетка выкатила на Знаменскую площадь.

— А вот теперь стой, — скомандовал Шломо.

С этой точки ему одинаково было видно и вход в гостиницу, и часы на Николаевском вокзале. Их стрелки показывали четверть восьмого.

Через пять минут возница громко прочистил горло и заерзal на козлах.

— Вы же не торопитесь? — Соломон протянул ему еще пять рублей.

Тот молча сунул ассигнацию за пазуху и спрыгнул на мостовую. Виртуозно смастерив козью ножку, извозчик сунул ее в рот и принялся деловито подтягивать упряжь.

Люди у гостиницы и не думали расходиться. Они явно чего-то ждали.

Когда большая стрелка на вокзальных часах доползла до цифры девять, Соломон увидел чего.

У отделанного темно-красным гранитом входа остановился запряженный гнедыми пароконный омнибус. Продрогшие постояльцы наперегонки похватали дорожные сумки и ринулись внутрь. Лезть по такой погоде на империал желающих не

было. Оставшийся наверху в одиночестве несчастный кучер, одетый по английской моде прошлого века, поднял воротник и попытался поглубже натянуть цилиндр.

Соломон с удивлением вспомнил, что омнибусы перестали ходить по Петрограду два года назад. Дороговизна топлива вернула на улицы города чудной конный экипаж, но и ему досталось от войны. Красные лакированные бока вагона светели прямоугольниками от снятых рекламных табличек, а с узкой ступеньки слева от двери исчез кондуктор, помогающий барышням управляться на входе с кринолином.

— Трогаемся, дамы и господа! — зычно крикнул кучер, дождавшись, когда захлопнется дверь. Прокашлялся в кулак и хлестнул лошадей: — Первая остановка — Финляндский!

Шломо соскочил на тротуар и заспешил через площадь к четырехэтажному корпусу Большой Северной гостиницы.

В холле его заждался нервный Гальперн.

— Ну что же вы! — Александр Яковлевич кивнул встрепенувшемуся было метрдотелю и подхватил Соломона под локоть. — Что же вы меня подводите, мистер Райли!

— А вы знаете, как нынче сложно поймать экипаж по вечерам? — всплеснул руками Шломо, когда, перешагивая через ступеньки, они поднимались на второй этаж. — Ума не приложу, что будет твориться по зиме!

Гальперн остановился у двери номера и начал возиться с замком. На латунном овале витиевато чернело травление «№ 21/1».

Шломо не смог удержать ухмылки. Все-таки тяга к нумерологии и криптографии не обошла и петроградских вольных каменщиков. Инициатива принятия в члены ложи всегда должна исходить от кандидата. Один из постулатов при

вступлении в братство гласил: «2 be 1 ask 1» — «Чтобы быть масоном, спроси об этом масона».

Гальперн повернул ключ в скважине и распахнул дверь.

— Грамоты у вас при себе? — спросил он, пропуская Соломона внутрь.

— Извольте, — галантно протянул их Шломо.

Секретарь ложи Верховного Совета «Великого Востока народов России» вцепился в конверт.

— Ожидайте, — тихо произнес он и скрылся за дверью в соседнюю комнату.

Соломон огляделся. У него появилось ощущение, что он попал в похоронную контору. По всему — масоны давно и надолго обосновались в Большой Северной гостинице. Владелец не только разрешил им поставить аспидную мебель, но и позволил оклеить стены черными обоями. Даже потолок оказался выкрашен сажевой краской.

Номера, ставшие для «Великого Востока народов России» ложей, были смежными. Окна этой комнаты, которая у вольных каменщиков именовалась Комнатой Размышлений, выходили на Николаевский вокзал. По центру длинной стены находилась дверь, ведущая в соседний, дробь второй, апартамент. Он служил масонам Храмом.

Соломон притулил зонт к стене. Повесил котелок и пальто на трехрогую вешалку. Из-за двери Храма доносились приглушенные голоса. Так и не разобрав слов, Соломон развалился в скрипучем кожаном кресле и прикрыл глаза.

Ждать пришлось недолго.

Угольная дверь отворилась, и в Комнате Размышлений появился раскрасневшийся Гальперн.

— Входите, мистер Райли, — буркнул он и вышел из номера, закрыв за собой дверь. — Вас ожидают.

Соломон услышал, как щелкнул запираемый снаружи замок.

Стены черной комнаты нависли над оставшимся в одиночестве Шломо. Ему вдруг почудилось, что он горняк на дне шахты. Шурф завалило, выхода из забоя больше нет, с минуты на минуту обрушится и потолок, навеки похоронив его под неподъемным угольным пластом. Ощущение западни разогнало по венам кровь.

«Надо было взять пистолет», — мелькнула паническая мысль.

Конечно, Соломон не собирался устраивать перестрелку в гостинице с кем бы то ни было: с кровожадными масонами-социалистами или офицерами охранки.

«Никак сдал меня Гальперн!» — подумалось Шломо. Ждали ли полицейские за черной дверью или поднимались сейчас на второй этаж гостиницы — обратной дороги не было. Оставалось уповать на убедительность магии Орла.

Соломон машинально тронул карман жилета. Коробочка с фигуркой была на месте.

«Это всего лишь гнетущие стены и запертая снаружи дверь!» — строго сказал он себе и вошел в соседнюю комнату.

После мрачной Комнаты Размышлений свет люстры из бодемского стекла больно ударил по глазам. Соломон прищурился и осмотрелся.

Стены Храма словно были выложены зеленовато-серым лазуритом. Центр узкой и длинной комнаты занимал огромный стол, покрытый сукном цвета американских банкнот. Во главе стола сидел Внебрабль Верховного Совета «Великого Востока народов России».

Не поднимая головы, Керенский изучал сквозь лорнет верительные грамоты. Подле него на столе лежала серебряная луковица часов на цепочке. Крышка была открыта. Тиканье единственным звуком наполняло комнату.

Присесть Соломону не предложили. Он молча стоял у края стола напротив Внерабля и изучал его.

Керенский, должно быть, пользовался успехом у женщин. Высокий умный лоб. Крупные и правильные черты лица. Волевой подбородок с ямочкой и губы эстета наверняка заставили не одно дамское сердце биться быстрее. Немного портил нос. Мясистый, с заметной горбинкой, при таком ракурсе он походил на грушу. Керенский выглядел изможденным. Слегка сошедший загар не мог скрыть болезненную желтизну кожи.

Внерабль отложил лорнет и поднял на Шломо карие глаза.

— Где же ваша хваленая британская пунктуальность, господин Райли? — Керенский жестом предложил Соломону место справа от него.

— Русская действительность вносит в нее корректизы, господин генеральный секретарь, — парировал Шломо, устраиваясь на стуле с высокой спинкой. — В вечернем Петрограде теперь проще поймать пулю, чем экипаж.

Керенский усмехнулся и посмотрел на часы:

— Не тратьте времени на остроты, господин Райли. Через пять минут за вами придут.

Соломона опять неприятно царапнула мысль о пистолете.

— Так зачем вас послали ко мне? — Керенский опустил перед ним масонские верительные письма.

— Мои братья шлют привет Великому Востоку России, — начал Шломо, пряча бумаги в карман пиджака, — и моими устами готовы признать вашу ложу.

Керенский удивленно вскинул бровь.

— Откуда вдруг такое доверие?

— Во имя истины и свободы нам просто необходимо объединить усилия для событий исторического значения! — страстно произнес Соломон. — Темные силы сгущаются над

Россией, Александр Федорович, вы не можете этого отрицать! Разве война, разложение двора и общественных сфер не обязывают всех быть наготове? Разве могут истинные патриоты бездействовать, когда Родина стоит на краю бездны, а известные нам лица ведут к краху Русское государство?!

Керенский улыбнулся кончиками губ:

— Судя по вашему одесскому акценту, сами вы сменили родину.

— Но это не значит, что мне безразлична судьба России, — возразил Соломон. — И именно поэтому я вызвался исполнить волю моих английских братьев.

Керенский поглядел на часы:

— У вас осталось две минуты, господин Райли. Излагайте по сути. Чего хотят от нас ваши мастера?

Соломон выдержал паузу и доверительно произнес:

— Смерти Григория Распутина!

Зрачки карих глаз Александра Федоровича расширились.

— Настало время раздавить этого паука! — пламенно прошептал Соломон. — Нельзя больше позволять ему навязывать царю свое мнение и лезть в государственные дела! Ради забавы и личной выгоды тасовать кабинет министров, словно колоду карт! Во имя спасения государства русские патриоты должны положить этому конец! Уничтожьте Распутина, Александр Федорович! Освободите Россию! А мы, в свою очередь, будем способствовать вам всеми имеющимися средствами.

Часы тикали. Керенский молчал.

— Более того, — Соломон решил зайти и с другой стороны, — мы готовы пустить в ход свое влияние в Петрограде. Например, помочь вам и вашим братьям укрепить позиции на политическом поприще.

— Все это очень занято, господин Райли, но вы, судя по всему, плохо осведомлены. — Керенский подался вперед. —

Говорят, от Распутина зависит жизнь наследника трона. Император считает его членом семьи, а немка — та и вовсе без ума от Старца. Вы понимаете, что станет с его убийцами?

— Вам и не нужно марать руки, — заверил Шломо. — Подберите отважных и надежных людей. Лучше всего из депутатов, они ведь неподвластны закону?

— Наш император выше закона! — мрачно возразил Керенский.

— Но не выше закона Архитектора! Если император по малодушию своему попускает развратного хлыста и взяточника творить дело тьмы под личиной света? — горячо затараторил Соломон, глядя, как бежит по циферблату секундная стрелка. — Если духовенство не желает низвергнуть этого растлиителя, шарлатана и еретика? Кто должен выйти вперед и взять на себя тяжкое бремя ради спасения России?

Керенский хмурил лоб и молчал.

В наступившей тишине отчетливо зазвучали приближающиеся шаги. Кто-то шел по коридору к номеру. Шломо прислушался — человек был один.

Разговоры не помогли. Пришла пора действовать.

Он распахнул пиджак и вытащил из жилетного кармашка маленькую шкатулку из орехового дерева. Орел оказался в ладони.

— Александр Федорович, — голос Шломо заставил Керенского поднять глаза. — С этой минуты вашим самым заветным желанием будет смерть Григория Распутина.

Глаза Керенского подернулись влажной пеленой.

Соломон скрипнул зубами, борясь с болью в ладони, и продолжал:

— Найдите исполнителя. Человека публичного, известного в политических и светских кругах. Убедите его взять ответственность на себя.

В замочную скважину вставили ключ. Хрустнул и лязгнул поворотный механизм.

— Вот это, — Соломон показал Керенскому серебристый артефакт, — поможет вам его убедить. Нужно просто сжимать во время разговора фигурку в кулаке.

Керенский смотрел на Орла, словно на блестящий кругляш в руках гипнотизера.

Хлопнула дверь номера «22/1».

— Когда Распутин умрет, вы вернете мне эту фигурку, — сказал Шломо, чувствуя, как пот застилает глаза.

В Комнате Размышлений скрипнули половицы.

— Как только определитесь с кандидатурой — сразу дайте мне знать, — выдохнул Шломо. Он втиснул Орла в узкое ложе коробочки и подтолкнул ее к Керенскому.

Дверь в лазуритовую комнату распахнулась.

Гальперн тревожно посмотрел на вжалвшегося в спинку кресла Внерабля.

— Аудиенция окончена, — произнес Александр Федорович жестяным голосом. — Вам пора уходить.

Шломо встал и одернул пиджак.

— До новых встреч, господин генеральный секретарь. — Соломон положил перед Керенским свою визитную карточку. — С нетерпением буду ждать известий от вас.

***

Погруженный в мрачные мысли Владимир Митрофанович Пуришкевич шел по вечерней Шпалерной улице. Уже завтра его санитарный поезд отправлялся на Румынский фронт, а сегодня он получил печальное известие — премьер-министр Штурмер отказался утвердить устав «Общества Русской географической карты».

Детище Пуришкевича, кропотливо вскармливаемое последние месяцы, должно было послужить исключительно

благим намерениям. Оно создавалось ради убедительного обоснования границ Российской империи после победоносного окончания войны, в котором Владимир Митрофанович не сомневался ни секунды с самого ее начала.

Только истинный враг государства, германофил, поставленный у руля правительства и Министерства иностранных дел подлым Распутиным, мог одним росчерком пера придушить это новорожденное дитя. Злонамеренно. В угоду кайзеровским прихвостням, расплодившимся в российском тылу.

Начальнику головного отряда Красного Креста Пуришкевичу не раз приходилось бывать на передовых позициях. За два года войны он вдоволь насмотрелся на страдания русских солдат и офицеров, изувеченных в кровавых боях. Боль и скорбь переполняли его на фронте и становились невыносимыми по приезду в столицу, охваченную министерской чехардой.

Но Владимир Митрофанович не собирался сдаваться без боя. Кауфман-Туркестанский, состоящий главным уполномоченным Красного Креста при ставке государя, утром передал Пуришкевичу волю императора. По возвращении с Румынского фронта монарх желал видеть Владимира Митрофановича в Могилеве. Приглашал к обеду и для доклада о настроениях армий в районе Рени, Браилова и Галаца.

Пуришкевич знал — государь высоко ценит его скромные труды на санитарном поприще. Встреча с императором давала еще один шанс на создание карты территориальных интересов победившей России и ее народа. Именно на нее обязательно станут опираться дипломаты на будущем мирном конгрессе.

Чей-то негромкий окрик выдернул Пуришкевича из мрачных раздумий.

Стремительным шагом его нагонял Керенский. Молодой, но быстро набирающий политический капитал оратор

трудовиков. Владимир Митрофанович поморщился: этого по-зера и думского высокочку он в глубине души недолюбливал.

— Владимир Митрофанович, дорогой! — повторил Керенский, подойдя вплотную и заглядывая ему в лицо. — Мне нужно с вами серьезно поговорить!

Пуришкевич замер. Невероятно, но раньше он не замечал у Керенского такой особенности — глаза трудовика были разного цвета.

Один — бирюзово-синий, второй отливал малахитом.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПЕРВЫЙ ВЫСТРЕЛ РЕВОЛЮЦИИ

*Российская империя, Петроград,
ночь с 16 на 17 декабря 1916 года*

Травить Распутина цианидом предложил Шломо.

Липовые документы и рекомендации Освальда сделали свое дело — Феликс Юсупов представил Соломона осталльным заговорщикам как поручика лейб-гвардии Преображенского полка Сухотина. Лучший итальянский грим и бутафорские усы не только изменили внешность, но даже несколько омолодили Шломо. Юсупову и Романову он казался господином, едва достигшим среднего возраста, а потрепанный жизнью Пуришкевич и вовсе принял его за молодого человека.

Молчаливый поручик, только оправившийся от контузии, сразу приглянулся новоиспеченным конспираторам. Амплуа загадочного злодея всегда хорошо удавалось Солому. Хладнокровным и решительным выглядел он среди неуверенных и истеричных подельников. Редкие, но всегда по существу замечания быстро создали ему репутацию надежного и дальновидного человека.

Даже подозрительный и ревнивый Пуришкевич проникся к Солому уважением. Орел и Керенский потрудились на славу. Владимир Митрофанович относился к их «опасному

предприятию», как называли предстоящее убийство деликатные заговорщики, весьма трепетно. Если кому и дозволялось разрабатывать план — так только ему и Юсупову, на правах хозяина. Местом действия выбрали дворец князя на Мойке. Феликс отправил жену в Крым к родителям и спешно занялся ремонтом подвала, превращая часть винного погреба в уютную столовую.

План, между тем, был не слишком хорош. Вечером шестнадцатого декабря Юсупов предполагал заехать на Гороховую улицу за Распутиным на автомобиле Пуришкевича. Старец давно собирался познакомиться с молодой княгиней Юсуповой, и Феликсу удалось под этим предлогом зазвать его на чай.

Дальше у стратегов не заладилось. Дело остановилось на способе убийства. Нажимать на спусковой крючок желающих не было. Ко всему, напротив Юсуповского дворца на другом берегу Мойки в доме номер шестьдесят один располагался полицейский участок, а на набережной круглосуточно дежурили городовые. Феликс предложил потихоньку удавить Распутина. Экспрессивный Пуришкевич — проломить старцу череп кастетом.

Со времен амазонских приключений Соломон не любил крови. Глядя на никудышных своих пособников, Шломо отчетливо видел в них малодушие и нарастающий страх. Страх дрожал в пальцах Романова, мнущих папиросу, и звучал в невнятном бормотании князя Юсупова. Страх переполнял нервно машущего руками Пуришкевича и стекал струйками пота по бледному лицу тучного доктора Лазоверта.

Шломо не любил крови, а проливать ее, кроме него, оказалось некому. И тогда он посоветовал задуманный заранее цианистый калий. Раздобытые им кристаллы и склянку с раствором Юсупов передал Лазоверту. По настоянию Пуришкевича, старый его фронтовой товарищ по санитарному поезду был

взят пятым в число заговорщиков. Ему в опасном предприятии отводилась роль шофера.

Яд, как и предполагал Соломон, устроил всех. Заговорщики облегченно потирали руки, и Шломо вновь пришлось вмешаться.

— Прошу меня извинить, господа, — глядя на Пуришкевича, сказал Соломон, — но за шампанским посыпать преждевременно. УстраниТЬ Распутина — это лишь половина дела. Нам еще нужно избавиться от трупа и замести следы.

За Старцем круглосуточно присматривали фильтры из охранного отделения. Утаить его поездку к Юсупову будет не просто. Выслушав несколько нелепых предложений, Соломон раскрыл карты.

— Чтобы сбить шпицов с толку, кто-то из нас в одежде Распутина должен уехать в открытом авто с Мойки, — сказал он, пристально вглядываясь в лица заговорщиков.

Те отводили глаза. Желающих снова не было.

— Потом нужно сжечь одежду, — продолжал Соломон.

— Это можно устроить в моем классном вагоне! — воскликнул Пуришкевич. — Санитарный поезд стоит на Варшавском вокзале. Там же оставим и мой автомобиль.

Соломон удовлетворенно кивнул:

— Еще я бы посоветовал навести туману. Где Распутин обычно устраивает кутежи, Феликс Феликович?

— В Новой Деревне, — тотчас откликнулся Юсупов, — у цыган. Кроме этого, он часто бывает в «Вилла Рода».

— Я думаю, — осторожно продолжил Соломон, преданно глядя на Пуришкевича, — нам следует туда позвонить, чтобы выиграть время. Справиться, скоро ли появится Распутин. Сказать, что он собирался посетить заведение.

— В вертеп можно будет телефонировать с Варшавского, — надул щеки Владимир Митрофанович. — Из привокзальной будки.

— После этого нам понадобится новый экипаж, — продолжал Шломо. — Вместительный и с крытым верхом. На нем мы вывезем тело, а затем утопим его.

Юсупов вопросительно посмотрел на князя Дмитрия Павловича.

— Хорошо, — поддался взгляду кузен императора. — Я предоставлю свой автомобиль. С вокзала направимся ко мне на Невский и заберем. В нем можно будет расположиться четырьмя и поместить тело. Надеюсь, велиокняжеские стяги оградят нас от лишних остановок в пути.

— Участие вашего высочества, — восторженно произнес Пуришкевич, — делает нам великую честь! Решено! Осталось только присмотреть подходящую укромную полынью. Я подготовлю цепи или гири, чтобы отправить этого мерзкого проходимца на дно!

***

Стрелки на каминных часах показывали пять минут первого.

Заложив руки за спину, Феликс Юсупов нервными шагами мерил кабинет.

— Да где же они, черт возьми! — в очередной раз проронил он.

На набережной раздался шум мотора.

Великий князь отодвинул занавеску и осторожно выглянул на улицу. У дворца остановился большой автомобиль защитного цвета, с брезентовым верхом. Сзади была прикреплена запасная шина.

— Похоже на машину Пуришкевича, — сдавленным голосом произнес Романов. — Разве на борту не должна быть надпись «Semper idem»?

Соломон подошел к окну.

— Они ее замазали, — он внимательно рассмотрел припаркованное у парадного входа авто. Свежая краска блестела в свете фонаря. — Это Пуришкевич и доктор.

Передняя дверца машины открылась. На тротуар выскочил Владимир Митрофанович и быстрым шагом устремился к дворцу. Через три минуты он уже стоял на пороге кабинета.

— Какого дьявола вы так долго? Уже почти полночь! — кинулся к нему Юсупов. — И почему встали на улице? Мы же условились подогнать автомобиль к черному ходу.

— Вы не поверите, господа, — скидывая шинель, ответил Пуришкевич. — У нас лопнула шина! Будто бы темные силы хотят убечь своего адепта! Но мы их с божьей помощью одолеем! Верно?

Его бравурная речь и улыбка не смогли скрыть источаемой им нервозности. Она выплескивалась и заполняла кабинет, отравляя всех, словно кайзеровский боевой газ.

— А вы, Феликс, могли бы прождать и дольше, — бросая шинель на диван, продолжал Пуришкевич, — если б я не догадался пройти через главный подъезд. Ведь ваши железные ворота к маленькой двери и по сию минуту не открыты.

— Не может быть! — вскинулся Юсупов и ринулся на выход. — Должно быть, я забыл распорядиться во всей этой суete.

Пуришкевич одернул мундир и потер ладони.

— Найдется рюмка коньяку, господа? Я порядком продрог, ожидая, пока доктор сменит колесо.

— Не думаю, — ответил Соломон. — Феликс решительно против устраивать дело на пьяную голову.

Шломо вдруг подумалось об Освальде Рейнере. Когда в ряды заговорщиков было решено заслать отлично владеющего русским Соломона, лейтенанту досталось наблюдать за происходящим снаружи. Теперь он, должно быть, кутался

в полушибок на декабрьском ветру, бдительно изучая задворки юсуповского дома. Или лязгал зубами в припаркованном за оградой остывшем автомобиле. Завести его и согреться означало бы неминуемо привлечь внимание.

Вдруг взгляд Соломона зацепился за висящую на поясе Пуришкевича кобуру. По торчащей рукоятке Шломо опознал шестизарядный «Саваж».

— Владимир Митрофанович, вы взяли с собой револьвер?

— На всякий случай, — покраснев, буркнул тот. Его рука машинально тронула оружие.

— Я, признаться, тоже захватил с собой браунинг, — не вынимая папиросы изо рта, сказал великий князь. Его дрожащие пальцы ломали спичку за спичкой, пытаясь зажечь огонь. — Мне показалось, так спокойнее.

Когда Дмитрию Павловичу наконец удалось закурить, в кабинете появился Лазоверт. Доктор, тяжело отдуваясь, нес объемный бумажный пакет, перетянутый бечевой.

— Ваше высочество! Поручик! — поздоровался он и зашуршал оберткой.

Из пакета выпала шоферская доха, за ней — нечто вроде папахи с наушниками. Следом — длинные кожаные краги на меху. Лазоверт напялил весь этот костюм и преобразился в хлыщеватого водителя, краснорожего и нахального. Его выдавали только глаза, возбужденно блестящие и бегающие.

Юсупов влетел в кабинет.

— Да вас и не узнать, доктор! — окинул он взглядом шоферский наряд и обратился к остальным: — Идемте вниз, господа! Покончим с последними приготовлениями!

По витой лестнице темного дерева пятеро заговорщиков гуськом спустились из кабинета до небольшого тамбура. Слева, в стене узкой площадки, имелась дверь, ведущая на задний двор, на котором по уговору был припаркован автомобиль

Пуришкевича. Справа — продолжали змеиться ступеньки. Они уводили в подвал, служивший Юсуповым винным погребом.

Старания Феликса не пропали даром. Свежий ремонт превратил мрачное, облицованное серым камнем помещение в изящную, похожую на бонбоньерку столовую. Низкие сводчатые потолки и узкие, бровень с мостовой окна не портили вид, а скорее, добавляли интимности. Обойщики натянули ковры и повесили тяжелые занавеси темно-красного штофа.

Невысокие арки неровно делили комнату. Узкую прихожую яркими пятнами оживляли две большие китайские вазы из красного фарфора, притаившиеся в неглубоких нишах.

Дальше располагалась просторная столовая. Свет от старинных фонарей проходил сквозь разноцветные плафоны и окрашивал ее в уютные и нежные тона. Пузатый самовар, окруженный сладостями, блюдцами и чашками, сиял начищенными до блеска боками в центре круглого стола.

Расставленные вокруг резные, обтянутые потемневшей кожей стулья сразу поведали опытному глазу Соломона, что их изготовили во Франции не позднее середины позапрошлого века. Вдоль стен располагались покрытые тяжелым шелком небольшие столики, а на них кубки из слоновой кости в перемешку со скульптурками из черного дерева.

Каменный пол столовой покрывал персидский ковер толстого ворса. Только небольшой участок подле камина из красного гранита оставался голым. Мелкие искорки вылетали из горящего очага и быстро тухли на холодных серых плитах. На каминной полке Соломон не без удивления разглядел среди золоченых кубков тонкой работы пару тарелок старинной майолики.

Дальняя часть столовой представляла собой что-то среднее между гостиной и будуаром. Массивные дубовые кресла

с высокими спинками явно вышли из мастерских фламандских краснодеревщиков. Под стать им был и глубокий изящный диван на гнутых ножках. Пол будуара застилала гигантская шкура белого медведя.

Но главным украшением небольшой гостиной служил богато украшенный инкрустациями шкаф черного дерева с множеством ящичков. За его стеклянными створками был устроен целый лабиринт из зеркал и бронзовых колонок. Безымянный мастер настолько грамотно продумал каждую деталь, что нутро шкафа казалось бездонным. На черной столешнице этой зеркальной бездны возвышалось старинное распятие из горного хрусталя, отделанное серебром.

«Итальянская работа. Семнадцатый век, — уважительно подумал Соломон. — Может, и не врут люди, что Юсуповы богаче императора».

— Располагайтесь, господа, — гостеприимно предложил Феликс и нервно хихикнул. — Отведайте чаю с пирожными, пока мы не снабдили их должной начинкой.

Доктор Лазоверт принялся старательно крошить палочки цианида на тарелку. Остальные расселись подле. Чай полился в чашки, сладкие пирожки и кексы пошли по кругу. Соломуну чаевничать не хотелось. Побродив по комнате и вдоволь налюбовавшись предметами искусства, он остановился у небольшого столика под окном. На серебряном подносе стояли четыре закупоренные бутылки. Марсала, мадера, херес и портвейн. За вином располагалось полдюжины рюмок темного стекла.

— Не пора ли тебе уже ехать, Феликс? — скомкал бумажную салфетку Романов и бросил ее подле недопитой чашки.

— Распутин сказал, что шпики разойдутся к полуночи, — помотал головой Юсупов. — Не хотелось бы приехать раньше положенного и натолкнуться на его церберов.

Лазоверт закончил с цианидом.

— Ну-с, — вытирая испарину салфеточкой, выдохнул он, — куда будем сыпать?

Юсупов подал ему тарелку с шоколадными и миндальными пирожными. Доктор по очереди отделил их верхние половины и принялся обильно уснащать середину ядом. Заговорщики, словно зачарованные, наблюдали за его основательными движениями.

— А какое вино предпочитает Распутин? — Соломон разрушил волшебство момента.

— Мадеру, — стряхнул наваждение Юсупов.

Шломо подцепил нужную бутыль и задумчиво разглядывал этикетку.

— Давайте ее сюда, — скомандовал Лазоверт, вернув птифурам изначальный вид.

— Открытая бутыль посеет опасение, — возразил Соломон.

Юсупов повел плечами:

— Да и Старец может что-то заподозрить, если я буду пить с ним разное вино.

— Разумно, — согласился Шломо и вернул бутылку на место. — Не будем рисковать, господа. Отравим рюмки.

Доктор хмыкнул, но спорить не стал. Выудил из кармана склянку с раствором и подошел к винному столику.

— Оставьте это поручику, — остановил его Юсупов. — Яд может выдохнуться. Сухотин нальет его перед самым нашим приездом. Ну что ж, — князь довольно осмотрел наведенный на столе беспорядок. — Очень похоже. Гости напились чаю и поднялись наверх продолжать веселье. Думаю, можно начинать веселиться и нам, — задорно сказал он, стараясь не смотреть на побелевшего лицом Романова. Феликс встал из-за стола и снял с вешалки доху с высоким воротником. Надел меховую шапку и опустил на щеки наушники. — Едемте, доктор! Пожелайте нам удачи, господа! А вы, поручик, не забудьте завести граммофон.

Обняв на прощание каждого, Юсупов поднялся по лестнице. Лазоверт засеменил следом. Дверь черного хода громко хлопнула, а затем послышался рокот мотора.

Оставшиеся втроем заговорщики вернулись в кабинет.

В молчании прошло четверть часа. Пуришкевич курил сигару, задумчивороняя пепел на пол. Кузен императора терзал спичечный коробок и отправлял в пепельницу папиросу за папиросой.

Стрелки показывали половину первого. Окончательно утомленный тишиной и ожиданием, Соломон принялся возиться с граммофоном. Развернул его рупором к лестнице. Проверил иглу. Выбрал из оставленных Юсуповым пластинок самую веселую музыку. К удивлению Шломо, ей оказался американский марш «Янки-Дудль», спетый на танцевальный лад.

Еще через четверть часа Соломон решил, что самое время разлить по рюмкам цианистый калий.

— Не взял бы он по ошибке рюмки с ядом, — услышал по возвращении Шломо встревоженный голос великого князя.

— Этого не случится, ваше сиятельство, — успокоил его Пуришкевич. — Юсупов отличается, как я вижу, громадным самообладанием и хладнокровием.

Соломон спрятал усмешку в накладные усы и потер подбородок. От въевшегося в поры грима начинала зудеть кожа.

Внезапно Пуришкевич поднял вверх палец.

— Никак едут? — полуслепотом произнес он.

Соломон тоже услышал нарастающий рокот мотора. Он подскочил к граммофону и быстро завертел ручку. Еще мгновение — и игла опустилась на испещренный бороздками миньон.

Сквозь шипение пластинки и барабанную дробь марша со двора прорвался звук хлопающих дверец автомобиля.

Под аккомпанемент флейт скрипнула дверь черного хода, и на площадке затоптали ноги, стряхивающие снег.

Прежде чем из граммофонной трубы вырвалось первое «Yankee Doodle went to town...», незнакомый голос внизу громко спросил:

— Куда, милай?

***

Феликс ненавидел Распутина.

Он ненавидел в этом зарвавшемся мужике все. Его обросшее неопрятной бородой длинноносое лицо. Его маленькие и близко посаженные темно-серые глаза, глубоко утопленные в глазницах. Вечно подозрительный, испытующий взгляд из-под густых нависших бровей. Слащавую, но вместе с тем злую и плотоядную улыбку, звук его вкрадчивого голоса. Хамскую манеру держаться извечным хозяином положения.

Он ненавидел его привычку выдумывать каждому прозвище. Свое — «Маленький», уничижительное и нарочито подчеркивающее, что есть еще и Большой Феликс Юсупов, он ненавидел почти так же, как и привычку Распутина называть его «милай».

А еще он его боялся.

— Куда, милай? — ласково спросил Распутин.

Феликс скрипнул зубами и задвинул дверной засов.

— Вниз по лестнице, — изобразил он улыбку, повернувшись к Старцу. — Столовая у нас там.

Распутин же, напротив, смотрел наверх. Туда, откуда доносились ритмичные аккорды американской песенки.

— А там что? Кутеж? — Распутин ткнул пальцем в сторону кабинета.

— Нет, — помотал головой Феликс, — у жены гости. Они скоро уйдут, Григорий Ефимович. А пока пойдемте в столовую, выпьем чаю.

Не снимая галош, Распутин протопал по персидскому ворсу к камину. Погрел в его тепле длинные пальцы и прошел в будуар.

— Богато тут у тебя, — скидывая шубу и бобровую шапку на диван, протянул Распутин. — Затейливо.

Потыкав кончиком галоши медвежью морду, он повернулся к зеркальному шкафу.

— Ящик-то какой хитрый! — словно ребенок, всплеснул руками Старец. Раскрыл дверцы и запустил в зеркальный лабиринт руку. — Вроде как и дна нет, а тронешь — вот оно! — восхищенно повернулся он к Юсупову. — Хороша диковина!

Уже раздевшийся Феликс разливал чай.

— Садитесь, Григорий Ефимович, — поставил он чашку на блюдце. — Пейте, закусывайте. Я по слуху вашего визита наисвежайших птифур заказал.

Феликс пододвинул к Распутину блюдо с шоколадными и миндальными пирожными.

— Спасибо, Маленький, уважил. — Старец взял одно из них и отправил в рот. — А сам чего?

— Да сладкие они больно, — скривился Феликс, чувствуя, как пронизывает его взгляд Старца. — Не люблю сладкого.

— А я вот до него большой охотник, — пробуя теперь шоколадное, улыбнулся Распутин. — Много ли радостей-то в жизни, милай? Сахарок-то — он душу радует!

Феликс внимательно следил за Распутиным. Яд должен был подействовать немедленно, но Старец не выказывал ни малейших признаков отравления.

Время шло. Наверху раз за разом заканчивался и начинался снова веселый «Янки-Дудль». Феликс чувствовал, как с каждым заходом все больше натягиваются его нервы. Словно их наматывают на заводную ручку граммофона.

Распутин меж тем прикончил все миндальные пирожные и допивал третью чашку чая. Феликс отчаянно тянул время.

— Григорий Ефимович, а зачем Протопопов к вам заезжал? — спросил он, перебрав уже все нейтральные темы. — Все боится заговора против вас?

— Да, милай, мешаю я больно многим, — Распутин облизал замаранные шоколадным кремом пальцы, — что всю правду-то говорю. Не нравится аристократам, что мужик простой по царским хоромам в грязных сапогах шляется. Все одна зависть да злоба. А что мне их бояться? Ничего со мной не сделают. — Старец наклонился вперед и понизил голос: — Заговорен я против злого умысла. Пробовали, не раз пробовали, да Господь все время просветлял, — погрозил он в пустоту длинным пальцем. — А ежели только тронут меня — плохо им всем придется, — закончил Распутин. Откусил от последнего пирожного и улыбнулся мерзкой, плотоядной улыбкой.

Феликс почувствовал, как под острым прищуром Старца теряют остатки самообладания.

Вдруг Распутин закашлялся, будто поперхнувшись, и схватился за горло.

— Вам плохо, Григорий Ефимович? — Феликс вскочил на ноги.

— Что-то в горле першило, милай, — ответил тот. — Налей рюмочку.

Юсупов тотчас оказался у винного столика. Откупорив бутылку красного, он залил вином яд и подал Распутину.

— Ваше здоровье, — Феликс поднял безопасную рюмку и по-гусарски, в два глотка осушил.

Распутин пил медленно, с удовольствием. Мелкими глотками смакующего знатока.

— Откуда такое? — одобрительно крякнул он и поставил рюмку перед собой.

— Из Крыма, — ответил Феликс неровным голосом. — С наших виноградников.

— И много у тебя его?

— Целый погреб, — мотнул головой Юсупов, ожидая, что Распутин вот-вот повалится замертво.

Но Старец и не думал умирать.

— Это хорошо, — откинулся он на спинку стула, вытянул ноги и заложил руки за голову. — И мадера есть?

Юсупов кивнул.

— Давай-ка теперь мадеры, — почесал бороду Распутин.

Феликс потянулся было за новой рюмкой с еще одной порцией яда, но тут Старец протянул ему свою:

— Наливай в эту!

— Ведь нельзя же, Григорий Ефимович! — попытался возразить Феликс. — Невкусно вместе, когда и красное, и мадера. Я налью вам в свежую.

Распутин махнул рукой:

— Ничего, говорю! Лей в эту!

Холодающими пальцами Феликс принял рюмку. Поставил ее на край винного столика. Медленно, словно в полусне, потянул пробку из бутыли. Она хлопнула, покидая горлышко.

Юсупов вздрогнул и словно ненароком столкнул рюмку со стола. Темное стекло ударилось об пол. Звонко. Вдребезги.

— На счастье! — хохотнул Распутин.

— На счастье, — бледным эхом отозвался Феликс, заливая очередную порцию яда на дне следующей рюмки мадерой.

Они чокнулись и снова выпили.

— Да что ты все скачешь, Маленький? — спросил вдруг Распутин. — Неси всю мадеру сюда!

Феликс повиновался.

Схватив бутылку, Распутин налил им обоим.

— А что княгиня? — поднял глаза к потолку Старец. — Скоро ли выйдет ко мне?

Юсупов пожал плечами.

— Думаю, гости скоро начнут расходиться, — поморщился Феликс, слыша, что «Янки-Дудль» начался заново. Юсупов бросил тосклиwyй взгляд на винный столик. Там, за бутылками, оставалась последняя рюмка с ядом.

Вдруг выражение лица Распутина резко изменилось: хитро-слашавая улыбка исчезла, вместо нее появилось выражение отвращения и злобы. Казалось, сейчас он кинется на Феликса и сомкнет на его шее когтистые пальцы.

— А может, не люб я ей, а? — вместо этого спросил Распутин. — Чурается мужика? Так поедем к цыганам, Маленький! Они меня всегда любят! Поют мне. Пляшут.

— Не сердитесь, Григорий Ефимович, — тронул ненавистную руку Юсупов. — Она как гостей проводит, так сразу и выйдет, уверяю вас! Давайте еще по одной? — поспешил разлить вино Юсупов.

— А ты ведь тоже поешь? — подобрел после мадеры Распутин. На глаза ему попалась гитара. — Сыграй, Маленький, что-нибудь веселенькое.

Юсупов послушно взял инструмент.

— На душе тяжело, — признался Феликс, беря минорный аккорд.

— Ну, грустную сыграй, — разрешил Распутин. — Люблю, как ты поешь.

Феликс тряхнул головой.

— Гори, гори, — взял он минорную «ми», — моя звезда...

Время шло. Яд все не проявлял силы. Распутин внимательно слушал, то и дело подливая себе мадеры.

Феликс поежился. Несмотря на трещащий подле камин, ему вдруг стало ужасно холодно. Замерзшие пальцы плохо попадали по струнам. Уютная до этой минуты столовая превратилась в промозглый склеп, а сидящий напротив Распутин — в бессмертного вурдалака, цедящего из рюмки рубиновую юшку.

— Умру ли я, и над могилою, — из последних сил вывел Феликс, — гори, сияй, моя звезда.

Распутин захлопал в ладоши.

— Спой еще, — тут же попросил он. — Много души в тебе.

Поверх бравурного американского марша зазвучал новый романс.

В животном исступлении Феликс выводил ноты. Происходящее не укладывалось в голове. Реальность казалась безумным сном. Кошмар длился уже больше двух часов. Ходики на стене показывали половину третьего ночи.

Распутин прикончил бутылку. Взгляд его сделался мутным. Старец выставил локти на стол и оперся головой о ладони. Глаза его закрылись.

Феликс закончил пение. Ненавистный «Янки-Дудль» наверху тоже затих.

В наступившей тишине Распутин вдруг захрипел, встрепенулся и запустил руку за пазуху косоворотки.

— Вам нездоровится? — внутренне сжался Феликс.

— Голова что-то отяжелела, и в животе жжет, — медленно произнес Распутин. — Дай-ка еще рюмочку — легче станет.

Юсупов в два шага подскочил к винному столику.

— Возьмите, — протянул он Распутину полную до краев рюмку, на дне которой был яд. Последнюю рюмку.

Старец одним глотком опрокинул ее в себя, задрав к потолку бороду. Крякнул. Отер усы. И откинулся на стуле.

Лицо его сделалось бледным. Он судорожно выдохнул. И...

Громко, раскатисто икнул.

Феликс до крови закусил губу, чтобы удержать нарастающий в нем истерический смех. Человек, в течение двух часов принимавший цианид, мгновенный и смертельный яд, в дозах, которых хватило бы, чтоб отравить дюжину гренадеров,

сидел перед ним и икал, мучимый изжогой. Феликсу нестерпимо захотелось проснуться.

Распутин еще раз икнул и поскреб лысоватую макушку.

Терпение Юсупова лопнуло. Рука сама потянулась к горлышку тяжелой закупоренной бутыли с хересом.

Наверху послышался звук двигающихся стульев. Раздались тяжелые шаги.

— Что так шумят? — поднял голову к потолку Распутин.

— Вероятно, гости разъезжаются, — ответил Феликс и на негнущихся ногах побрел к лестнице. — Пойду посмотреть.

Держась за стену, он нетвердой походкой поднялся в кабинет.

— Ну что? Как, готово? Кончено? — всколыхнулись в полу-мраке освещенной лишь настольной лампой комнаты фигуры.

— Яд не действовал, — замогильным голосом ответил Феликс.

— Не может быть! — сдавленно воскликнул великий князь. — Он все принял?

Феликс кивнул.

— Ничего не понимаю, — прошептал Пуришкевич, повернувшись к Дмитрию Павловичу. — Заколдован он, что ли, что на него даже цианид не действует!

Тот пожал плечами.

— Яд на него или не действует, или ни к черту не годится, — хмуро посмотрел на поручика Юсупов. Потрясенный Сухотин только развел руками. — Время уходит, господа, ждать больше нельзя! Решим, что делать.

— Бросим на сегодня, — предложил Дмитрий. — Отпустим его с миром. Может быть, сможем убрать его как-нибудь иначе в другое время и при других условиях.

— Ни за что! — процедил Пуришкевич. — Неужели вы не понимаете, ваше высочество, что, выпущенный сегодня, он ускользнет навсегда? Живым Распутин отсюда, — отчеканивая каждое

слово, полушепотом продолжал он, — выйти не должен и не выйдет! Предоставьте это мне одному, я его уложу из моего «Саважа»!

Феликс долгим взглядом посмотрел на великого князя, а потом повернулся к Пуришкевичу.

— Владимир Митрофанович, вы ничего не будете иметь против того, чтобы я его застрелил?

— Пожалуйста, — ответил Пуришкевич. — Вопрос не в том, кто с ним покончит. А в том, чтобы свершилось сие непременно этой ночью!

Юсупов протянул великому князю руку. Тот молча вложил в нее браунинг.

Феликс медленно спустился вниз.

Распутин стоял у зеркального шкафа и возился с ящичками: выдвигал их, шарил рукой, рассматривал и задвигал снова. Юсупов тихими шагами приблизился к Старцу, спрятав оружие за спину. Взгляд Феликса упал на хрустальное распятие.

«Господи, дай мне сил покончить с ним!» — одними губами произнес он.

— Да, — протянул Распутин, — хорошая вещь, должно быть, дорогая... А много ли ты за него заплатил?

Феликс хотел сказать, что не помнит, но тут Старец дал понять, что говорит не о распятии, а о шкафе:

— А потайные ящички есть в нем?

Феликс кивнул. Рука медленно, будто пудовую гирю, потянула из-за спины браунинг.

— Вот бы мне такой для зверюшек-то моих, — пробормотал Распутин, открывая стеклянные дверцы шкафа.

«Куда выстрелить, — мелькнуло в голове Юсупова, и последней фразы он не разобрал, — в висок или в сердце?»

— Григорий Ефимович, — громким голосом сказал Феликс, — вы бы лучше на распятие посмотрели да помолились бы перед ним.

Распутин повернулся и увидел нацеленный в него ствол. Медленно поднял на Феликса глаза. В них стояло удивление.

Словно молния пробежала по телу Юсупова. Он коротко вдохнул и нажал на спуск.

Пуля ударила в грудь. Распутин утробно, по-звериному, рыкнул и грузно повалился навзничь на ослепительно белую медвежью шкуру.

***

«Ласточка или Таракан? — думал Шломо, разглядывая напряженные лица соратников по опасному предприятию. — Надо во что бы то ни стало первым добраться до трупа».

Внизу послышались неясные голоса, а потом глухо хлопнул выстрел.

Заговорщики гурьбой высыпали на лестницу. Тесня и толкая друг друга, они бросились вниз. Уже перед дверью в столовую Соломон незаметно повернул рычаг выключателя — свет погас. В вызванной темнотой заминке Шломо вырвался вперед и раньше других очутился в подвале. Натыкаясь на стулья, он проскользнул вдоль стены к будуару, налетев на остолбеневшего Юсупова, и едва не споткнулся о тело.

Пальцы Соломона пробежались по медвежьей шерсти. Ощутили плотный фетр галош, а следом — бархат шаровар. Фигурок в карманах не было. Не было даже карманов.

Электрический свет ударил по глазам — кто-то разобрался с выключателем.

Распутин лежал на белой шкуре, задрав бороду. На его кремовой рубахе плотного шелка расплзлось багровое пятно.

Рядом с телом, держа в руках браунинг, стоял Феликс Юсупов. Зачесанные на пробор волосы растрепались. Лицо, будто вымазанное мелом, выражало крайнее замешательство.

— Я сделал это, господа, — сказал он кривыми губами, повернувшись к остальным. — Я его убил!

— Вы спасли Россию от позора и гибели, князь! — подоспел Пуришкевич.

Соломон тем временем развязал малиновый пояс с кистями, тщательно его ощупав при этом, и приподнял расшитый васильками подол косоворотки. На теле фигурок тоже не оказалось. Только массивный серебряный крест на цепочке.

Заговорщики окружили поверженного. Распутин умирал. Глаза были прикрыты. Лицо его подергивалось. Грудь изредка поднималась. Агония свела длинные пальцы судорогой, сжав их в кулаки.

— Надо убрать его с ковра, — пришел в себя Романов, — пока не натекло крови. Держите его за ноги, — сказал он Соломону, подхватив Старца за плечи.

Тело опустили напротив лестницы на гранитный пол ногами к выходу. Шломо проверил пульс — сердцебиения не было.

— Неужели он не взял ничего с собой? — Соломон в задумчивости разглядывал пол будуара. Его возбужденные подельники громко поздравляли друг друга и не обращали на него никакого внимания.

Ни на медвежьей шкуре, ни под диваном фигурок не было.

— Уже четвертый час, господа, — Юсупов наконец прервал потоки поздравлений. — Поспешим. Нам нужно закончить начатое!

Прежде чем переодеться в одежду Распутина, Соломон еще раз осмотрел труп. Распутин лежал на спине. Правое веко было чуть приоткрыто. Зеленая, будто у мертвый стрекозы, радужка стеклянно блестела в электрическом свете люстры. Левая рука, неестественно вытянутая вдоль тела, была сжата последней конвульсией в кулак.

Соломон хмуро натянул на голову бобровую шапку покойника и надел его длинную боярскую шубу прямо поверх шинели.

— Ну где же вы, поручик? — донесся с лестницы голос доктора Лазоверта.

«Что-то здесь неправильно», — подумалось Соломону. Он удрученно вздохнул и заспешил к машине.

Ощущение неправильности не покидало его. Не покидало, когда автомобиль с открытым верхом кружил в районе дома № 64 на Гороховой улице. И на Варшавском вокзале, пока доктор Лазоверт и Романов безуспешно пытались сжечь не влезающую в топку шубу Распутина.

«Что-то не сходится», — думал Шломо, стоя в привокзальной телефонной будке, ожидая соединения с «Вилла Рода».

— Прибыл ли уже Григорий Ефимович? Так его еще нет? Ну, значит, сейчас приедет! — машинально говорил Соломон, прокручивая в голове детали этой ночи.

«Положим, Распутин приучил себя к яду, — думал Шломо. В том, что цианид был высшего качества, он не сомневался. — Это маловероятно, но возможно. Но зачем подвергать себя столь опасным тренировкам, когда являешься владельцем магических фигурок? Тогда почему он не взял их с собой? Что-то не так... Что же я упустил?»

Роняя в телефонную трубку заученные фразы, Соломон пытался собраться с мыслями. Ощущение неправильности назойливым слепнем кружило где-то внутри, не давало сосредоточиться. Вспомнить что-то исключительно важное.

Покачиваясь на сиденье пролетки, Шломо пытался в деталях восстановить все виденное в доме Юсупова, каждую мелочь. Перед закрытыми веками раз за разом вставал образ убитого. Его перекошенное лицо. Всклокоченная борода. Стеклянный холод мертвого ярко-зеленого глаза.

Уже во дворе великолукского дворца Соломон спросил у Дмитрия Павловича:

— Ваше сиятельство, а вы не помните, какого цвета были глаза у Распутина?

— Темно-серого, — вынырнул из мрачных мыслей Романов и криво усмехнулся. — Он весь был темным человеком.

Вспышкой выхватило из памяти Соломона левую руку Старца. Ладонь, судорожно сжатую до белизны в костяшках. Будто бы единственной мыслью в агонизирующем мозге было — не выпустить, не отдать.

«Растяпа!» — выругал себя Соломон и добавил в сердцах еще пару крепких выражений.

— Разрешите, я поведу! — оттеснил он от дверцы авто доктора Лазоверта и прыгнул за руль.

Педаль газа до упора вжалась в пол. Затрепетали на ветру великолукские стяги. Машина понеслась на набережную Мойки.

***

Феликса мучило. Не помогал даже коньяк — вместо расслабления он принес тяжесть в затылке и острую боль в висках. Смерть Распутина не дала облегчения нервам. Тело наполняла усталость. Внутри ворочалось беспокойство.

Слушая вполуха пафосные речи Пуришкевича, Феликс барабанил пальцами по подлокотнику кресла. Смутная тревога росла внутри Юсупова.

Феликс встал и спустился в столовую.

Подошел к телу. Голова Распутина склонилась набок. Глаза были закрыты. Тонкая паутинка слюны свисала из раззяленного рта и путалась в бороде.

Юсупов нагнулся, внимательно всматриваясь в ненавистное лицо мертвеца.

Вдруг Феликсу показалось, что правое веко Старца неуловимо дернулось. Князь зажмурился, прогоняя морок.

Глаз Распутина приоткрылся, обнажая змеино-зеленую радужку. Потом распахнулся второй — лазурно-синий. Покойник, не мигая, уставился на Феликса своим дьявольским разноцветным взглядом.

Феликс отпрянул. Тело тут же сковало ужасом. Не в силах более пошевелиться, не в силах даже дышать, Юсупов в оцепении глядел на ожившего мертвеца.

Резким неистовым движением Распутин вскочил на ноги. На губах его выступила пена. Метнулись в воздухе скрюченные пальцы. Комната огласилась диким, истошным ревом.

— Феликс! Фе-еликс! — страшно выкатив глаза, захрипел Распутин и вцепился ему в плечо.

Феликс, собрав все силы, рванулся из железной хватки и бросился вон. В руках покойника остался его погон.

— Скорее, скорее револьвер! — Юсупов влетел в кабинет. — Стреляйте, он жив!

Пуришкевич выскочил на лестницу и осталбенел.

Рыча и хрюя, будто раненый зверь, по ступенькам карабкался Распутин.

— Феликс! Феликс! — разобрал Пуришкевич. — Все расскажу царице! Расскажу!

Трясущиеся пальцы никак не могли справиться с кобурой.

Выбравшись на площадку, Распутин прыгнул, налегая всем телом на дверь, и вывалился во двор. Одолев оторопь, Пуришкевич выдернул револьвер и бросился следом.

Дикая картина открылась его взору. Сквозь наполненную снежными хлопьями темноту в сторону ворот бежал оживший мертвец. Переваливаясь с ноги на ногу, по рыхлому снегу он удалялся вдоль кованого забора.

Пуришкевич прицелился. В ночной тиши выстрел «Саважа» прозвучал громовым раскатом.

Распутин бежал.

Владимир Митрофанович нажал на спуск еще раз.
Распутин поддал ходу.

Выругавшись, Пуришкевич что было силы укусил себя за трясущуюся кисть. Мгновения неумолимо утекали. Старец достиг уже самых ворот.

Пуришкевич старательно прицелился.

Третья пуля попала Распутину в спину. Он всплеснул руками и упал ничком в снег.

Пуришкевич кинулся к телу, но поскользнулся на неверных ногах и больно приложился головой о лед.

Сквозь вой ветра и звон в ушах ему вдруг почудился странный звук. Приглушенный хлопок. Негромкий выстрел.

Вскочив на ноги, Пуришкевич бросился к воротам. На секунду ему показалось, что от решетки отделилась неясная тень и растворилась в набитой метелью мгле.

Владимир Митрофанович подбежал к телу. Под лежащим на снегу Распутиным медленно расползлось рдяное.

Ярость ударила Пуришкевичу в голову. Он поднял ногу и от души приложил Распутину в висок каблуком.

***

Освальду Рейнеру очень хотелось выпить. Мысль о доброй порции виски не оставляла его уже третий час. Более всего он мечтал ощутить, как его тепло греет желудок, разливается по жилам, проникает в каждую насеквоздь промерзшую клеточку тела. Большой бокал хорошего виски и целые сутки сна — вот что выбрал бы сейчас лейтенант, предложи ему все сокровища Старого и Нового Света.

Ни того, ни другого не предвиделось. Освальд подышал на озябшие пальцы. Надел перчатки и выбрался из ледяного авто. Каждые полчаса он совершил короткую прогулку до ограды дворца. Это помогало скоротать время и хоть немного согреться.

Прижимая к онемевшим ушам куцый воротник, Освальд шел вдоль чугунной решетки. Скрип снега под подошвами вдруг прервался глухим ударом.

Освальд приник к ограде. Дальний угол двора озарился светом. От распахнутой двери к лейтенанту тяжело бежал человек без верхней одежды и с непокрытой головой. Он переваливался с ноги на ногу и громко рычал.

В растрепанном и бородатом мужике Освальд с удивлением узнал Распутина.

В освещенном дверном проеме появилась еще одна фигура. И тут же грохнул выстрел. Пуля свистнула мимо Освальда. За ней пролетела вторая.

Лейтенант вынул из кармана револьвер и щелкнул курком.

Распутин приближался. Когда до ворот ему оставалось шагов пять, грохнул третий выстрел. Старик споткнулся и упал на колени. Рыча и мотая головой, он на карачках пополз дальше. За ним тянулся кровавый след.

Освальд приоткрыл незапертые ворота и проскользнул во двор.

Распутин замер. Поднял глаза от земли и протянул к лейтенанту руку. В его разноцветных глазах застыла мольба. Рот старца раскрылся, выпуская облачко пара.

Прежде чем он успел произнести хоть слово, Освальд приставил к его лбу револьвер и нажал на спуск.

Старик упал грудью на лед, далеко выпростав руку. Что-то звякнуло и отскочило под ноги Освальду. Распутин сгреб скрюченными пальцами снег и затих.

Освальд нагнулся. Проверил на шее пульс. Сердце не билось.

Вдруг взгляд лейтенанта наткнулся на что-то блестящее у самого его ботинка. Освальд повершил снег и выудил из него маленькую фигурку — ящерку из серебристого металла.

Разглядывать находку не было времени. По двору к воротам уже бежал безымянный стрелок. Освальд сунул фигурку в карман и рванул за ограду.

Поворачивая за угол, к припаркованной в укромной подворотне машине, он обернулся. От реки ко дворцу Юсупова, придерживая на ходу саблю, спешил городовой.

***

— Хороший выстрел. — Соломон внимательно рассматривал крупное пулевое отверстие в центре лба.

— Я часто упражняюсь, — важно сказал Пуришкевич.

Соломон усмехнулся. «Саваж» не дал бы такого ранения. Это был явно «Уэбли-Фосбери», штатный револьвер Интеллидженс Сервис.

Освальд Рейнер не оставил Распутину шансов. Соломон надеялся, что он не оставил где-то во дворе и фигурки.

— Господа, надо спешно увозить тело. Полиция может скоро вернуться, — заламывал руки Юсупов. — Ах, зачем вы признались городовому, Владимир Митрофанович! Он же непременно нас выдаст!

— Прекратите истерику, князы! — строго сказал Пуришкевич и гордо добавил: — В случае неприятностей я возьму всю вину на себя!

***

По заметенным декабрьским снегом улицам Петрограда к Старой Невке мчался крытый автомобиль. На дне машины, спеленатый в синюю занавеску и обмотанный цепями, лежал Григорий Ефимович Распутин.

Он был окончательно мертв.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

НЕОПРАВДАННЫЕ ОЖИДАНИЯ

Российская империя, Петроград, 17 декабря 1916 года

«Надеюсь, на этот раз вы оправдаете мои ожидания, подполковник!»

Фраза, сказанная генерал-майором Глобачевым напоследок, никак не шла из головы. Рождественский потер озябший на утреннем морозе нос и вышел из экипажа. У парадного дома за номером шестьдесят четыре по Гороховой улице дежурил городовой. Испросив у него огня, Рождественский сладко затянулся табачным дымом.

Его подняли из постели в четверть шестого. Спешка была такая, что подполковник не захватил с собою ни бретета, ни оружия. Через полчаса Рождественский уже предстал перед начальником Петроградского охранного отделения.

Константин Иванович находился в крайнем волнении. Обычно серое его лицо раскраснелось, глаза лихорадочно блестели, движения сделались резкими.

— Дело на особом контроле у Васильева! Мне уже дважды звонил Протопопов! Императрица рвет и мечет! — торщил усы генерал-майор. — Срочно выезжайте! Немедленно!

Уже до начала разговора подполковник особым внутренним чутьем определил, что вляпался в еще одну «секретную миссию для надежного человека». Слушая каскадную и сбивчивую речь Глобачева, Рождественский понимал, что не ошибся. На этот раз высокое начальство вместо слежки и убийства доверило ему обыск.

— Любые бумаги, которые вызовут у вас подозрения! — с губ генерал-майора разве что не летела пена. — Любые документы и письма, которые можно неверно истолковать и скомпрометировать императорскую семью! Уж с этим-то вы, я полагаю, справитесь, подполковник?

Рождественский молчал, уткнувшись взглядом в ковер. Еще свежа была в воспоминаниях та выволочка после туркестанской поездки. Укоряющие взгляды и полунастеки. Не обошлось, конечно же, и без упоминаний о монголе Джамбалдорже. Уже два года как умерший боевик исправно служил начальнику Петроградского охранного отделения — дамокловым мечом нависал над головой подполковника.

Глобачев ясно дал понять, что очередного прокола от Рождественского не потерпит. Подполковник искренне надеялся исполнить генеральскую волю в лучшем виде. Обыски Рождественский не любил, оставляя их младшим чинам, но опыт у него по этой части имелся значительный. В молодости не один тайник и схрон был найден благодаря его природной внимательности и интуиции. Внушало беспокойство место, в котором надлежало перевернуть все вверх дном, — окруженная суеверными мифами и грязными сплетнями квартира Григория Распутина.

— Тело пока не обнаружено, но вернее всего Распутин мертв, — угомонился наконец-то Глобачев и нервно закурил. Выдыхая сизые струи дыма, он начал отдавать приказания: — Езжайте на Гороховую. Там вас уже ждут жандармы.

До обыска их не допускайте. Сделайте все сами. Найденное, не медля, доставьте лично мне в руки. В строжайшей тайне! Вам все понятно, Сергей Петрович?

Рождественский кивнул.

— В таком случае — исполняйте, — закончил генерал-майор. Рождественский щелкнул каблуками и развернулся к выходу. Но прежде, чем он покинул кабинет начальника Отделения по охранению общественной безопасности, в спину его ударило: — Надеюсь, на этот раз вы оправдаете мои ожидания, подполковник!

Теперь эта фраза засела в голове Рождественского, словно забитый по самую шляпку гвоздь. Подполковник затушил папироску. Велев промерзшему городовому не пускать зевак, он вошел в парадное и по широкой лестнице поднялся на второй этаж. Там его встретил местный околоточный надзиратель с зычной фамилией Бугаев. Ни чина, ни фамилии второго жандарма Рождественский не разобрал. Его тихое — будто полицейский находился на поминках в церкви — бормотание заглушили женские всхлипывания. Где-то в глубине квартиры молодая девушка громко причитала и навзрыд произносила имя Распутина.

— Ну как тут, братцы? — спросил Рождественский.

— Голосят, — пожал плечами околоточный надзиратель. — Молодая хозяйка чувств лишилась, как нас завидела. Звонила потом кому-то, а теперь вот голосит без перерыва.

— А вы что? — Рождественский посмотрел снизу вверх на Бугаева. Надзиратель явно был из бывших гренадер. Немалого роста и широкий в плечах подполковник чувствовал себя рядом с ним подростком.

— Утешаем, — комично развел ручищами великан.

Рождественский едва удержал неуместную улыбку:

— Всех опросили?

— Так точно, — кивнул Бугаев. — Дочерей — Марию, Варвару и Матрену Григорьевну, племянницу — Анну Николаевну, а также горничную Потеркину и дворника Коршунова. Вот показания, — надзиратель пропустил вперед жандарма с ворожом исписанных листов.

— Бумажки потом, — отмахнулся Рождественский. — Я тут по другому вопросу. Идемте, — и он направился по коридору на звуки плача.

Коридор упирался в обширную столовую, уставленную громоздкой мебелью. Дубовый буфет у стены был наполнен посудой. Бронзовая люстра сквозь стеклянный колпак роняла свет на овальный стол, покрытый вышитой скатертью. В центре его возвышалась корзина с украшенным бантиками и лентами букетом.

Напротив входа на высоком стуле вполоборота сидела девушка. Ее пальцы до белизны вцепились в полированную высокую спинку. Уронив на руки голову, она безутешно рыдала. Подле нее стояли две донельзя похожие юные дамы. Одна обмакивала плачущую веером, вторая держала наготове бокал с водой.

— Барышни! — поздоровался подполковник, входя в столовую.

В ноздри Рождественскому тут же ударил запах цветов и нашатыря. Он пробежался взглядом по комнате, увешанной картинами, и только тогда заметил четвертую даму. Она отрешенно смотрела в окно и комкала белый платок.

Внезапно девушка перестала рыдать. Все четверо с надеждой устремили заплаканные глаза на Рождественского.

— Не стоит беспокоиться, — в наступившей тишине подполковник ощущал, что просто обязан сказать хоть что-нибудь утешительное. — Ситуация в самом ближайшем времени прояснится.

Фраза вышла убедительной, но не слишком утешала. По щекам младшей дочери Распутина вновь потекли слезы.

Рождественский покосился на телефонный аппарат, помещенный у выхода в переднюю.

— Никого не выпускать, — шепнул он подоспевшему Бугаеву. — Звонить не разрешайте. Где хозяйствский кабинет?

— Первая дверь по коридору, — мотнул головой околоточный надзиратель.

Рождественский бросил еще один взгляд на скорбящих домочадцев и занялся работой.

Кабинет Распутина не поражал ни роскошью обстановки, ни изяществом непременных картин. Расписанные маслом холсты отдавали лубком и ярмаркой и по большей части представляли сельские пейзажи и сюжеты из Святого Писания. Небольшая комната была обставлена кожаным диваном и такими же креслами. Львиную долю ее занимал огромный письменный стол, весь заваленный бумагами.

Обыскав за полчаса кабинет и тщательно изучив каждую бумажку, Рождественский не обнаружил ничего интересного. Он даже успел прощупать мягкую мебель и простучать ящики и ножки стола. Тайника в кабинете не было.

В задумчивости подполковник вернулся в столовую. Там практически ничего не изменилось. Разве что юная барышня сталатише всхлипывать, а скучающим жандармам предложили чаю.

— Мне нужно осмотреть спальню Григория Ефимовича, — мрачно сказал Рождественский.

Дама у окна подняла печальные глаза.

— Вам будет удобно пройти через кухню, — махнула она платком в сторону ближней двери.

Подполковник раскрыл ее и очутился в тесной комнате, заставленной корзинами, ящиками с провизией и шкафами со

снедью. Под узким окном располагалась небольшая жарочная плита. На удивление, дверей оказалось две.

Левая от окна дверь с изящной латунной ручкой была варварски окрашена белилами. В противоположной стене имелась другая, массивная, запертая на внушительный засов и стальную цепочку.

Рождественский лязгнул засовом и откинулся цепь. За тяжелой дверью чернела лестница, ведущая вниз. Свет из кухни выхватил узкую площадку и деревянные ступеньки. Рождественский пошарил рукой по стене, щелкнул выключателем.

Тусклый свет электрической лампочки наполнил пролет неровным мерцанием. Подполковник перегнулся через перила — лестница выводила на задний двор. На первом этаже чуть слышно дворник возился в дворнице.

— Любопытно, — подумал Рождественский, возвращаясь на кухню. — Видать, сильно мы докучали Григорию Ефимовичу своим круглосуточным вниманием, раз он устроил опочивальню рядом с черным ходом. Весьма удобно, при его-то образе жизни, — хмыкнул подполковник и громко позвал: — Бугаев!

Явившийся на зов великан разом занял полкухни.

— Хорош чаевничать, — строго приказал Рождественский. — Вели жандарму дежурить на улице у черного хода. Не хватало нам тут репортеров или еще каких других проходимцев.

Здоровяк тут же исчез исполнять, подполковник же вошел в спальню Распутина.

Это была маленькая и несложно обставлена комната. На стенах, оклеенных голубоватыми обоями в аляповатый цветочек, виднелись все те же картины и литографии с портретами царской семьи. В углу у стены помещалась узкая кровать. На

разобраных и мятых простынях вместо подушки лежал мешок из лисьего меха. У кровати стоял огромный, окованный железными полосами сундук, а подле него — табурет. В противоположном углу висели образа. Перед ними горела лампада.

Рождественский покопался в набитом надушенным тряпьем мешке. Проверил постель. Заглянул под кровать и за каждую картину. В спальне Распутина не было ни писем, ни документов.

Подполковник с надеждой уставился на сундук. Тот был заперт.

«Надеюсь, на этот раз вы оправдаете мои ожидания!» — неистати вспомнились слова генерал-майора Глобачева.

Тащить запертый сундук на Александровский проспект не хотелось. Его содержимое могло оказаться в лучшем случае котом в мешке. Про худший вариант думать Рождественский не стал. Оставалось взломать окованный ящик прямо здесь.

Делать это посреди скорбящей родни было, конечно, неуместно, но краснеть больше перед Глобачевым подполковник не собирался. Ко всему вспомнилось, что на кухне в углу он заприметил топор.

— Господи, прости и помоги, — осенил себя крестным знамением Рождественский, глядя на икону. — Пусть в этом сундуке окажутся проклятые бумаги!

Свет от лампады неровно упал на лицо Спасителя. Рождественскому показалось, что Христос улыбается благосклонно. В ту же секунду на подполковника снизошло озарение.

Перетащив в угол табурет, Рождественский залез на него и заглянул за образа.

Ключ был там.

***

— Шумно и грязно, — повторил Соломон, вынимая из кармана шприц со снотворным. — Я беру с собой оружие только в исключительных случаях.

Рейнер ухмыльнулся.

— А этот случай, значит, не исключительный? — Освальд поднял воротник и натянул шарф до кончика носа. — Нам предстоит отыскать ваши фигурки в квартире, полной народа!

Соломон потер зудящий подбородок. Он помогал товарищам по опасному предприятию сбрасывать с моста тело Распутина в Малую Невку и только час назад избавился от формы поручика Сухотина. Вернувшись на квартиру, Шломо смыл наконец-то ненавистный грим, но было поздно — кожу покрыла мелкая сыпь, лицо нестерпимо чесалось.

В антикварной лавке Соломона уже поджидал Рейнер. Лейтенант подтвердил — Распутина прикончил именно он. А вот что касается фигурки, тут Освальд недоуменно разводил руками. Всю дорогу до Фонтанки Шломо допытывался, обыскали ли напарник тело Старца. Рейнер одинаково отвечал, что тщательно обшарил труп, но при Распутине никаких артефактов не было.

— Фигурки не мои, — уточнил Соломон, выходя из припарковавшегося авто. Машину решили оставить за углом, на Фонтанке. — Их надо вернуть Безумному Шляпнику. — Шломо внимательно посмотрел на лейтенанта. Тот лишь пожевал губами.

Пара новоявленных грабителей свернула в переулок и оказалась у ворот заднего дворика дома номер шестьдесят четыре по Гороховой улице. Ворота оказались не заперты.

— А что касается обыска, так по мне — лучше это делать, когда домочадцы мирно спят, а не бьются в агонии, — сказал Соломон, поудобнее берясь за шприц. Напарники встали

у запертой двери черного хода. — Просто пригрозите им оружием, Освальд, я сделаю все остальное. Пальбы не нужно. От нее много шума и грязи.

Лейтенант хмыкнул и трижды увесисто постучал.

За дверью было тихо. Потом послышались шаркающие шаги и невнятное бормотание. Лязгнула щеколда, и перед Соломоном возник бородатый мужичок в овчинном тулупе и заячьей шапке.

— Чего изволите, господа? Я уже давал показания, — дворник переводил взгляд с одного нежданного гостя на другого.

Однаковая одежда сыграла забавную шутку — мужик принял Шломо и Рейнера за шпииков. К сожалению, Соломон понял это слишком поздно.

— Нам бы к Григорию Ефимовичу, — выпалил он, пытаясь войти в парадное. — У нас назначено.

— Его нет, — смекнувший, что обознался, дворник встал грудью на пути Шломо.

— Ну, нет так нет, — вздохнул Соломон и точным движением вогнал иглу в шею мужичка.

Рейнер подхватил враз обмякшее тело и затащил внутрь. Соломон оглядел тихий дворик, шагнул следом и запер за собой дверь.

Сопящего бородача уволокли в дворницкую. Пристроив его на полу, Шломо и Освальд уселись на лавку и еще раз обговорили план действий.

— Значит, вы поднимаетесь первым и, угрожая оружием, сгоняете всех в одну комнату. Сажаете их на пол, — повторял инструкции Соломон. — Я отключаю телефон. Потом усыпляю всех и начинаю обыск. Вы в это время дежурите у окна на случай непрошеных визитеров.

— По моим прикидкам — в квартире человек пять, — сомнением покачал головой Рейнер.

— Пусть вас это не тревожит, мой юный друг. — Соломон с гордостью похлопал себя по карману. Там лежала свернутая рулоном и похожая на пулеметную ленту тканевая полоска с восемью узкими кармашками. В каждом из них находился заправленный сноторвным шприц. — Зелья хватит на всех.

Лейтенант уважительно посмотрел на хрюпающего дворника:

— Действенная штука. Чем это вы его так?

— Видите ли, юноша, — Соломон приосанился, — по образованию я фармацевт. Мой «коктейль» гарантирует шесть часов глубокого сна. Думаю, мы уладим наше дело гораздо скорее.

— В таком случае, не будем тянуть. — Рейнер вынул из кармана пальто увесистый «Уэбли» и выглянулся из дворницкой. — Вроде бы лампочка не горела?

Шломо пожал плечами:

— Видимо, жильцы окончательно проснулись и зажгли свет. На всякий случай будьте готовы к неожиданностям, — посоветовал он лейтенанту.

Тот хмыкнул и взял револьвер на изготовку. Стараясь ступить как можно тише, Освальд медленно начал подниматься по лестнице. Держась на почтительном расстоянии, Соломон двинулся следом.

***

Ключ был за иконой.

Он лежал на небольшой продолговатой коробочке из темного дерева.

Рождественский поднял крышку. Выстланная изнутри черным бархатом шкатулка была пуста. В ее донышке по причудливым трафаретам оказались вырезаны две выемки.

По коже Рождественского пробежал озноб. Он поднес шкатулку к свету лампады и охнул — в миниатюрных трафаретах легко угадывались фигурки. Сидящая кошка и выгнувшая хвост ящерица.

Подполковник судорожно сглотнул. Когда-то и в его руки попадал такой вот предмет. Фигурка сверчка из серебристого металла. Наследство убитого Джамбалдоржа. Вещица, от которой веяло темной, злой силой — такой, что даже лишенный предрассудков подполковник в глубине души принимал ее за черную магию, а кожа его покрывалась мурашками. На миг Сергею Петровичу почудилось, что ту же силу источала и шкатулка. Словно невидимый демон плясался из нее пустыми глазницами.

Прогоняя видение, подполковник захлопнул крышку и пошел к сундуку. Ключ повернулся в замке. Документов и писем не оказалось. Дно покрывали аккуратные прямоугольные газетные свертки. Рождественский поднял один и разорвал. Из прорехи посыпалась на пол перетянутые бечевой пачки асигнаций.

Вернув деньги в сундук, подполковник задумчиво вертел в руках найденную шкатулку. В голове кружились нехорошие мысли. Интуиция подсказывала, что ненавистный сверчок и кошка с ящеркой — одного поля ягоды.

Может, Распутин и не был чернокнижником, но слухи о его мистической силе разносились не только по Петрограду. Фигурки уж очень походили на оккультные талисманы и явно не шли на пользу репутации богообязненного Старца. Но могла ли единственная находка быть доказательством колдовства Распутина и бросить тень на царскую семью, подполковник не знал.

Решив оставить эти размышления более светлым головам, Рождественский уже хотел было сунуть коробочку в карман

шинели и вернуться в столовую, как вдруг его внимание привлек странный звук. Он шел со стороны черного хода.

Подполковник выглянул на кухню и прислушался. Звук повторился. Теперь сомнений быть не могло — это скрипела деревянная ступенька. Кто-то украдкой поднимался по лестнице.

Ожидая увидеть пройдоху-репортера, Рождественский принял суровый вид и резко распахнул дверь.

«Журналист» оказался дюжим малым, ростом едва ли не с подполковника.

«Везет мне сегодня на верзил», — успел подумать Рождественский прежде, чем натолкнулся на взгляд визитера. Его синие глаза обдали подполковника холодом вынесенного приговора. Так смотрят, когда готовы нажать на спуск.

Рождественский понял это раньше, чем осознал, что лицо человека замотано по самые ноздри шарфом. Но хуже было другое — в живот подполковника целил короткий револьверный ствол.

Словно в вязком сновидении, Рождественский наблюдал, как медленно поднимается курок.

Подполковник шумно вдохнул и схватился за револьвер, подставляя под боек палец. Кожу защемило. Рождественский резко притянул налетчика к себе и ударил головой в лицо. Хрустнуло, и хлынула кровь.

Здоровяк отшатнулся, но оружия не выпустил. Он ухватился за подполковника и опрокинулся навзничь. Сцепившись, противники кубарем покатались вниз по лестнице.

Верзила подмял под себя Рождественского и надавил предплечьем на кадык. Черные круги замаячили перед глазами. В ушах звенело. Кровь капала с лица налетчика и заливалась подполковнику глаза. Задыхаясь, Рождественский из последних сил выворачивал от себя прижатый к животу револьвер.

Когда ствол уперся в бок нападавшему, подполковник выдернул палец из-под бойка.

Грохнуло, и налетчик ослабил хватку. Хрипя и кашляя, Рождественский выкарабкался из-под тела. В его скользких от крови пальцах оказался револьвер.

Рождественский поднялся на четвереньки и оглядел узкую площадку между двумя лестницами.

Под застреленным расплывалась багровая лужа. Ровно как тогда, в подворотне, под телом монгола Джамбалдоржа. Сквозь шум в ушах донесся голос Глобачева: «Надеюсь, на этот раз вы оправдаете...»

Рождественский отшвырнул револьвер и тронул карман шинели. Шкатулки не было. Подполковник утер рукавом чужую кровь с лица и поднялся, шаря взглядом по доскам площадки.

Коробочка лежала на первой ступеньке, ведущей вниз. А на второй ступеньке стояла чья-то нога в начищенном до блеска ботинке. Рождественский поднял голову. Хозяин ботинка отличался от первого налетчика, пожалуй, лишь ростом. Такое же черное пальто с поднятым воротником. Надвинутая на брови шапка, скрывающий лицо шарф.

Не дожидаясь, пока в руках второго визитера появится револьвер, Рождественский прыгнул к коробочке, целя сапогом в колено противнику. Каблук угодил в пустоту. С обезьяньей прытью налетчик перемахнул через перила и цапнул лежавший на полу револьвер.

Сграбив шкатулку, Рождественский, что было мочи, оттолкнулся рукой и пересчитал ребрами ступеньки. Сзади барабахнул выстрел. Пуля ударила над головой, обдав подполковника штукатуркой и кирпичным крошевом.

Рождественский откатился под лестницу. Вскочил. Ударил всем телом по запертой изнутри двери, вырвал щеколду

и оказался на улице. За спиной снова грохнуло. По лестнице застучали шаги. Подполковник, не оглядываясь, метнулся к ближайшей подворотне.

К груди он прижал злополучную коробочку.

***

Шломо бросился было следом за похитителем шкатулки, но тут из квартиры на площадку вылетел еще один жандарм, исполинских размеров. Лицо полицейского перекосилось, рука дернулась к кобуре.

Соломон опередил и на этот раз попал.

Пуля угодила гиганту в глаз. Жандарма откинуло в угол. Пачкая штукатурку, он медленно осел.

Рейнер сдавленно застонал. В эту же секунду снизу хлопнула дверь. Ранивший Освальда подполковник выбрался на улицу.

Соломон отшвырнул револьвер и бросился вдогонку.

Беглец уже приближался к спасительной подворотне. Соломон прибавил хода, как вдруг чуть не налетел на вывернувшего из-за угла и враз осталбеневшего городового. Тот перевел круглые глаза с подполковника на Шломо.

— Помогите! — закричал Соломон. — Этот человек убил полицейского и ранил моего друга! Стреляйте! Да стреляйте же!

Вместо того чтобы взяться за оружие, городовой сунул в рот свисток и отчаянно засвистел. На призывные трели тут же появился еще один полицейский.

— Помогите! — уцепился за рукав свистуна Соломон. — Мой товарищ истекает кровью! — тараторил он, волоча ошарашенного городового к подъезду. — Мы пришли на аудиенцию к Распутину, а вдруг вылетел этот безумец и принялся палить!

Бок о бок они поднялись по лестнице. Следом пыхтел по-доспевший жандарм.

Освальд, скрючившись, едва дышал.

— Он еще жив! — констатировал городовой.

Второй полицейский закрыл глаза мертвому великану и перекрестился:

— Надзирателя-то, выходит, подполковник Рождественский хлопнул?

— Точно так! — всплеснул руками Шломо. — Это был подполковник!

— Нам нужно записать ваши показания, — мрачно произнес городовой, глядя на сереющего лицом Освальда.

— Конечно же! Я все расскажу! Конечно! — голосил Соломон. — Вне всякого сомнения! Я только доставлю моего друга в госпиталь! Вы же видите, он умирает!

Через десять минут с помощью жандармов Соломон уложил лейтенанта на заднее сиденье авто. Освальд был уже в беспамятстве.

— Как только отвезете — немедля возвращайтесь сюда, мы будем вас ожидать, господин... — строго наставлял городовой, записав карандашом в блокнот номер автомобиля.

— Гармидер, — брякнул Шломо первое, что пришло на ум, и прыгнул за руль.

Машина взревела и понесла несостоявшихся грабителей прочь с Гороховой улицы.

***

Погони не было. Ни топота преследователя, ни выстрелов. Лишь где-то далеко позади резал воздух звук полицейского свистка.

Рождественский остановился перевести дух. Спасаясь бегством, он и сам не заметил, как пролетел дворами два квартала и находился уже где-то на Фонтанке.

Ловя удивленные взгляды случайных прохожих, подполковник вышел на мостовую. Сделав несколько шагов по шестиугольным деревянным плиткам, он поднял голову. Перевел дух. Остановился. Прислушался.

Воздух Петрограда наполнился звуками утренней суэты. Трелей полицейского свистка больше не раздавалось.

«Должно, схватили», — облегченно подумал Рождественский.

Горячка событий утихла. Оставалось разобраться с чехардой мыслей.

Рождественский крутил в руках проклятую шкатулку и думал, как быть дальше. Правильнее всего, конечно, со всех ног мчаться в Охранное отделение и прямо в кабинете Глобачева писать отчет о происшествии.

Вдруг рядом с подполковником раздался приглушенный женский вскрик. Рождественский обернулся и увидел, как женщина средних лет, подхватив подол юбки, спешно переходит на другую сторону улицы, то и дело опасливо оглядываясь на подполковника.

Рождественский понял, что его пальцы, сжимающие шкатулку, заляпаны подсохшей кровью. Что шинель его вся в бурых пятнах, а лицо вымазано чужой натекшей юшкой. На лоб свисали сосульками смерзшиеся от крови волосы. Подполковник повернулся к своему отражению в витрине. Вид его был страшен.

Рождественский нырнул в подворотню и кинулся к ближайшему сугробу. Корка наста оцарапала пальцы. Лицо онемело от холода. Снег медленно и неохотно стирал с кожи подполковника кровь.

— Сергей Петрович?! — окликнули подполковника.

Рождественский сморгнул растаявший снег. Шагах в четырех от него замер ротмистр Богданович. Пар клубами вылетал из его распахнутого рта. Губы перекосились.

— Слава богу! — облегченно выдохнул Рождественский, делая шаг навстречу. — Вы не представляете, как я рад вас видеть, Юрий Николаевич! — улыбнулся подполковник, приближаясь к жандарму.

Ротмистр отпрянул. Толстые пальцы Богдановича суетливо принялись дергать ремешок кобуры.

— Стойте, подполковник! — взвизгнул ротмистр, вытягивая вперед левую руку. — Не двигайтесь!

— Позвольте? — опешил Рождественский.

Богданович справился с кобурой. В руках толстяка появился револьвер. Ствол, подрагивая, нацелился в грудь подполковнику.

— Вы арестованы! — заикаясь, произнес Богданович. — Поднимите руки вверх и медленно подойдите ко мне!

Настроен ротмистр был крайне решительно. Страх придавал ему сил.

«Еще пальнет ненароком», — подумалось Рождественскому.

Подполковник на всякий случай поднял руки.

— Что вы такое несете? — как можно спокойнее произнес Рождественский. Не спуская глаз с револьвера, он сделал небольшой шаг. — За что вы меня арестовываете? — он медленно шагнул еще раз.

— Вас все участки разыскивают, — словно оправдываясь, ответил Богданович. — Вы же человека убили!

Рождественский мог поклясться, что налетчик был только ранен.

«Видать, истек кровью», — подумал подполковник, а вслух произнес:

— Это была самооборона, — начал он.

Рождественский хотел добавить, что иного выхода не было — ведь у нападавшего имелся револьвер...

Но тут Богданович произнес странное:

— Вы же ему полчерепа снесли! Он даже оружия вытащить не успел!

— Простите, что?!

— Бедняга Бугаев! Околоточный надзиратель! — глаза жандарма светились ненавистью. Голос срывался. — За что вы с ним так, подполковник?!

Рождественскому показалось, что земля уходит у него из-под ног.

Решение пришло быстро.

Подполковник одним прыжком оказался подле ротмистра. Перехватил револьвер и что было силы сунул коленом в живот Богдановичу. Жандарм ухнул и сложился пополам. Рождественский взял оружие за ствол. Размахнувшись, приложил ротмистру рукояткой в основание черепа. Тот повалился ничком.

Рождественский огляделся. В подворотне было тихо и пусто.

Подполковник откинул барабан револьвера. Все патроны на месте. Рождественский сунул оружие в карман шинели и потер ногтем бурое пятно на груди. Одежду определенно нужно было менять. И чем скорее, тем лучше.

Ближайший магазин находился в двух кварталах. Прокравшись дворами, подполковник вынырнул из переулка и решительно потянул на себя дверь заведения.

С притолоки звякнул колокольчик. Рождественский сдвинул шпингалет, вывесил табличку «Закрыто» и повернулся. На счастье, посетителей не было.

— Что вам угодно? — старичок-продавец оторвался от стеллажа со шляпами и подслеповато прищурился. В ограбление он поверил лишь тогда, когда револьвер оказался у него перед носом. Грабитель-жандарм не укладывался у него в голове. — Денег совсем немного, — затараторил он, поднимая руки, — я только открылся!

— Прошу меня извинить за неудобства. — Рождественский косился на входную дверь. Голос его звучал успокаивающе. — Но обстоятельства вынуждают позаимствовать у вас шапку и что-нибудь из верхней одежды.

Продавец не мог отвести глаз от кровавого пятна на шинели подполковника.

— Моя, как вы заметили, пришла в негодность, — мрачно добавил Рождественский.

— Что-нибудь еще? — покорно спросил старик.

Подполковник расстегнул верхнюю пуговицу.

— Упакуйте шинель, если вас не затруднит.

Через десять минут из дверей магазина «Пальто, манто и головные уборы из Европы» на Фонтанке вышел мужчина в каракулевом треухе и зимнем пальто на волчьем меху. Пальто явно было узко ему в плечах, а рукава — немного коротки. Под мышкой несуразно одетый господин держал объемный бумажный пакет, перетянутый красной лентой.

Жалея, что не прихватил и перчаток, Рождественский добрался до парапета и бросил бумажный сверток в реку. Тот хлопнулся на лед и, словно забытый под елкой подарок, одиноким пятном остался на застывшей воде.

Подполковник сунул замерзшие руки в карманы. В одном лежала злополучная коробочка, в другом — револьвер ротмистра Богдановича с шестью патронами в барабане.

Рождественский набрал полную грудь морозного воздуха. Только один человек в Петрограде был ему обязан настолько, что мог бы прийти на выручку подполковнику, ставшему в это утро грабителем и убийцей. Схоронить на время. Помочь выбраться из города. Мог, если бы захотел.

Адрес Скорого Рождественский знал назубок. Но заявиться к нему следовало вечером, когда сторожить Керенского оставался только один филер. До той поры подполковник

решил переждать в ближайшем трактире, что подвернется рядом с домом номер двадцать три по Загородному проспекту. Наличных в портмоне хватало разве что на штоф хорошей водки.

Рождественский ссгутился и нырнул в подворотню.

***

Автомобиль мчался по Французской набережной в сторону британского посольства. Пролетев мимо заснеженного Летнего сада, машина завернула за ограду и юркнула в подворотню.

Не глуша мотора, Соломон выпрыгнул из авто, распахнул заднюю дверцу.

В подвале посольства была оборудована операционная по первому слову медицины. Английские эскулапы поставят лейтенанта на ноги, в этом Шломо не сомневался. Но сделать это они смогут, только если Рейнер будет все еще жив.

Ожидая увидеть залитый кровью салон, Шломо сунул голову внутрь авто. Лейтенант лежал на заднем сиденье. Левая его ладонь прижимала правый кулак к животу. Крови было на удивление немного.

Соломон протиснулся в машину и тронул шею лейтенанта. Пульс удалось нашупать не сразу. Освальд был еще жив.

Шломо хотел повернуть лейтенанта на спину и осмотреть рану, но тот вдруг протяжно застонал и распахнул глаза. В лицо Соломона впились две разноцветные и будто светящиеся радужки: левая синяя и зеленая правая.

— Сукин ты сын! — беззлобно выругался Соломон. — Выслужиться хотел, молокосос?

Лейтенант закатил глаза. Дыхание его сделалось тихим и неровным.

Шломо не спеша поставил лейтенанту укол со снотворным и аккуратно убрал его руки от живота.

Пуля вошла ему в правый бок и, по прикидкам Соломона, должна была задеть печень. Кровотечения не было. Поверх раны уже образовалась запекшаяся корка.

Соломон разогнул сжатые в кулак пальцы лейтенанта. На забрызганный бурым велюром упала маленькая серебристая ящерка.

***

Керенский не чувствовал мороза. Разгоряченное сердце колотилось в груди. Ноги несли Александра Федоровича домой, а в голове крутились события прошедшего дня.

Накануне Милюков произнес в Таврическом дворце речь, которая произвела эффект разорвавшейся бомбы. Глава кадетской партии озвучил с трибуны немыслимое — обвинение премьер-министра Штюремера в подготовке сепаратного мира с Германией. Досталось и царице, которая напрямую, конечно же, названа не была. Пламенную речь Милюкова мигом разобрали на цитаты. Крылатое: «Что это — глупость или измена?» вертелось на устах у всех — от крайнего правого крыла до представителей левых партий.

Думцы были взбудоражены. На заседания начали приходить толпы зевак. Этим утром их оказалось особенно много. По Петрограду разлетелся слух об убийстве Распутина. Обыватели с нетерпением ждали реакции власти на новость.

Упустить момент Александр Федорович не мог. Настало время разыграть туркестанскую карту. И вместо козырного туза в рукаве у Керенского имелся Орел.

Александр Федорович поднялся по дубовым ступеням к трибуне, украшенной резным двуглавым гербом.

Ладонь стиснула фигурку. Фигурка откликнулась легким жжением. По коже словно пробежали муравьи.

Керенский окинул взглядом аудиторию. Зал заседаний был переполнен. На хорах теснились зрители.

Керенский откашлялся в кулак и начал:

— Так управлять государством нельзя, дамы и господа! — Керенскому вдруг показалось, что все в зале разом застыли. Александр Федорович набрал побольше воздуху в легкие, и в наступившей тишине зарокотал его баритон: — Вернувшись с комиссией из Туркестанского края, искренне доложу вам — даже на Западном и Кавказском фронтах я не видел столь идеально уничтоженного города, как Джизак. Карательные отряды потрудились на славу!

Керенский ощущал, как его накрывает с головой прилив вдохновения. Захлестывает его, вертит и неумолимо куда-то влечет.

— Механизмы хозяйственного и культурного сожительства разрушены продажной краевой администрацией. Она — главная виновница случившихся трагедий и беспорядков!

Слова, будто стаи удивительных птиц, вылетали из Керенского и кружили по залу.

— Отвратительно организованный набор тыловиков и карательные акции обернулись массовыми расправами туземцев над переселенцами! Ответная волна не заставила себя долго ждать — крупные жертвы понесло и коренное население. В одном только селе Беловодском было казнено триста человек — самосудом!

По залу заседаний пробежался взъерошенный гул.

— Такое управление государством категорически недопустимо! — стукнул кулаком по трибуне Керенский.

В наступившей тишине кто-то хлопнул в ладоши. Потом еще и еще. В центре зала, сразу за кадетами, повставали с мест представители мусульманской фракции. Они подняли целую волну аплодисментов.

— Что же вы? К революции призываете? — крикнули откуда-то слева.

Керенский поднял руку, и, словно по волшебству, все стихло.

— Вы, господа, до сих пор под словом «революция» понимаете какие-то действия антигосударственные, разрушающие государство. — Керенский разрубил ладонью воздух над трибуной. — А вся мировая история говорит, что революция была методом и единственным средством спасения государств. Это напряженнейший момент борьбы с правительством, губящим страну!

Теперь ему рукоплескал каждый. И внизу, среди думских представителей, и на наполненных любопытными балконах вспыхнул фейерверк из оваций и одобрительных выкриков.

Председатель Родзянко призывал к порядку и просил Керенского удалиться, но дело было сделано. Орел будто впился в ладонь Александра Федоровича и не желал более отпускать.

Прорвавшись сквозь заслон рукопожатий, Керенский помчался домой.

Магическая фигурка пекла кожу ладони. Мысль о случившемся небывалом успехе возбуждала, заставляя двигаться все быстрей и быстрей. От предвкушения будущего захватывало дух.

Было и еще одно обстоятельство, наполнявшее Керенского душевным трепетом. Как только он впервые услышал об убийстве Распутина, ему нестерпимо захотелось позвонить антиквару Райли и отдать Орла. В чудесной силе артефакта Александр Федорович убедился сразу после разговора с Пуришевичем и твердо решил не возвращать фигурку резиденту английских масонов. Но немыслимое, противоестественное желание вдруг кольнуло его сегодня в самое сердце. Оноширилось внутри Керенского и росло, вопреки всем его стараниям.

Пытаясь не обращать внимания на скребущее изнутри чувство, Керенский подходил к дому. Александр Федорович остановился у парадного и по привычке глянул через плечо. Дневной филер отстоял уже свою смену. Шутки ради Керенский всегда приветствовал вновь заступивших бедолаг. Ожидания не оправдались — облюбованное соглядатаями место у афишной тумбы пустовало.

«Должно быть, погреться зашел», — подумал Керенский, поднимаясь по ступеням.

Шпик действительно находился в парадном. Он лежал у самой батареи на лестничной клетке между вторым и третьим этажами. Напротив него на ступеньке сидел некто в пальто на волчьем меху и тискал в ручищах каракулевую шапку.

— Сергей Петрович? — охнул Керенский, распознав в мужике давешнего знакомца. — Вы как тут?

Рождественский обратил на него мутный взгляд. Керенский вдруг понял, что пальто на капитане явно с чужого плеча.

— Супруга ваша сказала, — медленно произнес Рождественский, — что вас дома нет еще. Вот, — кивнул он на филера, — жду.

— Это вы его так? — вскинул бровь Керенский.

Рождественский еще раз кивнул.

— Придушил маленько, — сложил он ручищи в борцовский захват.

От капитана крепко разило водкой и табаком.

— Да что стряслось-то?! — воскликнул Александр Федорович. — На вас же лица нет!

И тут Рождественского будто прорвало. Он утиral ушанкой брызнувшие слезы и говорил, говорил взахлеб. Прерывался, только чтоб набрать воздуха, и говорил дальше.

— Не убивал я его! Не у-би-вал! Ты же мне веришь, Скорый? — выплеснув все, Рождественский вдруг перешел на «ты». Губы здоровьяка тряслись. — Ведь веришь?

Александр Федорович поверил сразу, несмотря на то что понимал — капитан изрядно пьян. И в задание охранки, откуда, как выяснилось, был его летний попутчик. И в двух налетчиков, одетых будто одинаковые злодеи из синематографа. И в невиновность Рождественского. Керенского тревожило другое — предметы Распутина. Он крутил в руках отданную капитаном шкатулку и, кажется, догадывался, кем могли оказаться встретившиеся капитану грабители.

— Я вам верю, Сергей Петрович, — честно признался Керенский. — Верю и помогу. Есть одно надежное место, — хотел продолжить он, но Рождественский поднялся со ступенек и распахнул свои медвежьи объятия.

От треснувших ребер Александра Федоровича уберег филер. Он коротко всхлипнул и заворочался на полу.

Рождественский, будто охотничий пес, замер. На лице его мелькнула нехорошая усмешка. Он резко развернулся к шпику, но Керенский ухватил его за рукав:

— Не стоит!

— Он нас видел, — возразил Рождественский.

Керенский заслонил собой филера.

— Есть и другой способ. — Александр Федорович сунул руку в карман и присел перед шпилем на корточки. — Тебя как звать-то, голубчик?

— Ми-митрофаном, — напуганно промямлил тот.

— Вот что, Митрофан, — ласково продолжал Керенский. — Дуй-ка на улицу да поймай нам извозчика. Ехать будем к Большой Северной гостинице.

Филер мелко закивал.

— И вот еще что, Митрофан. Ни меня, ни вот этого милого господина, — Керенский выдержал паузу, — ты сегодня не видел. Ясно?

— Так точно! — кряхтя и покашливая, шпик поднялся и за-
ковылял вниз по лестнице.

Через три минуты у парадного встал экипаж.

— Как вы это сделали? — изумленно прошептал Рождест-
венский.

Керенский глянул на него сияющими разноцветными гла-
зами. Один лучился зеленью, другой — синевой.

— Сила убеждения, капитан, — хохотнул он. — Только
и всего!

— Я подполковник, — прошептал Рождественский.

— Это больше не имеет никакого значения. — Керенский
махнул рукой и взял Рождественского под локоть. — Едемте,
Сергей Петрович. У нас впереди еще куча дел. Вам нужно ос-
новательно выпспаться.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В ЛАБИРИНТАХ ОТЧАЯНИЯ

*Российская империя, Царское Село, Петроград,
21 декабря 1916 года*

Государю не спалось. Пропитанную потом перину словно набили холодным песком. Тяжелое одеяло давило на грудь, мешало дышать. Царя лихорадило. Ни выпитый графин коньяку, ни пылающий камин не помогали согреться.

Неведомая болезнь сотрясала дрожью тело, выкручивала мышцы. Отдаваясь ноющей, свербящей болью в суставах, леденила руки и ноги. Николай скрипел зубами и метался по постели. Помимо телесной хвори, внутри государя бесновался страх. Постепенно перерастая в животный ужас, он полностью подчинял разум, доводя до духовного паралича.

— Господи, укрепи и помилуй, — сухими губами шептал в пустоту император. — Господи, дай мне сил и огради меня. Боже!

Отчаянная молитва спасала на краткие мгновения. Виски государя пульсировали, сердце отдавалось в них пудовыми молотами. Сабельный шрам, полученный когда-то в Японии, горел, словно свежая рана. Под закрытыми веками расцветали вспышками алые бутоны, резали глаза.

Но страшнее изнуряющей боли терзали Николая мысли. Раз за разом они возвращались, подобно волнам клокочущего прибоя. Приносили с собой невыносимые, сбивающие дыхание приступы паники.

Четыре дня назад его потревожили перед сном. Бледный как мел ординарец протянул телеграмму от Аликс. Не поверив своим глазам, Николай провел долгие минуты у телефона, слушая истеричные всхлипы супруги. Уверенным голосом он утешал ее как мог. Горячился, обещал тотчас приказать разломать весь лед от Петрограда до Кронштадта. Поднять на ноги всех водолазов.

Потом он истово, горячо молился. Он просил Господа за бедного Григория. Просил ниспослать тому что угодно, только не смерти. Но Господь не услышал.

Водолазы нашли тело примерзшим ко льду Малой Невки.

Новость подломила Николая. Внутри образовалось тянувшая, одинокая пустота. Государь никак не мог оправиться. Даже имена убийц не вызвали у него ярости — одну только горечь.

Император вернулся в Царское.

На перроне его встретили жена и дочери. Уже в машине Николай рассмотрел припухшие веки, красные глаза, россыпь точек лопнувших капилляров на коже под ними. Аликс молча протянула ему сложенный вдвое листок.

«*Дух Григория Ефимовича Распутина-Новых из села Покровского*» начиналось письмо, но Николай сразу узнал его почерк. Борясь с подступающим к горлу комом, он продолжил читать:

«*Я пишу и оставляю это письмо в Петербурге. Я предчувствую, что еще до первого января я уйду из жизни... Если меня убьют нанятые убийцы, русские крестьяне, мои братья, то тебе, русский царь, некого опасаться. Оставайся на своем троне и царствуй. И ты, русский царь, не беспокойся о своих*

детях. Они еще сотни лет будут править Россией. Если же меня убьют бояре и дворяне и они прольют мою кровь, то их руки останутся замаранными моей кровью, и двадцать пять лет они не смогут отмыть свои руки. Они оставят Россию. Братья восстанут против братьев и будут убивать друг друга...»

— Я погиб, — вырвалось тогда у государя.

— Я погиб, — шептал он, лязгая сейчас зубами под пуховым одеялом.

Тень несчастного Александра, сербского короля, снова нависла над ним. Застреленный вместе с женой бунтовщиками, он был выброшен обезумевшей толпой через окно на улицу. На обозрение и поругание.

Мертвый Александр забирался Николаю под веки и грозил почерневшим пальцем.

— Господи, помоги мне! — шептал император, распахивая глаза и обливаясь потом.

Сквозь треск горящих поленьев ему чудилось чье-то дыхание. Свет лампы на прикроватной тумбе очерчивал вокруг Николая охраняющий круг, но за его пределами государю померещилось вдруг чужое присутствие. Он подобрался, прижимая затылок к спинке кровати.

— Укрепи и помилуй, — перекрестился Николай и с надеждой покосился на спасительную лампу. Взгляд его упал на предсмертное письмо Распутина, которое белело в ее свете на полированном дереве прощальным приветом из прошлого. Прощальным подарком.

А внутри тумбы, в нижнем ее правом углу хранился еще один.

Кот.

Пугающий и ненавистный.

«Русской земли царь, когда ты услышишь звон колоколов, сообщающий тебе о смерти Григория, то знай: если убийство

совершили твои родственники, то ни один из твоей семьи, то есть детей и родных, не проживет дольше двух лет. Их убьет русский народ...»

Стон прорвался сквозь сжатые зубы. Меж висков резануло белой болью. Николай на секунду зажмурился и вновь оказался в помещении с низким потолком. В комнате, оклеенной желтыми обоями в полоску.

В той самой, куда однажды отправила Николая серебристая фигурка и раз за разом возвращала, несмотря на все его старания. В комнате, наполненной звуками выстрелов и стонами умирающих детей. Глухими ударами прикладов и омерзительным звуком, с каким штык проникает в еще теплую плоть.

Царь открыл глаза. Шумно и часто задышал, будто вынырнувший из последних сил пловец.

Николай попытался закричать «Господи, избави!», но из сведенного ужасом горла вырвался лишь краткий всхлип.

Создатель не услышал Николая. Темнота обступала кровать. Бледным фантомом поднималось из нее навязчивое видение. Оно приближалось. Обретало глубину и четкость. Наваливалось на императора. Полосатая стена покрылась пулевыми выбоинами. Что-то вязкое и темное принялось густо сочиться из них. Поверх желтого проступили кровавые пятна.

Государь в бессилии зарычал и что было мочи укусил себя за палец. Видение дрогнуло и померкло. Боль отступила. Внутри сделалось тихо.

Николай замер, боясь шелохнуться. Но тут где-то глубоко в нем взорвалось знакомое и необоримое чувство. Захотелось вскочить с кровати. Сжать в кулаке серебряного кота. Заглянуть еще раз в будущее и не увидеть там проклятой комнаты. Не увидеть всех этих ужасных смертей. Чудовищных картин,

о которых он так и не смог никому рассказать, не смог никому доверить: ни Аликс, ни дневнику, ни даже бедному Григорию. А теперь уже и не сможет.

— Прошу тебя, Боже, пусть сейчас все будет иначе! — глухим голосом произнес император и открыл дверцу тумбы.

Кот лежал на дне дешевой кружки с Ходынки.

Николай горько усмехнулся. Когда-то он принял ее хозяина, чудного монгола, за убийцу. Одно время образ азиата даже преследовал государя. В азиате воплотились все его страхи. Глупый, глупый Ники! Ты еще не знал тогда настоящего ужаса, настоящей правды. Что теперь для тебя эта кружка? Всего лишь еще один сувенир из прошлого. А вот то, что лежит в ней...

Государь опрокинул кружку. Кот вывалился на мокрую от пота ладонь. Дрожащие пальцы сжались в кулак.

Сердце гулко ударило. Николай зажмурился и...

Вновь оказался в комнате с низким потолком и желтыми, в полоску, обоями.

Рядом истошно закричала Аликс.

Щелкнул затвор.

Кто-то надсадно закашлялся, и хриплый голос произнес:

— Кончайте их уже...

Император застонал и тяжелым кулаком ударил себя по голове. Еще. И еще раз. Словно выколачивая из нее образы будущего.

Боль вернула его в спальню.

Николай разжал скрюченные пальцы. На ладони остались следы впившихся в кожу ногтей.

— Будь! Ты! — слова натужно выходили из горла. — Проклят! — прохрипел Николай и швырнул фигурку в камин.

Кот ударился о поленце, поднимая сноп искорок.

Император перевел дух.

Вдруг за спиной ему послышалось тихое движение. Николай затравленно обернулся. В полутьме комнаты зыбко и размыто шевелилась портьера. Не отрывая от нее взгляда, государь нашупал на тумбочке кружку.

Шаг за шагом, ступая босыми ногами по ковру, император приближался к окну. Он не думал о том, что вместо оружия сжимает дурацкую посудину. Что стоит только позвать, громко крикнуть — и в спальню ворвутся верные офицеры из царского конвоя. Николай желал в тот момент лишь одного — отдернуть чертову штору.

Пальцы коснулись цветастого жаккарда. Николай замахнулся случайным орудием и резким движением отодвинул ткань.

За портьерой было пусто. В подернутом инеем стекле отражалось перекошенное и бледное лицо насмерть перепуганного человека. А за окном, у горизонта, темноту земную и небесную начинала разделять узкая багровая полоска позднего рассвета.

Что-то оглушительно грохнуло за спиной.

Николай развернулся и, не глядя, на звук, швырнул кружку.

Прежде чем она ударила о каминную полку, государь понял — это был не выстрел. Это треснули в очаге дрова. Противное, истерическое хихиканье вырывалось из горла, и он не мог его остановить. Государь зажал рот ладонью.

— Ваше величество? — флигель-адъютант осторожно просунул голову сквозь узкую щель приоткрывшейся двери.

— Ступайте, князь, — махнул рукой Николай, смущенно кривя губы. — Просто кошмар.

— Вам незддоровится? — тревожно спросил адъютант. — Кликнуть лейб-медика?

— Не стоит тревожить Евгения Сергеевича в столь ранний час, — проронил государь, медленно опускаясь на

кровать. — Лучше разбудите Алексея Егоровича. Пусть подаст мне свежую ночную рубаху и распорядится постелить на диване в библиотеке. — Николай поежился и покосился на портьеру. — Здесь ужасные сквозняки.

— Сию минуту! — козырнул флигель-адъютант и помчался в комнату старишка-камердинера.

Николай накинул на плечи одеяло и принял сухую пижаму.

Дрова в камине догорали.

***

Мысли, тревожные и завораживающие, не давали заснуть. Ходики показывали уже половину четвертого ночи, но сон не шел. Александр Федорович лежал на спине, вглядываясь в невидимый в темноте комнаты потолок, и слушал их мерное тиканье. В механический звук убегающих секунд вплеталось ровное дыхание спящей рядом жены.

Керенский, стиснув зубы, четвертые сутки боролся с острым желанием вернуть Орла антиквару Райли. И если беспокойные мысли удавалось еще обуздить, то справляться с этим скребущим изнутри чувством становилось все труднее.

Александр Федорович больше не опасался мести английских масонов. Угодивший в историю подполковник Рождественский теперь готов был жизнь положить за своего благодетеля. Стать его тенью и ангелом-хранителем.

Новая встреча придала Керенскому сил. Проспавшийся в арендованных Великим Востоком номерах подполковник в подробностях рассказал ему о своих злоключениях.

Александр Федорович внимательно изучил нечаянный трофей бывшего полицейского. Выходило, что Старец обладал как минимум двумя магическими предметами — Ящерицей и Котом. Распутинская коробочка очень походила на ту, что

служила футляром Орлу. Вполне возможно, что все эти фигурки имели раньше одного владельца или изготовлены одним мастером.

Впрочем, история предметов не представляла для Керенского особого интереса. Вот то, что за фигурками Старца уже началась охота, было гораздо занятнее и невольно подтверждало их исключительную ценность.

У Александра Федоровича захватывало дух. Разыгравшаяся фантазия рисовала удивительные способности, которыми могут обладать Кот и Ящерка, и завораживающие перспективы для их нового владельца. Керенский решился отыскать фигурки при первом же удобном случае. Беглый подполковник пообещал ему всяческую помочь в этом непростом предприятии.

Сидней Райли не страшил теперь Александр Федоровича. Молчаливая опека Рождественского сможет оградить от происков британских вольных каменщиков, в этом Керенский убеждал себя довольно успешно. Ко всему он уже смог неоднократно увериться — магия фигурки была столь же велика, сколь и безотказна. Александр Федорович чувствовал себя с Орлом спокойнее, чем с заряженным револьвером под подушкой.

С серебристой птичкой он не расставался ни на минуту. Пытаясь постичь глубину волшебства артефакта, Александр Федорович раз за разом испытывал его магию. И мелочные желания подчинить волю случайного прохожего, и эксперименты по очарованию пестрой публики Таврического дворца проходили одинаково успешно.

От бесчисленных упражнений обнаружился и побочный эффект — руку время от времени начали сводить судороги. Но если физическую боль Александр Федорович еще мог вытерпеть, то терзания духовные вымотали его до предела.

Тревожное чувство охватило его, едва только по Петрограду пронесся слух о смерти Распутина. Когда газеты запестрели заметками, оно превратилось в навязчивое желание. На третий день Александр Федорович едва не бил себя по рукам, чтобы не схватить телефонную трубку и не назначить встречу оклдовавшему его резиденту английских масонов.

На четвертый день он не мог уже думать ни о чем другом. Керенский отчаялся. Сон пропал.

Пытаясь не потревожить жену, Александр Федорович сел на кровать и сунул ноги в войлочные шлепанцы. Тихо поднялся, накинул поверх пижамы махровый халат и выскользнул из спальни в коридор. Шлепая задниками тапочек по паркету, он прокрался в столовую и включил свет.

Телефонный аппарат стоял на тумбочке у самого выхода. Черной громадой он высился в полумраке коридора. Манил. Ждал своего времени.

Александр Федорович с трудом повернул голову и через силу подошел к плите. Ожидая, пока внутри большого медного чайника забурлит кипяток, Керенский машинально засыпал в заварочник добрую порцию развесного кузнецового из жестяной банки. Тонкими ломтиками нарезал лимон.

В одинаковом порядке в голове крутились цифры. Александру Федоровичу не нужно было открывать справочник. Номер антикварной лавки Сиднея Райли въелся ему в память намертво.

Он опустил кусочек лимона в кружку. Сахара в сахарнице не оказалось. Керенский открыл дверцу навесного шкафа. Где-то на верхней полке Оля хранила склянку с рафинадом.

Александр Федорович привстал на цыпочки и...

— Алле? — повторил женский голос. — Я вас слушаю! Алле?

Керенский вздрогнул. Он стоял в пустом коридоре. В одной его руке дрожала кружка с чаем. В другой — сердился в телефонной трубке визгливый женский голос:

— Я вас слушаю! Назовите номер! Алле?

***

Телефон зазвонил в четверть пятого. Соломон пружиной выпрыгнул из кровати. Спотыкаясь в темноте о мебель, в три прыжка оказался у аппарата. Едва не уронив японскую вазу, сорвал трубку с рычага.

Это был не Керенский. Какой-то полупьяный гуляка требовал еще шампанского и Лизавету.

Соломон хмуро чертыхнулся и принялся возиться с примусом.

Кофе разгонял остатки сна. Прихлебывая горький напиток, Соломон, прикрыв веки, думал.

Приведя к понедельнику побитое гримом лицо в порядок, Шломо навестил ломберные столики на Марсовом поле. «Пожарный клуб» находился в доме графини Игнатьевой, и играли там всегда на крупные банки. Но не деньги в этот раз нужны были Соломуну. Ему требовалась информация.

Промотав немного фишек за разными столами, Шломо в целом составил картину. На этой неделе в Петрограде было модно восхвалять убийство Распутина. О нем говорили как об акте освобождения и спасения страны, а самих убийц полу-светская публика вознесла до героев-мучеников.

Соломон для приличия проиграл еще денег и, состроив печальную мину, заглянул в кабинет к Арону.

Арон Симанович был не только евреем, отлично разбиравшимся в антикварных камушках. Он являлся истинным владельцем «Пожарного клуба». А еще Арон Симанович служил личным секретарем Григория Распутина.

Соломон принес витиеватые соболезнования, поднял рюмку коньяку за упокой и потихоньку перешел к расспросам. Справился для порядку о судьбе своих недавних товарищей по «опасному предприятию». Яростно повозмущался мягкостью к ним императора. А потом завел разговор о бедных дочерях бедного Григория.

Арон искренне печалился по своему хозяину. Он грустно говорил о страданиях девушек, осиротевших по вине изувечников. О глубоком трауре в Царском Селе. А потом вскользь упомянул то, ради чего Соломон битый час подливал ему в рюмку золотисто-коричневый «Первый Номер» семидесятого года.

Царская чета возымела намерение превратить квартиру Распутина в музей-часовню. Императрица лично вручила Арону двенадцать тысяч рублей на устройство жилья для дочек Григория Ефимовича.

— Я нанял для них шикарный апартамент, на Коломенской, — вещал Симанович, задумчиво жуя лимон, — у одного знакомого поляка. Правда, дом с несчастливым номером.

— На долю этих юных созданий уже выпало немало несчастий, — поддакивал Шломо. — Должно быть, им довольно тяжело пребывать в старой обстановке, но уже без родителя.

— Все так, все так, — кивал Арон. — Их там даже стены гнетут. Девочки собрали вещи и завтра съезжают.

— А похороны уже состоялись?

Арон помотал головой:

— Ждали государя. Назначил на среду.

— И где? — проявил неподдельное участие Соломон. — В Царском?

Симанович кивнул снова:

— Но больше я вам ничего сказать не вправе, мой друг, — ответил Арон с едва уловимой ноткой извинения в голосе. — Похороны пройдут тайно и без лишней огласки.

— Отчего же?

— Так захотела императрица, — пожал плечами Симанович с таким видом, словно другого аргумента ему и не требовалось.

Впрочем, Соломону тоже. Он уже узнал все, что хотел. Утром двадцать первого декабря квартира Старца на Гороховой улице будет свободна от скорбящих родственников.

Царская охранка, конечно, уже перевернула в квартире все вверх дном, но Соломон должен был убедиться, что фигурок там нет. Телефонировать Безумному Шляпнику, не будучи в этом абсолютно уверенным, Шломо не имел ни малейшего желания.

Рейнер медленно, но верно шел на поправку. Соломон не держал зла на лейтенанта. Ни за то, что увалень Освальд провалил простое, по сути, дело, подставившись под пулю, ни за детскую попытку скрыть от Шломо ночной трофей — фигурку саламандры.

Соломона беспокоило другое. В обозримом будущем лейтенанта должны были отправить через Финляндию домой. А это значило, что рыскать по Петрограду в поисках распутинского магического наследства ему, Соломону, предстояло в одиночку.

Был у Шломо и еще один повод для беспокойства. С убийства Старца минуло уже четыре дня, а от Керенского все не приходило вестей.

Он, прикрыв глаза, прогонял остатки сна горьким кофе и пытался вспомнить, куда задевал набор универсальных отмычек.

Распахнувшие для Шломо не одну сотню замков малютки не подведут и сегодня. Инъекция снотворного утихомирит любого нечаянного свидетеля. Соломон обыщет каждый дюйм распутинской квартиры еще до обеда.

А потом нужно будет звонить сэру Уинсли.

Опыт подсказывал, что дело начинает приобретать неожиданный оборот.

***

— Саша?

Керенский едва не выронил кружку с чаем. Жена неслышно вышла из спальни. Босая, в одной ночной рубахе, она стояла позади, будто бледное привидение в сумраке коридора.

— Саша, ты как здесь? — голос Ольги был взволнован. — Тебе нехорошо? Нужна медицинская карета?

Александр Федорович опустил трубку на рычаг аппарата. Визгливый голос телефонистки захлебнулся тишиной.

— Все нормально, — глухо сказал Керенский. — Кто-то ошибся номером.

Ольга Львовна молчала.

— Ты проходи в столовую, — повернулся он к жене. — Я чаю заварил.

Неодобрительно поджав губы, Ольга Львовна проследовала за стол.

Керенский налил жене чаю и присел рядом. Глядя, как ее длинные пальцы помешивают ложечкой сахар, Александр Федорович собирался с мыслями.

— Саша, что происходит? — вдруг спросила Ольга. — Последние дни ты так сильно изменился. Но я вижу, что тебя что-то мучает. У тебя роман? — Жена пристально на него посмотрела.

С давних пор Александр Федорович завел себе правило: абсолютно искренне отвечать на все ее щекотливые вопросы. Правило это не раз выручало Керенского. Хотя супруга не всегда верила его честным ответам.

— Оленька, мне нужно с тобой поговорить, — не отвел взгляда Александр Федорович. — Романа никакого нет, конечно же. Это вздор, и выбрось его из головы. Но у меня действительно серьезная проблема. — Пальцы сами тянулись к Орлу, лежащему в кармане халата. Но Керенский сдерживался. Воз действовать на жену не хотелось. — И мне нужна твоя помощь, Оля.

Длинные ресницы Ольги Львовны вздрогнули. Взгляд сделался настороженным.

— И чего же ты хочешь?

Керенский утер пот со лба и медленно опустил руку в карман. Орел выскользывал из пальцев, словно противился его воле.

Александр Федорович наконец вытащил птичку и опустил ее на хлопчатую скатерть.

— Что это, Саша? — Рука жены потянулась к фигурке. — Откуда у тебя такая прелесть?

Керенский перехватил ее руку. Накрыл своей ладонью.

— Оленька, — как можно серьезнее произнес он. — Это магический артефакт. Я им околдован. И я хочу, чтобы ты развеяла чары.

Жена на мгновение зажмурилась, а потом прыснула смехом в кулакок.

— Саша! Опять твои розыгрыши! — утирала она с ресниц выступившие слезы. — И это в четыре ночи! Пойдем лучше спать, — начала она было подниматься из-за стола, но натолкнулась на умоляющий взгляд мужа.

— Оленька! — упавшим голосом прошептал Керенский. Пальцы его до белизны в костяшках сжали столешницу, будто невидимая волна отлива тащила его от спасительного берега в гибельную пучину. В коридор. К телефонному аппарату. — Это несложно. Сделай, как я прошу! Пожалуйста!

Ольга Львовна в недоумении уселась за стол.

— Ну если для тебя это так важно, — пробормотала она. — Что я должна делать?

Керенский облизал губы.

— Сожми фигурку в кулаке. Сосредоточься. А потом скажи мне: «Ты не должен возвращать Орла Сиднею Райли. Оставь фигурку себе».

Зрачки Ольги Львовны удивленно расширились:

— А кто такой...

— Прекрати, — сдавленно прорычал Керенский. Он почувствовал, как забилась, затрепетала на виске вена. — Просто сделай это!

— Ну хорошо, хорошо, — поспешила успокоить его жена. — Раз для тебя это так серьезно...

Тонкие пальцы аккуратно подняли фигурку и сжали в кулаке. Ольга Львовна закрыла глаза.

В столовой сделалось тихо. За окном вдруг завыл ветер и бросил в стекло горсть снежной крупы. Мигнула электричеством лампочка.

— Александр Федорович Керенский! — торжественно произнесла Ольга и открыла глаза. Один из них светился зеленью, другой сиял аквамарином. — Ты не должен возвращать Орла Сиднею Райли. Оставь эту фигурку себе!

Керенский замер. Он боялся даже дышать. В голове вдруг словно натянулась звенящая струна. Потом она лопнула, и все стихло.

Он робко прислушивался к наступившей внутри пустоте. Ни намека на Сиднея Райли. Ни единой цифры из номера его телефона.

— Ну как? — лукаво улыбнулась Ольга. — Ты доволен?

Керенский рассеянно кивнул.

— А эта фигурка заставит сделать все, что я попрошу?

Александр Федорович прищурился на жену. Она явно пребывала в игривом настроении духа.

— А чего бы ты пожелала? — вскинул бровь Керенский.

Ольга Львовна кокетливо улыбнулась и протянула к его лицу руку. Пальцы жены нежно тронули прилипшие ко лбу пряди.

— Ты у меня, Саша, теперь человек важный, — мило прощебетала она. — Не идет тебе эта стрижка.

— В смысле? — опешил Керенский. Такого поворота он никак не ожидал.

— Носи волосы бобриком, — уверено продолжала жена. — У тебя такой лоб высокий, а ты его прячешь! Да и будет казаться, что волос гуще... — Ольга подошла, поцеловала мужа в макушку и положила на стол перед ним Орла. — Пойдем спать, мой зачарованный принц. А то скоро уже мальчишек поднимать пора.

Керенский в одно движение спрятал фигурку в карман и встал у зеркала.

— Ты думаешь, так и впрямь лучше? — Александр Федорович откинул волосы со лба. Придерживая пряди ладонью, он разглядывал свое отражение.

— Несомненно! — Ольга подошла сзади и обняла. Подбородок уткнулся в плечо. Губы жарко прошептали на ухо: — И смени пиджак на френч. Тебе очень пойдет военная форма.

***

— Ваше величество! Ваше величество! — второпях старичик не надел даже шапки.

Государь повернулся, так и не сойдя с последней ступеньки на землю. Камердинер с удивительной для его возраста прытью мелькнул меж колонн и уже мчался вниз по лестнице.

— Алексей Егорович, ну что же вы, голубчик! — строго отчитала его Аликс. — Вы же простудитесь! Мороз-то какой!

Император глянул на низкое серое небо. Градусов двенадцать от силы, но супруга была права — пожилой камердинер рисковал заработать пневмонию, выскочив на промозглый ветер неодетым.

— Ваше величество! — Алексей Егорович протянул государю скомканный платок. — Истопник из золы достал. В спальне вашего величества.

Николай автоматически развернул находку. На белоснежном и накрахмаленном платке лежал Кот. Серебристая фигурка словно только что вышла из-под рук ювелира. Огонь камина не оставил на ней никакого следа.

Сердце больно ударило в ребра государю.

— Что там, Ники? — опять сунула свой длинный нос в не свое дело Аликс.

— Пустяки, — хрипло ответил Николай. Он скомкал платок и опустил фигурку в карман шинели. — Безделица.

Государь надвинул папаху на глаза и, подхватив супругу под локоть, спешно зашагал к авто. Дочери засеменили следом. Последним шел печальный цесаревич. В руках он нес букет белых цветов.

Машина недолго катила по Царскому Селу. Миновав Ламской павильон, авто забрало направо и, обогнув по дорожке овальные пруды, выбралось через узкую полоску дикой рощи Александровского парка к полю.

На небольшом возвышении у самых елей стояла недостроенная деревянная часовенка. Свежий сруб не успели выкрасить, но маковка блестела на случайно выглянувшем меж туч солнце. Государь перекрестился.

Погода наладилась. Небо сделалось ярко-голубым. Все вокруг наполнилось сиянием: сверкающее солнце, искрящийся

алмазной россыпью наст придавали печальной картине торжественности.

У входа в часовню стоял полицейский фургон. Скутившиеся поодаль казаки царского конвоя, завидев государев мобиль, побросали папироски и вытянулись во фронт.

Машину остановилась. Николай расправил плечи и решительно распахнул дверцу. Императрица приняла из рук сына букет, коротко вздохнула и вышла следом за государем.

По узким доскам, брошенным на снежную корку, царская семья приблизилась к часовне. Казаки уже вынули из фургона простой дубовый гроб. На крышке помещался православный крест, а напротив лица покойного — небольшое оконце, забранное толстым стеклом.

Аликс тяжело оперлась о руку мужа. Лицо ее побелело. На глазах появились слезы. Последние шаги до гроба дались особенно тяжело — государю показалось, что она вот-вот лишится чувств.

Сам Николай подставил плечо под скорбную ношу, и ее занесли в бревенчатый склеп, устроенный в левой крестовине будущего храма. Цесаревич шел сзади и держал прикрепленную к гробу черную шелковую ленту.

Государыня раздала всем присутствующим по цветку. Началась лития.

Стоя у изголовья, Николай вполуха слушал распевный бас отца Александра. Глаза его были прикованы к окошку в крышке гроба. За ним угадывалось знакомое, но ставшее удивительно чужим лицо бедного Григория. В голове государя вдруг зазвучал голос Старца. Его последние строки, последний совет и напутствие:

«Ты должен подумать, все учесть и осторожно действовать. Ты должен заботиться о своем спасении и сказать своим родным, что я им заплатил моей жизнью. Меня убьют.

Я уже не в живых. Молись, молись. Будь сильным. Заботься о твоем избранном роде».

Ладонь помимо воли скользнула в карман шинели. Пальцы сами по себе распустили узелок и выудили из платка фигурку, намертво стиснув ее в кулаке.

Не в силах бороться с собой, государь только и смог, что схватить ртом пропитанный ладаном воздух и...

Не было комнаты с низким потолком. Не было уже вызывающих приступы паники желтых полосатых обоев. Николай оказался вдруг в царском поезде. Зелень отделки выдавала штабное купе императорского вагон-салона.

— Ваше величество, двигаться дальше совершенно невозможно! — услышал он.

Видение обрело четкость. Перед Николаем стоял взъятанный и растрепанный дворцовый комендант Воейков.

— Станции захвачены бунтовщиками!

— Мне срочно нужен телеграфный аппарат, — собственный голос показался императору чужим и трескучим. — Какая ближняя станция со связью, Владимир Николаевич?

Генерал-майор облизал губы:

— Псков, ваше величество! У нас там остались верные части генерала Рузского.

— А Гатчина? — Сердце нехорошо колыхнуло. Николай автоматически тронул газыри на черкеске. — Луга?

— Заняты, ваше величество, — опустил глаза Воейков.

— Поворачивайте поезд, — глухо приказал Николай. Когда дворцовый комендант вышел, он прошептал: — Стыд и позор! Стыд и...

— Позор, — подхватил голос Распутина.

Император вздрогнул и вновь очутился в часовне.

— Господи помилуй, господи поми-и-луй! — заканчивал отходную молитву священник из лазарета Вырубовой. Отец

Александр отслужил литию. Присутствующие осенили себя крестным знамением.

— Тебе нехорошо, Ники? — встревожилась супруга, видя стоящего столбом государя.

— Жар, — рассеянно ответил Николай. Потом тряхнул головой и громко объявил: — Откройте гроб! Я хочу попрощаться!

Вокруг разом засуетились. Отодвинули крышку. В аромат ладана едко ударили химический запах. Императрица коротко охнула, но все же нашла силы положить на грудь Распутина подписанную всеми икону.

Государь подошел к Другу последним.

Борода и волосы Григория были гладко расчесаны. На лицо даже нанесли грим, но он плохо скрывал трупное почернение, раны и синяки.

— Прощай, мой друг! — прошептал Николай.

До крови закусив щеку, он через силу вынул из кармана руку. Завернутый в платок Кот оказался под пропитанной бальзамом ладонью Распутина.

— Он больше мне не понадобится, — одними губами проговорил император. — Я смог его победить. Только сегодня. Смог. Прощай, друг мой. Спасибо и прощай.

Тихо горели свечи. Собравшиеся глядели на Николая, боясь пошевелиться. Со стороны казалось, будто государь молится.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ЗАРЕВО БУНТА

Российская империя, Петроград, февраль 1917 года

Предчувствие бунта пропитывало город.

Ощущение близкой катастрофы стояло в морозном воздухе. С утра возле булочных и пекарен выстраивались длинноющие хвосты. Нервные люди твердили, что хлеба уже не хватает, а вскорости и вовсе наступит голод. Что со дня на день введут карточки, да и то выдавать будут по четверть булки в руки.

Умудренный житейским опытом, Соломон повесил на витрины лавки глухие ставни и перестал пользоваться парадным ходом.

Погромы не заставили себя долго ждать.

За день до отъезда императора в Ставку толпа с Петроградской стороны двинулась по улицам и с криками: «Хлеба! Хлеба!» блокировала бакалеи и мелочные лавки. Празднование Дня работницы и вовсе завершилось стычкой с казаками и полицией. Афишные тумбы и фонарные столбы забелели прокляниями и призывами к всеобщей забастовке, назначенной на двадцать четвертое февраля.

Не дожидаясь, пока в городе объявят военное положение, Соломон затребовал внеплановый сеанс связи с сэром Уинсли.

Последний раз он общался с Безумным Шляпником в конце декабря.

Сэр Уинсли был недоволен и оттого особенно резок. Шломо вкратце пересказал минувшие события. Сообщил, что обшарил каждый закоулок опустевшей распутинской квартиры. Но итог доклада был неутешителен — единственной фигуркой, которую удалось заполучить, оставалась Саламандра.

Правда, при упоминании о странной коробочке, похожей как две капли воды на футляр от Орла, сэр Уинсли ожиился. Несколько раз уточнил — видел ли Шломо, что находилось внутри. Соломон мог поклясться чем угодно, коробочка была пуста. Но клятвы не убедили Шляпника. Он спросил, запомнил ли Соломон того подполковника, а потом замолчал.

Сэр Уинсли молчал так долго, что Шломо подумалось об оборванной связи. Наконец Шляпник подал голос:

— Найти этого полисмена быстро будет затруднительно, — сухо прошелестело в трубке. — Давайте расставим приоритеты. Вы меня слышите, Соломон?

Сказано было так зловеще, что Шломо глупо закивал вместо ответа.

— Судя по описанию распутинского футляра, я думаю, в нем хранились артефакты особого порядка.

— Что вы имеете в виду? — опешил Соломон. Уж он-то считал, что знал о магических фигурках достаточно.

— Это незаурядные предметы. Найденная вами Саламандра подтверждает мою гипотезу. Думаю, вторым в футляре хранился Кот.

— Да-да, — решил поддержать разговор Шломо. — Кот был в вашем списке.

— Теперь это очевидно, — буркнули в трубке. — В истории не раз случалось такое, что артефакты не оставляли владельца даже после смерти.

Соломон нервно подергивал кончик уса:

— То есть вы хотите сказать, сэр Уинсли, что я должен эксгумировать тело Распутина?

— Именно так, — ответили в трубке тоном, не терпящим возражений. — Или вы предпочитаете сначала разыскать того полисмена? Напоминаю, Соломон, время дорого.

Шломо приготовился уже возразить, что и найти могилу Старца — задание не из простых, но Шляпник не дал вставить ни слова:

— Займетесь полисменом, если и в гробнице окажется пусто. Пока сосредоточьтесь на могиле. Как там, кстати, ваш Керенский?

Брошенное как перчатка «ваш» покоробило. Сэр Уинсли будто бы провел черту между собой и Шломо. Обвинил в провале и заранее взвалил на него всю ответственность.

Соломон поморщился:

— Не объявлялся. Уже пятый день жду.

— Это довольно странно, — протянули в трубке. — Сопротивляться магии Орла может только человек с очень сильной волей. Да и то не больше недели. Дальнейшая борьба с чарами грозит безумием.

— Я начну обходить петроградские бедламы, — хмуро пообещал Соломон, — если он через два дня не позвонит.

— Сосредоточьтесь на могиле, — повторил сэр Уинсли. И перед тем, как повесить трубку, добавил: — И не упустите Орла, Соломон.

Из дома на Французской набережной Шломо вышел подавленным. Капитан Скэйл только разводил руками — дополнительных инструкций не поступало. Секретная служба отзывала агентов. На ее помошь в обозримом будущем рассчитывать не стоило. После убийства Распутина Интеллидженс Сервис охладела к операции «Целлулоид».

Единственное, на что британские разведчики согласились, — устроить Шломо еще один сеанс связи с сэром Уинсли.

Но радостных известий своему тайному патрону Соломон не мог сообщить и в следующий раз.

Почти два месяца ему понадобилось, чтобы очаровать только что снявшую траур дочь Распутина — Марью. Запудрить мозги девятнадцатилетней глупышке не составило особого труда. Шломо представился ей офицером Беляевым, чей офицерский долг — поддержать Матрену Григорьевну в столь трудный для ее семьи час. Ко всему офицер Беляев был поклонником ее отца и мечтал прикоснуться к его святым мощам.

В конце января барышня дрогнула. Соломон увидел недостроенный храм на окраине Александровского парка. К гробу их тогда не пустил служка, но теперь Шломо знал — там, за Ламскими прудами и дикой рощей, покоилось тело Старца. Оставалось выяснить, есть ли подле этого тела Кот.

Как и подозревал Соломон — сэр Уинсли выслушал его без энтузиазма.

— Мне нужна помощь, — подытожил Шломо в переговорную трубку.

— Можете использовать любые ресурсы, — отозвался собеседник. — К сожалению, на Интеллидженс Сервис полагаться больше нельзя. У них отчего-то появились новые хлопоты, — язвительно добавил Шляпник. — Но Орден компенсирует ваши расходы, будьте уверены. И помните о времени, Соломон.

Шломо о нем и не забывал. Время убегало от Соломона. И его течение приносило непредсказуемые события. Они могли безжалостно растоптать планы Шломо. Сумрак русского бунта, слепого и неуемного, сгущался над Петроградом. Это Соломон чуял нутром.

В мрачной задумчивости он покинул дом на Французской набережной и направился к ближайшему телеграфу. Странные

личности сновали по вечерним улицам. По пути ему встречались разухабистые компании, среди которых Шломо с удивлением разглядел не только полуульяных рабочих, но и студентов с курсистками. К транспарантам с требованиями хлеба добавились и новые лозунги вроде «Долой войну!» и «Даешь республику!». То и дело кто-то затягивал «Марсельезу».

У телеграфа дежурил казачий разъезд. Гвардейцы проводили Соломона внимательными взглядами, но вопросов не задали.

Шломо макнул перо в чернила и вывел на бланке заученный много лет назад текст.

«Дядюшка совсем плох. Приезжай немедленно!»

Давным-давно эти слова собирали в мгновение ока самую отчаянную команду истинных анархистов. Боевую бригаду неподкупных подпольщиков, поселившую страх и трепет в сердца врагов по всей Европе. Блистательную пятерку сорвиголов и ученых, не боявшихся ни пули, ни петли, а в ад попросту не верящих.

«Приезжай немедленно!» — перечитал Соломон и, ухмыльнувшись, добавил: «Жорж».

Когда-то их было пятеро. О них слагали легенды. Теперь же только один человек мог откликнуться на этот призыв.

— Будьте любезны — молнией, — протянул Шломо бланк в окошко, а потом назвал московский адрес, куда когда-то отправлялись их зашифрованные послания.

«Надеюсь, ты еще проверяешь почту», — подумал Соломон.

***

Вчера на Знаменской площади убили полицейского. Убили средь бела дня. Полоснули шашкой и добили лопатами прямо на глазах у Рождественского.

Пристав протолкался сквозь толпу и потянулся рукой к красной занавеске, что была привязана к бронзовой сбруе

царского коня. Очередной горлопан, влезший на постамент, ловко угодил ему сапогом в голову. Молоденький донской казачок свистнул дважды шашкой. Жандарм охнул и упал лицом вниз. Толпа взревела, и тут же десятки рук опустили на тело дреколье и лопаты.

Убийство заняло не больше минуты. Взоры демонстрантов вновь обратились к уличному трибуну. Тот как ни в чем не было продолжил выкрикивать лозунги о свободе и равенстве. О братстве и справедливости. А под ним, у подножия памятнику императору Александру III, тряпичной куклой лежал мертвый человек, и не было до него никому дела. Только царский конь склонил гриву и смотрел на погибшего пристава бронзовыми глазами.

Именно тогда в Рождественском что-то переменилось. Гложущее его чувство вины вытеснила скорбь. Великая, вселенская скорбь и горечь. Будто бы подполковник потерял не только себя, а утратил все, что было ему знакомо и любимо. Потрясенный, он стоял на Знаменской площади среди детей и женщин, студентов и солдатни, господ мещан и товарищей рабочих. Стоял и смотрел, как покрывается ледянной коркой кровь на мостовой.

Ругая проклятое любопытство, заставившее выйти из номера и стать невольным соучастником убийства, Рождественский поспешил прочь. Работая локтями, он прорвался сквозь людское море и вернулся в гостиницу.

Ночь прошла в хмурых раздумьях.

Утром Рождественский прихлебывал спитой чай и глядел в окно. Вновь собрался у памятника митинг. Вереницы людей черными гусеницами ползли по серому снегу на Знаменскую площадь. Трепетали в воздухе красные полотнища.

Поодаль жались друг к другу малочисленные и растерянные полицейские в синих шинелях. Под российским флагом

подтянулась колонна лейб-гвардейцев. Волынцы выстроились вдоль Николаевского вокзала и замерли, ожидая чего-то.

Бывший подполковник Охранного отделения цедил чай и наблюдал в окошко прелюдию к катастрофе. В правой руке Сергей Петрович держал револьвер с единственным патроном в барабане.

Ощущение утраты чего-то великого, осознание своего бессилия, ненужности и никчемности подавляло Рождественского. Все, что оставалось, — погоня за фантомом. Розыск фигурок, чужих Рождественскому и не приносящих, по его мнению, ни счастья, ни покоя. Охота, сомнительная и нужная разве что Керенскому, который за делами семейными и перездом на новую квартиру не появлялся с начала февраля.

Беглый подполковник ухмыльнулся и, крутанув о плечо барабан, приставил ствол к виску.

Боек ударили. Выстрела не было.

Рождественский замер, прислушиваясь к чувствам. Ничего не изменилось. На душе было все так же пусто, будто на заброшенном погоре.

— Не в этот раз, стало быть, — Рождественский положил револьвер на подоконник.

Вдруг в тишине коридора раздались тяжелые шаги. Звук нарастил.

Подполковник отставил стакан и вновь взялся за оружие. Стараясь, чтобы под ногами не скрипнули доски, он прокрался к двери и прижался спиной к сажевым обоям.

Кто-то остановился за тонким дверным полотном гостиничного номера.

Рождественский взвел курок, ожидая выстрела, срывающего щеколду и петли удара, но вместо них послышался голос Керенского:

— Сергей Петрович, это я! Откройте!

Рождественский выдохнул, переводя дух, и с удивлением почувствовал себя живым.

— А я, признаться, заскучал уже, — распахнул он дверь.

Растрепанный Керенский выглядел взволнованно. Высокая каракулевая шапка сбилась набок. Лицо раскраснелось от мороза. Глаза лихорадочно блестели, но были естественного цвета, карими.

— Что-то стряслось? — протянул ладонь Рождественский и тут же заметил, что рука Керенского согнута, словно на перевязи. Ладонь Александр Федорович запустил между пуговиц пальто. — Вы ранены?

Керенский поморщился:

— Адски болит рука. Временами просто выворачивает супругами. Но оставим это... Собирайтесь, и побыстрее!

— А что за спешка? — натягивая пальто на волчьем меху, спросил Рождественский.

— По дороге расскажу, — поправил шапку Керенский. — Захватите оружие. Боюсь, оно может пригодиться, — добавил он и выбежал.

Наспех заперев дверь, Рождественский кинулся следом.

Нагнать Керенского получилось лишь в гостиничном фойе.

— Вы можете управлять машиной? — спросил Александр Федорович и распахнул дверь.

— Довольно сносно, — успел ответить Рождественский прежде, чем ему открылась следующая картина. У входа в Большую Северную гостиницу стоял шикарный «Де-Дион». Машину рычала незаглушенным двигателем. Кожаный балдахин был опущен. На шоферском сиденье замер покрытый инеем водитель.

— Спасибо, товарищ, — скривился Керенский и протянул ему большую ладонь. — Дальше мы сами, — ненавязчиво высадил он шофера из авто. — Ступайте! — махнул Александр

Федорович в сторону Знаменской и сунул руку обратно за пазуху. Глаза его вдруг вспыхнули разноцветным огнем. — Не оставайтесь в стороне от нашего многострадального народа!

От лейб-гвардейцев отделился невысокий унтер-офицер.

— Садитесь за руль, — шепнул Керенский Рождественскому. — Скорее!

— Что здесь происходит? — тронул кобуру фельдфебель-волынец.

— И вы не оставайтесь в стороне, друг мой! — воскликнул Керенский, залезая в авто. — Отчизна в опасности! Только союз восставших солдат с народными массами способен спасти нас от геенны царизма!

Рождественский отодвинул рычаг тормоза и нажал педаль. Колеса крутанулись вхолостую по наледи.

— Гоните уже! — прошипел ему Керенский и громко крикнул волынскому гвардейцу: — Употребите вверенное вам оружие с умом, товарищ! Встаньте на защиту наших угнетенных братьев! Да здравствует республика! Ура!

— Ур-ра-а-а! — хором заорали шофер и фельдфебель, не сводя восторженных глаз с уносящегося прочь автомобиля.

Машина летела по Невскому.

— Куда едем-то? — сквозь рев мотора прокричал Рождественский.

— К Поклонной горе, — склонился к его уху Александр Федорович. — К Бадмаеву!

Черный «Де-Дион» свернул на Литейный и помчался на север.

— Нам нужно обязательно расспросить его о фигурках! — как заведенный повторял Керенский. — Обязательно! И непременно сегодня!

Стараясь не сбавлять газ, Рождественский лавировал между человеческих островков. Чем больше они удалялись от центра

города, тем чаще встречались пестрые и шумные компании с красными флагами и транспарантами. Кто-то пытался преградить путь, но Рождественский отчаянно сигналил и вырливал. Вслед им летели ругательства и свист. Пару раз о борт авто разбивались пустые бутылки.

На подъезде к Литейному мосту Рождественский сбавил скорость.

Мост был оцеплен солдатами, которые не пускали разношерстную публику с Выборгской стороны.

— Что с вами? — подметил замешательство Керенского Рождественский.

— Как быть, Сергей Петрович? — пробормотал тот. — А ну как не пустят обратно? Мне завтра обязательно нужно быть в Думе!

— Предъявим вашу депутатскую карточку, — возразил Рождественский.

— Она может не помочь мне, а повредить. — Во взгляде Керенского вдруг всплыла мольба. — Сергей Петрович, мой арест за последнюю речь в Думе принципиально решен... Завтра, вероятно, меня арестуют... Вы не могли бы с этой минуты охранять меня круглые сутки? Жить можно у нас на Тверской. Места хватит. Хорошая, большая квартира. Пятнадцать минут ходу до Думы. И сторговал не задорого. — Из Керенского будто выпускали воздух. Он сдувался, полушепотом извергая бессмысленное бормотание. Взгляд его потух. Он опустил голову.

— Александр Федорович! — выдернул его из оцепенения Рождественский. — Не падайте духом! Я вас не оставлю!

Керенский встрепенулся. Взгляд его вновь приобрел ясность.

— А что до кордона — война план покажет. Действовать будем по обстановке, — прищурился Рождественский на

снующие впереди солдатские шинели. — В крайнем случае — заболтаете их своей птичкой.

Машина медленно катилась к пропускному пункту. Из черно-полосатой будки выскоцил офицер и, оставив позади переносной шлагбаум, заспешил к ним.

— Мне все труднее его удержать, — горько прошептал Керенский. — Орла... Бывает, совсем пальцев не чувствую. Кажется, выскользнет и пропадет...

— Честь имею, господа! — покосился на бородатого Рождественского офицер, но все же козырнул. — Куда следуете?

— Я депутат Государственной думы, — начал было Керенский, но договорить ему не дали.

— Ишь, че творят, черти! Ваше благородье, гляньте! — усатый солдат тыкал варежкой в противоположный берег. — Аки посуху!

Рождественский привстал и увидел, как ниже по течению Невы кто-то выбрался на лед. За одинокой точкой, будто горох из дырявого мешка, высыпали еще люди.

Офицер от души выругался и махнул Керенскому рукой:

— Проезжайте! — Он повернулся к солдату: — Этих пропустить! А потом бери пятерых, и бегом встречайте тех вон выдумщиков! Огонь не открывать — грозите штыками!

Рождественский отпустил ребристую рукоять револьвера и вынул руку из-за пазухи.

— Благодарю, господин офицер! Мы ненадолго, — заверил Керенский, но тому было уже неинтересно.

Машина оглушительно чихнула и расколола ревом морозный воздух. Набирая скорость, Рождественский вел мотор к вершине Поклонной горы.

***

Рождественский остановил «Де-Дион» у ажурных чугунных ворот дачи Бадмаева. Впрочем, двухэтажное серое здание

из диковинного железобетона напоминало больше крепость с башенкой-надстройкой. Крыша и козырьки островерхого донжона были изогнуты в восточном стиле. Частые дымные столбы подпирали низкое небо. За высоким крепостным забором из красного кирпича угадывалась огромная территория, виднелись крыши многочисленных хозяйственных построек. Рождественскому даже почудилось, что он слышит оттуда коровье мычание.

Через десять минут призывного гудения клаксона к решетке подошел низкорослый человек. Одетый в дорогой английский костюм азиат явно не был настроен на долгую беседу. Пальто он не накинул. Широкая ладонь то и дело потирала красную от мороза выбритую макушку. Другая сжимала длинные и узкие ножны японского меча.

— Сто нада? — тряхнул вислыми усами не то монгол, не то китаец.

Рождественский прищурился в его узкие глаза. Что-то в желтокожем привратнике было ему смутно знакомо.

— Хозяин твой дома? — буркнул подполковник.

— Мы к Петру Александровичу! — вынырнул тут из-за плеча Рождественского Керенский. Глаза его вспыхнули зеленым и голубым. — Проведите нас сейчас же!

Узкоглазый замер. Потом еще раз повел усами и нехотя отворил ворота.

— С мной идите, — махнул он рукой и пружинистым шагом двинулся по широкой тропинке к особняку. Ему словно было плевать, что позади него идут два незваных посетителя. Удара в спину он явно не опасался.

Глядя на приметную походку монгола, на его выверенные движения, Рождественский отчаянно копался в памяти. Теперь он мог поклясться — с этим монголом он встречался и раньше.

Привратник завел их в просторную переднюю. Одним точным движением он метнул меч в стоявшее подле двери высокое ведерко. Когда ножны заняли привычное место промеж зонтов и тростей, монгол повернулся к гостям.

— Оруэль есть? — спросил он у Керенского.

— Что вы! — едва ли не отшатнулся тот. Извиняющаяся улыбка мелькнула на лице. — Я и крови-то не выношу.

И тут Рождественский вспомнил. Выбритая голова и усы поначалу сбили с толку подполковника. Теперь же он был уверен — желтокожий дворецкий и вправду китаец.

Когда-то — теперь уже казалось, вечность назад — этого человека Бадмаев приводил в Петербургскую полицейскую школу. Пока доктор чаевничал с ее директором, жилистый и молниеносный парнишка споро припечатывал к матам однокашников Рождественского. Поодиночке или парами, вооруженные ножами, шашками или пистолетами, лучшие в потоке бойцы джиу-джитсу один за другим были повержены.

— Галосы наденьте, — поджал губы китаец и бросил им под ноги здоровенные войлочные тапки.

Оскользываясь на вощеном паркете, они поднялись на второй этаж и остановились перед покрытой резными драконами дверью.

Китаец деликатно постучал и заглянул в кабинет. Произнеся что-то на своем тарабарском языке, он дождался ответа и обратился к Керенскому:

— Входите! — пропустил он Александра Федоровича мимо себя и тут же закрыл дверь. Неплотно. Оставив небольшую щелку.

Рождественский двинулся следом, но желтый страж преградил ему путь. Руки его были сложены на поясе. Взгляд подполковника натолкнулся на узкоглазый прищур, словно волна на волнорез.

По коже Рождественского пробежали мураски. Тело само собой приняло схожую стойку. Казалось, сейчас раздастся удар гонга, а затем случится обмен приветственными поклонами.

И начнется их поединок.

***

Известный далеко за пределами Петрограда врач тибетской медицины удостоил Керенского мимолетным взглядом и вернулся к бумагам.

— Если вы по поводу почечных болезней, — не поднимая головы, произнес он тихим, но полным властной силы голосом, — то запись на прием проводит моя супруга.

Александр Федорович сжал в кулаке Орла. Знакомая немота разом охватила кисть и поползла к локтю. Керенский стиснул зубы и тяжело произнес:

— Почка меня не тревожит. Мне нужно с вами поговорить, Петр Александрович.

Бадмаев мелко затряс длинной бородой и медленно поднял голову. В его глазах на мгновение вспыхнуло любопытство, но тут же погасло.

— Боюсь, у меня уже нет выбора, — немного помолчав, ответил он. — Я чувствую тень птицы. — На губах доктора мелькнула и растворилась краткая улыбка. — Мы побеседуем, господин...

— Керенский, — подсказал Александр Федорович.

— Только пусть ваши ладони будут чисты. — Бадмаев прищурился раскосыми глазами. — Не тратьте попусту сил, — указал он на кресло подле стола, — они вам еще пригодятся.

Под изучающим взглядом доктора Керенский опустился в кресло. Орел остался на дне внутреннего кармана пальто. Не зная, с чего начать, Александр Федорович автоматически растирал онемевшую руку.

— Так зачем вы здесь, если вам не нужна моя помощь? — откинулся на спинку стула Бадмаев.

— Нужна, — обронил оробевший вдруг Керенский. — Только не по части здоровья.

— Вот это напрасно, — покачал головой доктор. — Значит, дело в фигурках?

Керенский вздрогнул. Ему показалось, будто хитрый старик забрался к нему в голову. Отчаянно захотелось снова вцепиться в Орла и вытребовать у Бадмаева всю правду.

Александр Федорович вытащил из кармана продолговатый футляр и положил перед старцем.

— Что вы можете рассказать об этом, Петр Александрович?

Бадмаев поднял со стола шкатулку. Кончики пальцев аккуратно подняли крышку. Бережно коснулись фигурных выемок, обтянутых черным бархатом.

— Я могу сказать, — наконец ответил Бадмаев, — что это вам не принадлежит.

— Мы оба это знаем. Шкатулкой владел ваш приятель, — попытался вставить Керенский, но его перебили.

— И принадлежать не может, — уверенно закончил старик. — Как, впрочем, и Орел.

— Да, — Александру Федоровичу отчего-то не хотелось врать доктору. — Орла мне одолжили.

— И это в итоге погубит вас, господин Керенский. — Голос Бадмаева был мягок, но от его слов замирало сердце. — Удержать гордую птицу в неволе невозможно. Орел не терпит самозванцев. Он сам выбирает хозяина. Человека с железной хваткой и стальной волей. А если приручить его не удастся, рано или поздно он выклевет всю плоть, а потом и душу.

— И что дальше? — Керенский облизал пересохшие губы.

— По-разному, — хитро улыбнулся стариk. — Иногда возвращаются к настоящим хозяевам, тем, кто их достоин. Я удовлетворил ваше любопытство?

— Не совсем. — Александр Федорович взял себя в руки и вернул шкатулку в карман. — Какой магией обладают эти фигурки?

— Саламандра — это бессмертие, — просто ответил Бадмаев. — А Кот — показывает будущее.

— И тоже что-то забирают взамен?

— Это вас не касается, — пожевал губами доктор. — Не забивайте себе голову.

Керенский вскинулся с кресла:

— Но я хочу их! Они нужны мне, понимаете? Нужны! — Слова вылетали из перекошенного рта. Рука сама потянулась к карману с Орлом. — Как их отыскать?

— Вы плохо слушали, юноша, — остановил его Бадмаев предостерегающим жестом. — Больше мне сказать нечего.

— Возвращаются к настоящим хозяевам, — пробормотал Керенский, потрясенный догадкой. — Но ведь он умер!

Бадмаев пожал плечами:

— Ступайте, господин Керенский. Разговор окончен. Чжао! — громко позвал он.

Внутрь сунулась выбритая макушка.

— Проводи наших гостей, — улыбнулся Бадмаев слуге.

— Запишите мой адрес, — жарко попросил Александр Федорович, — Тверская, дом двадцать девять, квартира один, — скороговоркой выпалил он. Пряткий дворецкий уже уцепился за пальто и тянул к выходу. — Если вдруг что-то сможете добавить, я заплачу любые деньги, Петр Александрович! Мой телефонный номер...

— Обожди, Чжао! — вдруг крикнул Бадмаев. Он раскрыл толстый молескин и, окунув перо в чернильницу, что-то

быстро записал. — Вот, возьмите, — вырвал он листок и протянул Керенскому. — Это не спасет вас, конечно же, но может облегчить страдания. Снадобье можете получить в моей аптеке, как только она откроется.

Керенский смерил его ненавидящим взглядом и, вырвавшись из пальцев раскосого слуги, от души хлопнул дверью кабинета. Роняя на ходу войлочные тапки, он ринулся к выходу. Рождественский молча засеменил следом.

Холодный ветер слегка остудил бушующий внутри гнев. В тягостном молчании, чувствуя, что силы оставляют его, Керенский залез в автомобиль.

Рождественский принялся возиться со стартером.

— Что сказал лекарь? — наконец спросил он и снова дернул заводной рычаг. Остывшее авто не желало заводиться.

Керенский нахохлился на пассажирском сиденье и напоминал замерзшего грача.

— Что фигурки, возможно, похоронены вместе с Распутинным.

Мотор харкнул копотью и заурчал.

— Делов-то! — Рождественский уселся за баранку, балагуя из последних сил. — Осталось разыскать могилу! Министра юстиции навестим или к царице прокатимся, а, Александр Федорович?

— Едемте домой, — мрачно ответил Керенский.

Ему явно было не до шуток.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ИМЕНЕМ РЕВОЛЮЦИИ!

Российская империя, Петроград, 27–28 февраля 1917 года

Всю ночь Рождественский провел на кухне. Ожидание облавы не давало уснуть.

Окна расположенной на первом этаже квартиры выходили на Тверскую. Сквозь щель меж занавесок виднелась лишь ночная темень. Где-то в ней грохотали по мостовой пролетки, слышались трели полицейских свистков. Пару раз Рождественскому почудились далекие хлопки выстрелов.

Подполковник не спал. Прихлебывал кипяток, сражаясь со страшным холодом в не обжитой еще толком квартире. Грел ладони о кружку и вслушивался в звуки улицы, в редкие шаги, эхом отражающиеся от стен парадного.

К утру Петроград затих окончательно. Хлопоты ушедших суток начали брать свое. Рождественский принялся клевать носом и, сам того не заметив, задремал.

— Проснитесь, Сергей Петрович! — Голос Керенского раздался над самым ухом. — Солдаты взбунтовались!

Рождественский по-лошадиному мотнул головой, выныривая из липкой паутины сна:

— Простите?

Перед ним, ежась в теплой серой фуфайке, стоял Керенский. Глаза болезненно сверкали на бледном лице.

— Мне только что сообщили по телефону! Лейб-гвардии Волынский и Литовский полки вышли с оружием на улицы! — Керенский нервно засеменил по кухне. — Началось, Сергей Петрович! Пробил решающий час!

Рождественский потер ладонями лицо, окончательно просыпаясь, и тут заметил хозяйку. Ольга Львовна стояла в коридоре, кутаясь в шаль. Лицо ее выражало крайнее волнение. Взгляд был прикован к кухонному столу. Рядом с пустой чашкой на скатерти лежал револьвер.

Рождественский густо покраснел и спрятал оружие за пазуху:

— Что будем делать?

— Нам срочно нужно в Думу! — постановил Керенский.

— Саша! — тревожно донеслось из коридора. — Покушайте хоть!

Керенский махнул рукой. Наскоро поцеловал в щеку жену и бросился одеваться.

***

Через четверть часа они уже подошли к Таврическому дворцу. Керенский, игнорируя главный вход, а потащил Рождественского куда-то в сторону, к неприметной двери. Минуя библиотеку, они устремились вглубь здания.

Дворцовые коридоры были пустынны и тихи. Редкие уборщики натирали паркет и наводили блеск на бронзу дверных ручек. Но чем ближе становился Екатерининский зал, тем чаще попадались суетливые господа с растерянными лицами. Спорящие и шепчущиеся компании стояли среди колонн. Овальную беломраморную залу наполнял взъятый галдеж.

— Александр Федорович!

От группы спорящих отделился лысоватый человек. Его редкие волосы топорщились в стороны, козлиная бородка нервно тряслась, словно он беспрестанно что-то жевал.

— Слава богу, вы пришли! — схватился он за ладонь Керенского обеими руками, будто утопающий за соломинку.

— Ну как тут, Николай Виссарионович? — сухо, по-деловому осведомился Керенский.

Рождественский вдруг поразился случившейся с Александром Федоровичем перемене. В царящем море растерянности он казался надежной скалой, уверенным и знающим человеком.

— Император указом распустил Думу! — с приыханием ответил депутат.

— Это недопустимо! — строго ответил Керенский. Брови его сдвинулись. — Разойтись сейчас означает потерять контроль над ситуацией! Потерять страну!

— Я это понимаю, — начал было депутат.

— А Родзянко понимает? — перебил его Керенский. Вытянул шею и завертел головой. — Где он?

Завидев кого-то, он размашистым шагом двинулся к большой группе думцев, толпящихся у золоченых скамеек под окнами. Депутат и Рождественский едва ли не бегом бросились за ним.

Не обращая внимания на окрики и тянувшиеся к нему руки, Керенский уверенно пробил людскую стену и склонился к мужчине в летах, грузному и с аккуратной эспаньолкой. Тот сидел на скамье, то и дело отирая платком пот с лысины. Александр Федорович что-то страстно зашептал ему на ухо, обводя взглядом присутствующих. Родзянко сперва склонил голову набок, потом начал комкать платок и мерно кивать.

Рождественский заметил, что глаза Керенского снова сделались разноцветными.

Керенский перестал нашептывать и выпрямился. На губах его мелькнула довольная улыбка.

Родзянко поправил бабочку и поднялся.

— Господа! — громко, привлекая внимание, начал он. — Я принял решение, господа! Наше сегодняшнее собрание будет иметь неофициальный характер! Прошу всех проследовать в Полуциркульный зал. Нам требуется безотлагательно решить, как вести себя в сложившейся обстановке!

***

Небольшой зал с трудом вместил депутатов. Стульев не хватало, люди стояли вдоль стен. Керенский одним из первых влетел в помещение и занял им с Рождественским места у прохода.

— Господа! — пробасил думский председатель. — Положение серьезное — в столице анархия! Полицейские участки преданы огню! Взбунтовавшиеся войска стреляют в жандармов и казаков! Рано или поздно они будут здесь!

Зал наполнился тревожным гомоном:

— Где министры? Что мы будем делать? Нужно организовать оборону!

Воздух словно пропитался электрическими разрядами. Керенский чувствовал, как они проникают в него, заставляя быстрее бежать кровь по венам.

— Окажем сопротивление, — мрачно сказали сзади, — так они нас на штыки подымут.

— А если не окажем — развесят на фонарях, — тут же возразил кто-то.

Рождественский наклонился к Керенскому.

— Так и будет, Александр Федорович! Солдатня раздавит здесь всех и пойдет дальше громить винные лавки! Вы бы знали, что творилось на Знаменской!

Керенский сжал зубы и едва заметно кивнул:

— Это только цветочки...

Родзянко отчаянно заколотил карманными часами по гравину, призывая к тишине:

— Медлить нельзя, господа! Необходимо срочно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство!

— Объявим Думу Учредительным собранием! — раздался отчаянный крик.

Тут с места поднялся Милюков и поднял руку, пытаясь привлечь внимание.

— Тише! Тише! Дати же, господа! — зашикали по рядам.

Лидер кадетов откашлялся и поправил пенсне:

— Господа! Для восстановления порядка и сношений с лицами и учреждениями я предлагаю создать Временный комитет! На роль его главы рекомендую кандидатуру Михаила Владимировича!

Зал одобрительно загудел. Родзянко сделался бледным.

Александр Федорович сунул руку в карман и медленно поднялся со стула.

— Товарищи! — рычащий баритон заставил всех стихнуть. — В составе Комитета предлагаю учредить военную комиссию! Для руководства действиями против полиции и верных царизму частей! — Люди в зале замерли. В наступившей тиши Керенский закончил: — С вашего позволения, я готов возглавить эту комиссию!

— Кем вы собирались руководить?! — истерично взвизгнул кто-то. — Мятежниками?!

— Они — борцы за свободу! — прорычал Керенский. — Наши кровные братья в борьбе за равенство! Без их поддержки, без народного представительства революция обречена на провал!

Тут в коридоре раздались крики. Двери распахнулись, и в зал влетел офицер караульной службы. Вид его был страшен. Непокрытые волосы клоками ершились в разные стороны. На шинели не хватало пуговиц и зияли прорехи. Рот кривился ужасом. Под глазом наливалась цветом и сочилась кровью свежая ссадина.

— Господа члены Думы! — с порога закричал он. — Я прошу защиты! Я начальник караула, вашего караула... — Офицер будто выплевывал слова, переводя дух. — Ворвались какие-то солдаты... Моего помощника тяжело ранили... Хотели убить меня... Я едва спасся. Что творится?

— Вот, товарищи! — ткнул Керенский пальцем в несчастного начальника караула. — Происшедшее подтверждает, что медлить нельзя! Я сейчас же обращусь к полкам. Необходимо решить, что я могу им сказать. Могу ли я сказать, что Государственная дума с ними, что она берет на себя ответственность, что она становится во главе движения?

В зале повисла напряженная тишина. Молчали в нерешительности депутаты. Жевал губами Родзянко.

Керенский эхнул, махнув рукой, и выбежал из Полуциркульного зала. Следом несся Рождественский.

Как был, без пальто и шляпы, Александр Федорович выскочил во двор. За кованой оградой Таврического дворца бескрайним многотысячным морем колыхалась утыканная красными стягами и одетая в шинели толпа.

Несколько расторопных солдат уже перелезли через решетку и, уронив винтовки на землю, возились с запором ворот.

Рождественский на бегу стиснул в кармане рукоять револьвера и взвел курок. Он едва поспевал за Керенским. Позади раздался топот: следом за ними бежал, придерживая шляпу, горбоносый и бородатый грузин.

Керенский был уже подле ворот.

— Граждане солдаты! — уцепив за рукав какого-то унтер-офицера, зычно крикнул Александр Федорович. Глаза его полыхали зеленым и синим. — Великая честь выпадает на вашу долю — охранять Государственную думу!

Не ожидавший такого поворота офицер растерянно хлопал глазами. Рождественский вдруг с удивлением узнал в нем давешнего волынца-фельдфебеля, что пытался задержать их авто у гостиницы.

— Объявляю вас первым революционным караулом! — торжественно изрек Керенский и поволок недоуменно озирающегося унтер-офицера к дворцу. Сквозь распахнутые ворота хлынула за ними серая человеческая река.

У самого входа Керенского тронули за плечо. Он обернулся. Рядом стоял лидер фракции социал-демократов-меньшевиков и брат по Думской Ложе Чхеидзе.

— Ловко вы с ними управились, — вполголоса проронил Николай Семенович.

— Вряд ли это надолго, — горько усмехнулся Керенский. — Толпа слепа, ей нужен поводырь. Как можно скорее надо устроить здесь Исполком Петровского Совета. Справитесь?

— Возглавите? — спросил Чхеидзе.

Керенский помотал головой:

— Благодарю покорно, но это уж вы сами. Возьмите меня в товарищи. А я пока посмотрю, чтобы наши великие умы не наломали с перепугу дров.

Николай Семенович Чхеидзе коротко кивнул и исчез в поисках телефонного аппарата.

Человеческая масса волнами заполняла пространство. Заливала комнату за комнатой. Сотрясал Таврический дворец бурлящим и голосящим приливом.

— Какие у нас планы? — крикнул Рождественский, перекрывая шум и гам.

Александр Федорович криво усмехнулся.

— Планы не изменились, Сергей Петрович. — Керенский притянул его за шею и прошептал в самое ухо: — Ищем могилу Распутина.

— Сейчас? — ошарашенно уставился на него подполковник. — Как?!

— Расспросим Щегловитова и Протопопова, — лукаво прищурился Керенский. — Отправите за ними солдат?

— А это будет законно?

Александр Федорович хмыкнул.

— Как только Родзянко и Милюков решатся на новое правительство, мне предложат пост министра юстиции. — Тон Керенского не давал усомниться в его словах. — А пока действуйте от лица товарища председателя Исполкома Петроградского совета рабочих депутатов. Такой закон вас устроит, Сергей Петрович?

Рождественский лишь молча кивнул. Крамольная мысль не умешалась в голове — ему поручили арест министров юстиции и внутренних дел Российской империи.

***

К четырем часам пополудни сияющий Таврический дворец превратился в заплеванный бедlam. Рождественский слонялся без дела в ожидании новостей об арестах и уже безо всякого любопытства рассматривал происходящее.

Дворец гудел растревоженным осиным гнездом. Только и разговоров было, что о солдатах: солдаты захватили Арсенал, солдаты громят полицейские участки, солдаты подпалили штаб-квартиру Охранки и суды, солдаты ворвались в «Кресты» и освободили заключенных, солдаты, солдаты, солдаты...

Повсюду были толпы народа. Спертый, тяжелый воздух пропитался смесью диких ароматов. Крепкий дух мокрого

сукна, перегара, сапог и пота стоял в Таврическом дворце. Махорочный дым выбивал слезу.

Солдаты и рабочие, студенты и курсистки муравьиной ордой наполняли коридоры, комнаты и парадные залы. На вощенный утром паркет было больно смотреть. Его густо покрывала оттаявшая уличная грязь, раздавленные окурки, шелуха подсолнечника и плевки, сор и непонятно откуда взявшаяся солома.

Царящее вокруг казалось Рождественскому безумным сном. Словно незримый фантом, блуждал он среди урчащей и булькающей человеческой каши. Ее едкие испарения наполняли легкие. Подполковнику захотелось на воздух.

Ухоженный двор напоминал теперь военный лагерь. У входа установили пулеметы. На заснеженных клумбах горели костры. Кто-то грелся, кто-то кипятил в котелках воду. Кругом стояли шалашиками винтовки. Громко балагуря и сыпля матерком, солдаты разгружали с пролетки ящики с патронами и гранатами. На шпиле дворца трепетало гигантское красное знамя.

«И это здесь, в оплоте порядка», — горько подумалось Рождественскому. Что творилось сейчас на улицах, даже представить было жутко.

Подполковник зачерпнул пригоршню серого снега и растер лицо. В голове сделалось заметно яснее. Он вытащил папироску и с удовольствием закурил.

Из-за кованого забора послышалось урчание мотора, и в ворота медленно вкатился грузовик. Кузов щетинился штыками винтовок. Слепя фарами, машина подъехала почти к самому дворцовому входу и встала.

Солдаты выкинули из кузова какого-то избитого человека. Ловко перемахивая через борт машины, спрыгнули следом. Подняли его на ноги, грубо встряхнули и погнали внутрь.

Рождественский вытянул шею, пытаясь разглядеть арестанта, но тут его отвлекли. От конвоиров отделился бородатый солдат и, закинув «мосинку» за плечо, подскочил к подполковнику.

— Табачком не богаты, гражданин? — дыхнул он перегаром и улыбнулся щербатым ртом.

— Кури, — протянул Рождественский папироску, разглядывая гвардейца. На груди его блестел серебром Георгий третьей степени. А справа, будто еще одна награда, был приложен кумачовый бант.

— Дай бог тебе здоровья, добрый человек, — чиркнул огнivом бородач. — С утра ни тяжки, аж зубы сводит! Слушай, а где тут у вас Исполнительный комитет Петроградского совета рабочих депутатов? — словно плохо заученную скороговорку, произнес он.

— В комнате бюджетной комиссии, — уверенно ответил Рождественский. За часы вынужденного безделья он основательно изучил дворцовую обстановку. — Кабинет номер тринадцать, — добавил он и, видя растерянность на лице солдата, даже махнул рукой в сторону двухэтажного корпуса, слева от входа.

Бородач заломил шапку и поскреб затылок. Судя по состроенной мине, яснее ему не стало.

— Проводи, а? — солдат глуповато улыбнулся. — У меня дело там. Спешное.

— Ну пойдем, раз дело, — хохотнул Рождественский. Затянулся напоследок и принял озираться в поисках урны. Она обнаружилась у пулеметов. Вывалив мусор наземь и опрокинув вверх дном, безусый солдатик сподобил ее себе вместо табурета.

Рождественский поморщился и запустил окурок в ближайший сугроб.

Протискиваясь сквозь заполняющие коридоры потоки людей, они добрались до левого крыла Таврического дворца. Из-за приоткрытой двери кабинета номер тринадцать доносились басовитые команды:

— Да, по одному депутату от тыщи рабочих... И от каждой роты один, да... К семи часам пущай будут в Таврическом... Листовки в полки раздали?.. Кто будет ерепениться? Офицерье?.. Да в расход их списывайте! Они ж контрреволюционный элемент!.. Добро... Давай, на связи!

Рождественский первым зашел в небольшую прокуренную комнату. Пол был густо усыпан не нужными теперь никому бумагами бюджетной комиссии. Широкий стол находился напротив двери. На нем, над грязными тарелками, чашками и стаканами, высился телефонный аппарат. Скромного роста и внешности солдатик, совсем не под стать голосу, положил трубку и прищурился в едком дыму.

— Ты, часом, не Рождественский? — не вынимая козьей ножки изо рта, спросил он. — Бородатый детина. Пальтецо волчье. Сергей Петрович, нет?

— Ну я, — сдвинул брови Рождественский и на всякий случай сунул руку в карман. Револьвер послушно хрустнул, поднимая боек. — И что тогда?

— Тогда тебе тут новость передали, — кивнул щуплый на телефон. — Протопопова твоего не сцепали. Убег, паскуда!

— А ты, часом, не Керенский? — взглянул из-за Рождественского бородатый «георгиевец». Спросил, будто откликнулся эхом на слова тощего. Интонации те же и выговор один в один.

Щуплый расхохотался.

— Да брось ты! Какой из меня Керенский! — стряхнул он пепел на пол. — Сам-то откуда будешь?

— Тамбовской губернии, — важно ответил гвардеец.

— Зе-е-ме-еля! — обрадовался петросоветовец и засуетился: — Давай-ка к столу, зема! С мороза-то самое оно!

Маленькие пальцы шарили по чашкам и стаканам. Выбрали почище. Откуда-то появилась аптекарская склянка с притертой пробкой. Чпокнуло, и в стоячем табачном дыму остро запахло спиртом.

— А на кой тебе Керенский-то? — Щуплый вручил полный стакан щербатому бородачу.

— Мы тут министрика свинтили, — ослабился тот. — Щеглов, что ли, его фамилия.

— Может, Щегловитов? — встрепенулся Рождественский.

— Может, и так, я в них не особо, в буржуях, — подмигнул «георгиевец» и взял стакан на изготовку.

— Ну давай, зема, вздрогнем, — заколотил в тарелку окурок петросоветовец и поднял к потолку палец. — Большое дело делаем! Ре-во-люцию!

Рождественский со всех ног уже мчался к кабинету председателя парламента, где обосновался Временный комитет Государственной думы.

***

— Нет, Михаил Владимирович, — уверенно сказал Керенский. — Господин Щегловитов здесь не гость. Я не освобождаю его.

Родзянко в нерешительности шевелил губами.

Александр Федорович смерил взглядом бывшего министра юстиции. Тот нервно растирал следы от веревок на запястьях и затравленно озирался. Руки его тряслись.

— Иван Григорьевич Щегловитов, — пафосным тоном обратился Керенский к дрожащему сановнику, — вы арестованы! — Он театральным жестом поднял ладонь. — Не волнуйтесь — ваша жизнь в безопасности. Сопроводите господина Щегловитова в Министерский павильон и выставьте там караул.

Солдаты наклонили штыки. Минуя зал заседаний, арестованного по полукруглой застекленной галерее привели в отдельно стоящее здание. Еще совсем недавно здесь дожидались своего выступления приглашенные на заседание парламента члены правительства. Сегодня павильон, прозванный министерским, стал для них местом заточения.

— Я переговорил с ним, — спустя час сказал Александр Федорович Рождественскому. — Он ничего не знает. Нам нужен Протопопов.

Сказал и скривился от нового приступа боли. Орел с каждым новым обращением терзал его все больше. Сносить плату за дарованное артефактом могущество становилось труднее. Керенский сунул онемевшую ладонь между пуговиц пиджака и вопросительно глянул на подполковника.

Рождественский только развел руками. Найти беглого ministra внутренних дел в царившем повсюду хаосе было нелегко.

***

Протопопов объявился сам.

Первый день революции подходил к концу. Стремительный человеческий водоворот потихоньку умерил темп. Вымотанные событиями люди разбрелись по дворцу в поисках еды и ночлега. На ногах оставались лишь самые стойкие и энергичные.

Керенский же будто вовсе не чувствовал усталости. В попытках уследить за событиями в Петросовете и Временном комитете Думы он метался по корридам Таврического дворца. Лиц Александр Федорович уже не замечал. Словно механический человек, он переставлял гудящие ноги и шел по одному ему ведомому курсу от кабинета к кабинету, от зала к залу.

Неожиданно в полутемном коридоре путь ему преградила тщедушная фигурка. Небритое, изможденное лицо. Обвисшие

усы. Мятая одежда. Больные, блестящие лихорадкой глаза. В ссутуленном человечке Александр Федорович с трудом узнал вдруг министра Протопопова.

— Я пришел к вам по собственной воле, господин Керенский, — бесцветно прошелестел он. — Арестуйте меня.

Керенский на мгновение опешил. Главный преступник свергнутого режима умудрился неузнанным пробраться в сердце новой власти. Министру явно везло.

— Идемте, Александр Дмитриевич, — взял себя в руки Керенский. — Я отведу вас в безопасное место.

Им удалось одолеть половину пути до охраняемого кабинета председателя Думы, когда Протопопова узнали.

— Палач! — крикнул кто-то. — Граждане, Протопопова схватили!

Вмиг вокруг образовалась толпа зевак. Среди них становилось все больше перекошенных злобой лиц. Плевки и тумаки посыпались на бывшего министра.

— Убийца! Сатрап! Душегуб!

Керенский понял, что еще немного — и озлобленная орава кинется, растерзает Протопопова. На счастье, в конце коридора возник Рождественский. Могучим броненосцем он разрезал волнующееся людское море.

— Не сметь прикасаться к этому человеку! — крикнул Керенский и стиснул в кармане Орла. Глаза Александра Федоровича вспыхнули разноцветным огнем. Боль жарким капканом сдавила кисть. Он до крови закусил губу.

— Как вы? — обеспокоенно спросил подоспевший Рождественский. Вид Керенского ужасал. Бледно лицо кривилось мукою. Глаза полыхали. Левая рука была поднята верх.

— Помогите мне, — шепнул в ответ Керенский и вновь громко крикнул: — Не сметь! Этот человек арестован и будет осужден по закону!

Беснующаяся толпа подчинялась. Люди расступались в стороны, давая пройти. Рождественский подхватил затурканного министра под руку и потащил за Керенским. Протиснувшись через битком набитый солдатней Екатерининский зал, они добрались до кабинета председателя.

Кабинет был пуст. Керенский без сил рухнул в кресло и тяжко произнес:

— Садитесь, Александр Дмитриевич. Мне нужно с вами поговорить.

Протопопов послушно сел в кресло напротив.

Время шло. Керенский собирался с силами.

— О ваших преступлениях против народа вы расскажете позже специальной комиссии, Александр Дмитриевич, — наконец начал он. — А пока я хочу поговорить о другом. — Керенский через силу запустил руку в карман и сжал серебряного мучителя. — И я надеюсь получить от вас абсолютно искренние ответы.

Протопопов вздрогнул, будто его окатили ледяной водой из ушата. Скривился, но преданно закивал.

— Вы, должно быть, в курсе расследования убийства Григория Распутина-Новых? — спросил Керенский и, не дожидаясь ответа, добавил: — Меня интересуют результаты инспекции его имущества. Ваши люди не находили небольших фигурок животных из серебристого металла? Вроде этой? — Александр Федорович вынул из кармана Орла и, держа двумя пальцами артефакт, показал бывшему министру.

Сановник затряс головой и затараторил:

— Никак нет, Александр Федорович. Я вижу такое впервые. Ни о чем подобном мне не докладывали.

Керенский вновь сжал Орла в кулаке и скрипнул зубами:

— Значит, ни Кота, ни Ящерки, подобных этой фигурке, при обысках у Распутина не находили?

— Богом клянусь, господин Керенский! — наспех перекрестился Протопопов. — Дело вел лично Алексей Тихонович Васильев, и утаивать сей факт от меня он не стал бы.

— Васильев? — встрял в разговор Рождественский. — Директор Департамента полиции?

— Точно так! — кивнул Протопопов. — Делу уделялось особое внимание. Я поручил следствие ему.

Керенский подался вперед и вцепился разноцветным взглядом в бывшего министра.

— Скажите, Александр Дмитриевич, а где скоронили Распутина?

Лоб Протопопова покрылся бисером пота. Зрачки расширились так, что радужки стали едва видны. Он понял, что от ответа может зависеть не только его судьба. От него может зависеть его жизнь. Только ответа не находилось.

— Я не знаю, — прошептал он. — Не знаю, клянусь. Тело перевезли из Чесменской часовни куда-то в Царское. Погребение было тайным.

— Очень, очень жаль, — зловеще произнес Керенский. — Сергей Петрович, будьте добры...

— Подождите! — вскрикнул Протопопов отчаянно. — Тело перевозили в полицейском фургоне! Охрана была на казаках царского конвоя, но водитель — полицейским. Он должен был составить секретный отчет для Васильева. Таковы правила!

— Вот как? — обрадовался Керенский. — И как же нам найти вашего первого жандарма?

Протопопов ссгутился и всхлипнул:

— Я дам вам домашний адрес Алексея Тихоновича...

***

На двери бюджетной комиссии появилась вывеска. На пришпиленном канцелярскими кнопками бумажном листе

химическим карандашом размашисто было выведено: «Исполком Петросовета».

Рождественский потянул ручку и очутился в океане табачного дыма. На составленных рядком стульях лежал знакомый бородач-«георгиевец». Надвинув на глаза папаху, он оглашал комнату богатырским храпом. За столом, уронив голову на руки, сидел все тот же тощий революционер.

— У меня приказ от товарища председателя Керенского! — шагнул Рождественский к щуплому петросоветовцу.

Тот вскинулся и осоловело уставился на гостя.

— А-а! Гражданин Рождественский! — Рука потянулась к полупустой склянке со спиртом. — Присядь, потолкуем!

Рождественский грубо встряхнул его за плечи.

— У меня от Керенского приказ, слышишь? Нужно немедленно арестовать директора Департамента полиции Васильева!

— Да хоть царя! — отмахнулся тощий. — Это вон к земе моему, — кивнул он на храпящего бородача.

— Служивый! — принялся тормошить «георгиевца» Рождественский.

— Служивый! — хохотнул петросоветовец. — Бери выше! Он у нас теперь комлетбригрев!

— Кто? — от неожиданности Рождественский выпустил солдата. Тот гулко ударился затылком о стул и разлепил глаза.

— Командир летучей бригады революции! — гордо заявил тощий. Новая должность явно была его личным изобретением. — Митяй, возьми-ка пару бойцов покрепче да посодействуй гражданину! Отдохнул и будя!

***

— Именем революции, открывай! — Бородатый Митяй колотил в дверь увесистым кулаком. — Открывай, курва, все равно достанем!

Рождественский покосился на бойцов летучего отряда. Они уже поудобнее перехватили винтовки и собирались дубасить прикладами дверь.

«Эти достанут», — мелькнуло в голове подполковника.

— Открывай, говорю! — Митяй еще раз стукнул и щербато улыбнулся подчиненным.

В тишине квартиры вдруг раздались четыре сухих громких хлопка. Один за другим, подряд. Четыре выстрела слились в один пульсирующий грохот.

Митяя отшвырнуло от ставшей дырявой двери и бросило навзничь. Под кумачовым бантом образовалась аккуратная дырочка. Шинельное сукно вокруг нее стало быстро темнеть.

— Ах ты, контра! — зарычал здоровенный солдат и в два удара разнес в щепу дверную филенку. Второй дернул из-за пояса гранату и уцепился за чеку.

— Назад! — заорал Рождественский, оттаскивая бойцов за шиворот от входа в квартиру. — Приказ живьем брать! Назад!

Рождественский сунул здоровяку под нос револьвер и злобно процедил:

— Здесь стойте. Сам сделаю! — Бойцы хмуро молчали. — Вон командира своего лучше к машине отнесите, — добавил Рождественский и прильнул к стене.

Прислушался. В квартире висела тишина. Рождественский на секунду заглянул сквозь отверстие в двери. Света в передней не было. Он лежал узкой полоской в конце коридора.

— Алексей Тихонович, не стреляйте! — крикнул Рождественский сквозь проем. — У меня приказ! Давайте решим дело миром!

Подполковник просунул руку сквозь дверную прореху и повернул изнутри ручку замка.

— Я вхожу, Алексей Тихонович! — Рождественский аккуратно распахнул дверь.

В квартире царило безмолвие. В этой тишине доски под его ногами скрипели оглушительно. Подполковник добрался до полосы света. Она падала сквозь щель неплотно прикрытой двери.

Рождественский мельком заглянул в комнату.

Директор полицейского департамента Васильев сидел в кресле напротив входа, уперев локоть левой руки в подлокотник. Большим и указательным пальцем он неспешно расстирал виски, спрятав в ладони половину лица. Правая рука поколась на втором подлокотнике, сжимая револьвер.

«Не застрелился бы», — подумал подполковник и произнес:

— Алексей Тихонович, моя фамилия Рождественский! Не стреляйте, прошу вас!

Васильев молчал.

Подполковник убрал револьвер и кончиком пальца толкнул дверь. Она широко распахнулась.

— Вашей жизни ничто не угрожает, Алексей Тихонович! — шагнул Рождественский в комнату, выставив напоказ руки. — Я даю вам слово офицера!

Васильев поднял голову.

— Подполковник? Из Охранного отделения? — Взгляд его просветел.

Рождественский кивнул. Память на лица у директора департамента была феноменальная, об этом знал каждый в охранке.

— В таком случае я знаю цену вашему офицерскому слову, — поджал губы Васильев и поднял револьвер.

У Рождественского перехватило дыхание.

Оружие полетело к его ногам.

— Прекратим этот фарс, подполковник, — мрачно сказал Васильев и встал с кресла. Одернул мундир. Заложил руки за спину, словно бывалый арестант. — Я истратил последние

патроны на вашего коллегу. Идемте, — приказным тоном добавил он. — Куда бы вы меня ни вели — идемте!

***

Истерзанный Петроград укрыла глубокая ночь.

На всех парах мотор влетел во двор Таврического. Рождественский привел арестованного в кабинет Петросовета.

Тщедушный революционер был разбужен и послан за Керенским. У дверей застыли караулом бойцы покойного комитетбригрева Митяя.

— Папиросу не желаете? — миролюбиво спросил Рождественский.

Бывший директор Департамента полиции брезгливо поморщился:

— Почему вы привели меня сюда, подполковник? Что у вас общего с этими шелудивыми господами?

Рождественский промолчал.

Дверь распахнулась, и в комнату ворвался Керенский.

— А, Алексей Тихонович! — протянул он руку Васильеву. — Наконец-то имею честь познакомиться!

— Чем обязан? — нахмурился Васильев.

Керенский стряхнул со стула рассыпанную махорку и сел напротив.

— Очень по-деловому, — улыбнулся он нехорошой улыбкой. — Тогда оставим прелюдии. — Его глаза поменяли цвет. — Мне стало известно, что вы располагаете данными о месте погребения Григория Распутина-Новых. Это так? Будьте искренны, Алексей Тихонович! На кону ваше будущее!

Васильев побелел лицом и сжал челюсти. Под кожей заходили желваки. Но слова сами собой прорывались сквозь стиснутые зубы:

— Да. Я знаю место. Где он. Похоронен.

— И где же? — Казалось, глаза Керенского светятся.
— В Александровском Парке. На окраине.
— Расслабьтесь, Алексей Тихонович! — вкрадчиво произнес Керенский. — Вам сразу станет легче.

Арестованный директор Департамента полиции сдавленно застонал. Зубы его скрипнули. Костяшки на кулаках побелели. Веко задергалось. На виске заплясала жилка.

— Смелее, — подбодрил Керенский. Голос его был ласков, но у Рождественского по коже вдруг пробежал озноб. — Это ведь не государственная тайна. Да и вашего государства больше нет...

И первый жандарм его императорского величества сдался.

— Дайте перо и бумагу, — глухо проронил он. — Я нарисую схему.

Рождественский кинулся к столу и схватил какую-то прокламацию. Следом подал Васильеву огрызок копировального карандаша.

Химический грифель сноровисто клал линии на серую бумагу листовки. Уверенные штрихи складывались в карту Александровского парка.

«Господи, — подумал Рождественский и посмотрел в окно. — Когда же кончится этот бесконечный день?»

За высокими темными стеклами трепетали рукотворные зарницы. Это полыхало на другом конце Таврического сада здание Петроградского губернского жандармского управления.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

СВЯТЫЕ И ГРЕШНИКИ

Российская империя, Петроград, март 1917 года

Вагон третьего класса напоминал конюшню и устройством, и заполнявшим его запахом. Одуревшие от духоты люди плотно набили своими телами похожие на стойла помещения. В воздухе пахло табаком, луком и застарелым потом. Смесь человеческих миазмов не могла одолеть неизбывную вонь перегара.

Путешествие подходило к концу. Мучиться на жестких сидениях оставалось не более трех часов. Бессонов закрыл глаза и склонил голову набок.

Поначалу он сетовал на доставшееся место — прямо у прохода. Снующие туда-сюда суетливые попутчики все норовили задеть его локтем или громоздкой поклажей. Теперь же Евгений Степанович благодарил фортуну: когда открывалась дверь в тамбур, в застоявшемся воздухе образовывалось хоть какое-то шевеление.

Бессонов вслушивался в стук колес и пытался отвлечься от навязчивых мыслей. Телеграмма, присланная из Петрограда, выбила его из колеи.

Шломо воспользовался давно позабытым кодом. Старинный друг угодил в неприятности. Ко всему ему понадобился «жорж».

В проход заструилась новая порция воздуха. Кто-то открыл дверь в вагон.

— Граждане проезжающие! — засипел пропитой голос. — Будьте любезны сдать кошельки!

Бессонов открыл глаза. У дверей в тамбур дымил цыгаркой верзила в распахнутой шинели. Левый суконный борт топорщило что-то продолговатое.

— Не стесняйся, народ! — подбадривал налетчик. — На нужды революции собираем!

Из-за бугая вынырнул второй подельник. Совсем еще молодой, вертлявый и тощий. В руках он держал битый молью заячий треух.

— Это кто ж это тебя уполномочил? — встал было с места похожий на конторскую крысу мужичонка и тут же схватился за лицо, получив по сусалам.

— Тебе мандат показать? — пыхнул ему в лицо дымом бугай. — На-ка, глянь!

Из-под шинели вынырнул обрез винтовки. Головорез дернул затвор.

— Давайте без припадков, гражданин! — снова просипел на весь вагон налетчик. — Скидывайте деньги, и разойдемся по любовно!

Мальчуган зашустрил по проходу. В подставленный треух полетели кошельки и бумажники. Здоровяк, хлопая оружием по ладони, топал следом.

До того как провонявшая кислым ушанка оказалась перед Бессоновым, он успел расстегнуть саквояж и запустить туда руку. Колючая деревянная рукоять парабеллума удобно легла в ладонь.

— Боюсь, мой юный друг, — кончиками губ улыбнулся Евгений Степанович, — я вынужден отказаться от вклада в революцию.

Под янтарным взглядом Бессонова парнишка перестал ухмыляться.

— Что там, Колюня? — подоспел старший и навис над Евгением. — Ерепенимся? — криво спиленный ствол обреза ткнул Бессонова в грудь. — Ты ридикюльчик-то распахни, дядя! Поглядим, что у тебя там, а?

— Шломо опечалится, — прошептал Бессонов и снял люгер с предохранителя.

— Ты чего там гундишь, плешивый? — наклонился верзила.

Вдруг за его спиной мелькнула темная фигура. Незнакомец коротко ударил сверху вниз, и налетчик без звука повалился на пол.

— А ну брось шапку. — Молодой человек в коротком черном пальто, явно перешитом из матросского бушлата, повернулся ко второму грабителю.

Тот по-крысиному оскалился и выставил вперед финку.

— И свинокол брось! — хрустнул наганом нежданный избавитель. — Ну?

Кончик ножа заплясал ходуном. Пацаненок облизал губы. Взгляд его метался от револьвера к лежащему ничком подельнику и обратно.

Неизвестный благодетель ухмыльнулся и задрал револьвер в потолок. От выстрела у Бессонова зазвенело в ушах. Взвизгнули бабы.

— Ну, пшел, салага! — задорно гаркнул борец с бандитизмом и снова навел оружие на растерявшегося налетчика.

Нервы того дрогнули. Бросив нож и добычу, парнишка задал стрекача. Вслед ему летел залихватский посвист победителя.

— Разбирай наличность, граждане! — хохотнул молодой человек.

В вагоне поднялся гомон и суeta. Ограбленные попутчики кинулись за своими кошельками.

— Подсоби. — Избавитель белозубо ослабился Бессонову, подхватил с пола обрез и уцепил верзилу за ворот шинели. — Ссадим пассажира, пока не оклемался.

Зажав саквойж под мышкой, Евгений Степанович взял того за ноги.

В два приема они выволокли налетчика в тамбур. Незнакомец повозился с дверью и широко ее распахнул. Ветер тут же швырнулся ему в лицо пригоршню снега.

— Нужен? — Парень утерся рукавом и взвесил на ладони обрез.

Бессонов помотал головой. Оружие полетело в дверной проем.

— Ну-ка. — Незнакомец подтащил к выходу обмякшее тело. Схватился за поручни и замахнулся ногой.

Светильник в тамбури мигнул.

— Не бери греха на душу, — остановил его Бессонов. — Убьется еще. Сейчас тормозить будем.

— А ты участливый, — хмыкнул молодой человек. — А я вот эту нелюдь не выношу. И боязка мелкого с пути истинного сбил, гнида. — Он поддел носком сапога бандита. Но выкидывать на полном ходу из поезда все же не стал.

— Участливый, — ухмыльнулся Бессонов. — А сам чего? Не сиделось спокойно?

— Воспитан так, — пожал плечами незнакомец.

— Быть в состоянии действовать — это быть обязанным действовать, — процитировал Бессонов.

Парень удивленно распахнул глаза и смущенно улыбнулся:

— Читали труды князя Кропоткина?

— С Петром Алексеевичем был знаком лично, — не смог удержаться от похвалы Бессонов.

— Железняков. Анатолий, — протянул широкую ладонь парень. И гордо добавил: — Анархокоммунист.

— Евгений Бессонов. Можно — Бес, — закинул удочку Бессонов и в ожидании прищурился. Ожидания не оправдались. Новое поколение плохо знало историю движения и его легенды.

Паровоз и в самом деле сбавил ход. Железняков высунулся наружу, а потом столкнул налетчика с поезда. Тот кубарем покатился по откосу заснеженной насыпи.

— Папироску бы, — мечтательно протянул Железняков.

— Угощайся, — раскрыл портсигар Бессонов, но, когда Анатолий протянул руку, опомнился. Вынул штучку из правой, «безопасной», половины. — Вот, держи.

Свет моргнул еще раз, и завизжали колеса. Поезд встал. Мгновение было тихо, а потом раздался длинный гудок. Зашумел колесными парами приближающийся поезд.

— А чего в Питер? — Железняков выпустил сизую струю в потолок. — Времена-то не располагают к вояжам.

— Дядя у меня захворал, — произнес Бессонов, задумчиво рассматривая несущийся мимо товарняк. В стране творилось чистое безумие, но поезда на фронт ходили исправно.

— А я вот в Кронштадт еду. К братушкам. — Железняков пыхнул дымком. — Там теперь самая свобода!

Бессонов хмыкнул:

— Наивный ты человек, Анатолий! Профукали господа революционеры нашу свободу!

— Да как так-то? Ты газет не читаешь? Революция!

— Газет! — скривил губы Евгений Степанович. — О какой свободе идет речь, когда взамен старого режима мы получили новый? Вместо одного правительства другое?

— Так оно же Временное! — упорствовал Железняков.

— Нет в России ничего более постоянного, чем временное, — хмуро проронил Бессонов. — Вывески сменили — и только. Была полиция, будет милиция какая-нибудь. А свободы не будет.

— Грустно мыслишь, товарищ Бес. — Железняков выкинул окурок и задраил дверь. — А за свободу мы еще поборемся!

— Береги себя, Анатолий, — от души посоветовал Бессонов. — Хороший ты человек, цельный. И спасибо тебе.

— За что? — искренне удивился Железняков.

— За отзывчивость, — хитро улыбнулся Евгений Степанович и, подхватив саквояж, направился к порядком опостылевшему месту в похожем на стойло купе.

Привлекать лишнее внимание к своей персоне ему было не с руки. Да и собранный второпях «жорж» сработать мог лишь один раз.

***

Стрельбу на улицах Соломон пересидел в каморке при антикварной лавке. Нужная при любой власти телефонная связь работала исправно, а потому он был в курсе событий. Хоть газеты, кроме «Бюллетеня думских сообщений», в столице в дни смуты и не выходили, пронырливые журналисты держали руку на пульсе. Они щедро снабжали Шломо новостями в ожидании не менее щедрых отстежек.

Но больше прочих порадовал Соломона шелкопер из «Бюллетеня». При разговоре газетчик не смог удержаться — похвастался, что в революционную ночь подписывал бумагу об издании первого номера в обновленной России у самого Керенского.

Упустить такой шанс Соломон не смог. За пятьдесят рублей он выторговал «большой исторической ценности» бумажонку и даже выбрался ради нее из своей берлоги.

На улицах Петрограда было грязно и страшно. Уголовники, освобожденные слепой революцией из «Крестов», гуляли во всю. Здания полицейских управ и околодков полыхали. В подворотнях истощно вопили барышни. Аптеки и винные лавки

были разграблены подчистую. Высунувшийся без оружия из дома рисковал в лучшем случае остаться без пальто и кошелька.

Всю дорогу до редакции и обратно Соломона не покидало ощущение, что он вновь очутился в полных опасностей джунглях Амазонии. Но экспедиция того стоила — он заполучил автограф Керенского. На изготовление разрешительного мандата ушли сутки.

Соломон грыз сухари и придирчиво рассматривал работу. Угловатая, колкая подпись Керенского получилась один в один. Росчерк отчего-то напоминал римскую цифру «четыре».

В дверь напористо застучали. Шломо взвел курок и в три шага очутился у черного хода.

— Чего надо? — грубо, по-мужицки гаркнул он.

— Я справиться хотел бы, — раздался знакомый голос, — о здоровье моего горячо любимого дядюшки.

— Эжен! Дружище! — Соломон распахнул дверь и заключил в объятия старого товарища. — Как добрался?

Бессонов скинул пальто и сразу уселся за стол.

— Почти без приключений, — подцепил он из бумажного кулька сухарик и вкусно захрустел. — Ну, выкладывай, что у тебя стряслось.

Соломон разлил по чашкам остывший кофе и пустился в пересказ событий минувших дней. Чем ближе становился финал истории, тем мрачнее делался Бессонов.

— Выходит, вляпался ты опять, Шломчик. — Бес хрестнул сухарем и замолотил челюстью. Рыжая бородка затряслась. Гигантский его кадык поршнем заходил по горлу. — Говорил я тебе — дружки твои британские до добра не доведут! Впутали в историю Хранители — и в кусты? Расхлебывай, мол, сам, Соломон? Да еще и должен им остался?

Шломо понуро кивал. Бессонов был прав. Выходило, что упустил он драгоценного Орла сэра Уинсли. Да и с Котом дело пока не ладилось.

— Да где наша не пропадала, верно, Бес? — выжал остатки оптимизма Соломон. — Старая гвардия снова в бою! Справимся ведь?

— А куда деваться? — буркнул Бессонов, но взгляд его потеплел. — Я так понимаю, сначала навестим покойного Распутина?

Соломон дернулся за кончик уса. Позабытый азарт возвращался. Вдохновение авантюриста медленно, но верно начинало наполнять его.

— Времена неспокойные — надо пользоваться, — бодро ответил он. — К тому же вокруг Керенского сейчас такая суeta, что не подобраться. С ним потом разберемся. Ты захватил «жоржа»?

Бессонов победоносно улыбнулся и раскрыл саквояж. Следом за парабеллумом на скатерти появился продолговатый предмет, похожий на гигантскую гильзу.

— Оружейный поглотитель шума расширительного образца, — гордо представил Бессонов диковинную штуковину. — Правда, собирая второпях. Он одноразовый.

Соломон схватил гостинец, как ребенок из-под елки тащит подарок на Рождество. Пальцы сноровисто прикутили глушитель к вороненому стволу.

— Только ты мне скажи, Шломчик, — проникновенно начал Бес. — Ты впрямь решил Керенского в расход пустить? Это ж не твое амплуа?

Соломон вытянул руку и прищурился сквозь целик оружия.

— Ума не приложу, что с ним делать, — честно признался Соломон. — Крови, конечно, не хочется, но...

— Есть варианты! — перебил его Бессонов. Из кармана пальто появился серебряный портсигар. На крышке блестел золотом вензель «Б.Е.С.». — Вот, — выудил Эжен папирюску из левой половинки. — Абсолютно неотличима от обычновенной.

Ни запахом, ни цветом, ни ароматом не разнится! И табак дорогой, — важно закончил Евгений Степанович, — не грех и министра угостить!

— Он не курит, — хмуро откликнулся Шломо. — А что там? Яд?

— Какой-то ты кровожадный стал, Соломон, — менторским тоном отчитал его Бес. — Никакого летального исхода! При одной затяжке — паралич, а если больше — крепкий и здоровый сон без сновидений.

— Не то все это, — протянул Шломо и брякнул парабеллум на стол. — А вдруг он Орла с собой не носит? Пытать его, что ли?

— Я не перестаю удивляться! — всплеснул руками Бессонов. — Ты тут в Петрограде в кого превратился? Пытать! Да и сам посуди: разве кто в здравом уме такую фигурку без присмотра оставит? С собой он Орла носит, к гадалке не ходи!

— А если нет? Если не носит? — закипел Шломо. — У нас если и будет шанс подобраться к Керенскому, то только один!

Бессонов теребил рыжую бородку и ждал, пока гнев компаньона сойдет на нет. Соломон перестал дергать веком и уткнулся носом в кофейную гущу.

— И что ты собрался делать? Колени ему прострелить? — примирительно спросил Бес.

Шломо молчал.

— Ладно, хватит там будущее разглядывать, — хохотнул Бессонов. — Попробую я одну микстуру заболтать. Навроде той, венской, только посильнее. Глядишь, и Орлу успеем клюв заткнуть. Клин-то ведь клином вышибают, а, Шломчик?

Соломон не верил ушам.

— Это возможно, Эжен? — Надежда крохотной искоркой затеплилась в нем. Провальное предприятие обретало шансы на успех.

— Попытаться можно, — подмигнул Бессонов. — Времени займет и средств. Да и гарантый, правда, никаких. Но у тебя всегда останется запасной вариант с коленями! — поддел компаньона Бес и снова коротко хохотнул. — Ну да это успеется, как я понял. Когда осквернением займемся, гробокопатель?

Соломон поморщился от очередной шпильки и фыркнул:

— Поедем! Мне еще мобиль надо сторговать!

— Бедствуешь? — ехидно улыбнулся Бес.

— Достать мотор теперь большая сложность, — развел руками Соломон. — А топливо к нему — еще большая.

— Дерзай, Шломчик. Я в тебя верю, — с хрустом потянулся Бессонов. — А я пока выслюсь с дороги. На правах гостя кровать за мной?

Возражать Соломон не стал.

***

Черный «Де-Дион» рассекал морозный воздух. Промерзший за зиму Петроград подставил робким лучам солнца свои бока, распахнул затихшие улицы. Не было ни трамваев, ни экипажей. Не было даже штатских — разрозненные группы в серых шинелях бродили по мостовым. Молчаливые, растерянные, хмурые солдаты напрочь позабыли про тротуары.

Лавируя меж праздными бойцами и обгоняя редкие, похожие из-за солдатских штыков на гигантских ежей грузовики, Рождественский мчался к Таврическому.

Сергей Петрович гнал всю ночь. Новости, припасенные для Керенского, необходимо было доставить как можно скорее. Благо красный флаг, прикрепленный у левой фары, служил лучшим пропуском — за весь путь от Царского Села машину ни разу не остановили.

В похожем на форпост дворце Керенского не оказалось. Битый час потратил Рождественский на расспросы. Наконец,

истрепав остаток нервов, он выяснил, что Александр Федорович вместе с Родзянко, Милюковым и князем Львовым уехали в дом за номером двенадцать по Миллионной улице. Что понадобилось свежеиспеченному министру юстиции Временного правительства в его первый трудовой день в доме княгини Путятиной, взято объяснить Рождественскому так никто и не смог.

Через полчаса «Де-Дион» встал у особняка на Миллионной.

— Где Керенский? — Рождественский вихрем ворвался в просторный холл. — У меня срочное дело к министру!

— Они в гостиной-с, — промямлил растерявшийся лакей, поднимая глаза к потолку.

Рождественский бросился к лестнице.

— Постойте! — уже на втором этаже нагнал его лакей. — Вам нельзя туда! Совещание-с! Здесь великий князь! — благоговейным шепотом добавил слуга. — Михаил Александрович!

Рождественский застыл у входа в гостиную. Сквозь неплотно прикрытую дверь доносился голос Керенского.

— Ваше высочество, — жарко говорил он, — мои убеждения — республиканские. Но сейчас разрешите вам сказать как русский — русскому. — Александр Федорович сделал эффектную паузу. — Павел Николаевич Милюков ошибается. Приняв престол, вы не спасете Россию. Наоборот! Перед лицом внешнего врага начнется гражданская внутренняя война, — баритон Керенского заливал гостиную до краев. — Умоляю вас во имя России принести эту жертву! С другой стороны, я не вправе скрыть, каким опасностям подвергнетесь вы, приняв престол, — снизил тон Александр Федорович. В голосе мелькнули зловещие нотки. — Во всяком случае, я не ручаюсь за жизнь вашего высочества.

Рождественский отмахнулся от протестующего лакея и приник к узкой щели. В растерянном мужчине трудно было

узнать младшего брата императора. Михаил Александрович провел дрожащей рукой по лысеющей голове. Пальцы великого князя оттопырили ворот, будто ему стало трудно дышать.

— Мне нужно подумать, господа, — неровно дернулась щеточка усов. — Михаил Владимирович, — обратился Романов к Родзянко, — пройдемте в соседнюю комнату.

Председатель Временного комитета Государственной думы подскочил с кресла и, грузно переваливаясь с ноги на ногу, ушел вслед за великим князем.

В гостиной повисло напряженное молчание.

— Александр Федорович! — нарушил его Рождественский, заглянув внутрь.

Невзирая на удивленные взгляды членов Временного правительства, Керенский пружинистым шагом выскочил в коридор. Лицо Александра Федоровича поминутно морщилось от накатывающей волнами боли, но Керенский был радостен и бодр. Казалось, выключи свет, и будет заметно, как по его коже пробегают электрические разряды.

— Вы подоспели очень кстати, Сергей Петрович! — подал для рукопожатия левую руку Керенский. Глаза светились разноцветным сиянием. — Стали свидетелем знакового для России события — заката монархии!

— Государь отрекся? — выдохнул Рождественский. Мысли об этом посещали бывшего подполковника, но столкновение с реальностью потрясло до глубины души.

— Точно так! И этот не устоит, — уверенно произнес Керенский. — Да черт с ними, в газетах почитаете, — махнул он рукой. — Скажите лучше, что там в Царском?

Рождественский показал Александру Федоровичу офицерский планшет с нарисованной схемой:

— Васильев все верно изложил. — Палец Рождественского ткнул в западную окраину Александровского парка. — Сруб

здесь, вроде как церковь недостроенная. Внутри часовня. — Сергей Петрович победно улыбнулся. — Там он.

— Есть чем записать? — вскинулся Керенский.

Рождественский выудил из планшета блокнот и карандаш и протянул Александру Федоровичу. Тот бросился к подоконнику и склонился над бумагой.

— Так, — бормотал Керенский, покрывая листок колкими грифельными строчками. — Расследование по делу об убийстве Распутина прекратить. Во избежание возможного осквернения, — подмигнул он зеленым глазом Рождественскому, — приказываю перезахоронить Григория Распутина-Новых, не предавая места огласке. Подателю сего оказывать всяческое содействие. Что еще? — задумался Александр Федорович.

Рождественский пожал плечами.

— Сергей Петрович! — заглянул ему в глаза Керенский. Рождественский еще раз невольно поразился перемене — радужки Александра Федоровича вновь сделались карими. — Организуйте все в лучшем виде. Людей и транспорт возьмите в Петросовете. К гробу никого не подпускайте и доставьте в город. Я хочу лично его вскрыть.

— Как скажете, Александр Федорович, — послушно ответил Рождественский. В глубине души он был даже рад. К покойникам он всегда относился с должным пietetом. Добавлять к и без того увеличившемуся за последнее время списку грехов еще и это святотатство отчаянно не хотелось.

В гостиной поднялся взбудораженный шепот. Керенский глянул через плечо и наспех дописал:

— Министр юстиции Временного правительства, товарищ председателя Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, — Александр Федорович поставил подпись.

— Господа, — донесся из гостиной смятенный голос великого князя. — Я окончательно решился. В этих условиях я не могу принять престола.

Керенский посмотрел на листок и лукаво улыбнулся:

— А вам не кажется, Сергей Петрович, что моя роспись напоминает монарший вензель? — проговорил он, возвращая блокнот Рождественскому. — Александр Четвертый?

Бывший подполковник глянул на бумагу и хотел было ответить, что сходство, определенно, имеется. Но Керенский уже не слушал.

— Вы совершаете благородный и поистине патриотический поступок, Михаил Александрович! — влетел он в комнату. — Обязуюсь довести это до всеобщего сведения и позаботиться о вашей защите!

Часы в гостиной пробили полдень.

***

Автомобиль Соломону достался аховый. Мотор грелся и чихал, деньги за него испросили, как за новый. Шломо вспомнил все неприличные выражения, но скрепя сердце отсчитал целковые.

Выехали засветло. Соломон, подняв воротник шинели, оставшейся от поручика Сухотина, и укутав голову в башлык, стойко терпел шпильки Бессонова. Больше всего Беса веселила тема о беглом из австрийского плена офицеришке.

— Что, Шломчик, думаешь, срезал с шинельки знаки различия — и за пролетария сойдешь? — ехидничал Бессонов. — А рожу свою холеную куда денешь? За мандатом спрячешь, а?

— Вот ты и будешь разгребать в случае чего, — огрызался Соломон. — Ты-то по теперешним временам у нас чистой воды гегемон!

В конце концов Бес, выдав очередную остроту, затих. К Царскому Селу подъехали далеко за полдень. Шломо покрутился по

уложкам, вспоминая нужную отворотку, и двинул авто вглубь Александровского парка.

Уже подле Ламских прудов Бес вдруг спросил:

— Вот скажи мне, Соломон, как же мы так докатились-то, а?

— В смысле? — От неожиданности Шломо едва не влетел колесом в яму.

— Всякой мы с тобой мерзости натворили за жизнь нашу кипучую, но чтоб покойников тревожить — не было ж такого, — не то спросил, не то ответил Бессонов.

Соломон даже сбавил газ.

— Ты чего это, Бес? — краем глаза глянул он на компаньона.

Тот задумчиво смотрел куда-то вдаль, где над верхушками деревьев в просвет меж туч высунулось чистое небо.

— И чего ради? — продолжил Бессонов, будто не рассыпался вопроса. — Ради денег, — презрительно поджал он губу.

Авто нырнуло под бревенчатую арку и не спеша покатило по извилистой дорожке, тесно зажатой с двух сторон невысокой березовой рощицей.

— Ты, никак, о душе задумался, — хмыкнул Соломон. — Так поздно уже учиться танцевать полонез, мой милый Эжен! Ты чего раскис-то?

— Да так, — задумчиво сказал Бессонов. — Парнишку тут одного давеча повстречал. Молодой, идейный. Чистый какой-то... Аж завидно. И ведь мы когда-то...

— Нашел о чем горевать, — перебил Соломон.

— Есть, кстати, и другие поводы, — с издевкой в голосе откликнулся Бес. К нему явно вернулось его обычное расположение духа. — Мы вот, пока сюда ехали, чуть три раза в снегу не завязли, а эта дорожка прибрана.

Шломо нахмурился. Укромная тропа и впрямь была вычищена совсем недавно. В наблюдательности Бессонову отказать было нельзя.

— Может, Романовы следят?

— Думаю, у них сейчас других забот по горло, — вырвал на корню росток надежды Бессонов. — Всего вернее, гости к покойнику нашему наведывались. И, судя по ширине полосы, на грузовом автомобиле.

Соломон чертыхнулся и вдавил педаль в пол. Машина вырвалась из тисков рощи и, ломая наст, встала у недостроенной церкви.

Из сторожки выбежал человечек. Торчащий из-под полушибутка подол сутаны путался в его ногах.

— Я уполномочен изучить тело Григория Распутина. — Соломон выскоцил из авто навстречу служке и полез за пазуху шинели. Но документ предъявлять не пришлось.

— Вы что, антихристы, взбеленились? — тонким голосом взвизгнул сторож. Губы его тряслись. Под левым глазом пунцовел свежий синяк. — Промеж себя разобраться не можете?

— Ты о чём это? — схватил его за грудки Соломон и прилично тряхнул.

— Так увезли ж уже Григория Ефимовича. — Из человечка разом исчез весь гонор. — Часа три как.

— Как увезли? Куда?!

— На машине, — промямлил служка. — На станцию.

Соломон отшвырнул его прочь и прыгнул за руль.

Таких скоростей Бессонов не помнил с Брукладса в девятьсот восьмом. Вцепившись в сиденье, он не знал, о чём больше тревожиться: что на очередном вираже его выкинет из машины или что двигатель прикажет долго жить. Из-под капота уже как четверть часа валил пар.

Перед новым поворотом за спинами компаний вдруг что-то оглушительно грохнуло. Машина юзом вылетела на обочину и ткнулась в сугроб. Изрядно тряхнуло, и густое, воняющее горелым маслом облако окутало авто.

Первым пришел в себя Соломон. Ругаясь, как пьяный бин-дюжник, он соскочил в глубокий снег и нырнул под капот.

Кашляя и держась за ушибленное плечо, Бессонов вывалился на дорогу.

— Ну что там? — спросил он, едва вновь обрел дар речи.

— Приехали, — мрачно ответил Шломо. — Клапана заклинило.

До станции «Царское Село» оставалось еще почти две версты.

***

Продрогшие до предела компаньоны ввалились в каморку станционного смотрителя.

— К вам должны были доставить тело Григория Распутина. — Соломон протянул мандат скрюченными пальцами. — Где оно?

Начальник станции пробежал глазами по строчкам.

— Все как было велено, господа, — залебезил он, дойдя до неровной подписи министра юстиции. — Погружено в товарный вагон и отправлено в Петроград.

Бессонов обнял едва теплый самовар и поморщился. Чувствительность к ладоням возвращалась покалыванием тысячи иголок.

— Когда следующий поезд? — грозно спросил Шломо.

— Завтра к вечеру, — извиняющимся тоном ответил смотритель. — По расписанию.

Шломо скрипнул зубами.

— А если без расписания, а? — Соломон, будто револьвер, ткнул документ в растерянное лицо начальника.

— Никак не могу помочь, господа, — затряс головой смотритель. — Не в моей власти. Сейчас вся власть у Советов. Работают, когда захотят, — с досадой произнес он, но тут же добавил: — Но расписание выдерживаем, да.

Бессонов не смог скрыть ухмылки — разъяренный Шломо очень походил на дрессировщика тигров из грошового шапито.

— И где же они совещаются, эти ваши Советы?

— В паровозном сарае, — сжался начальник станции, словно ожидая хлыста. — Как к путям пройдете — налево будет.

— Благодарю за службу, — процидил Соломон и метнулся к выходу.

Бессонов с тоской оторвался от самовара.

— Скажите, — спросил онсмотрителя уже на пороге, — а по какому пути отправили тело?

— По третьему, — как на духу откликнулся тот, — императорскому.

Бессонов понимающе кивнул и откланялся.

Неуемного Шломо он догнал уже около паровозного сарая. Совещание было в самом разгаре: из обшитого закопченной доской длинного здания рвались наружу залихватские бала-лаечные переливы. Охрипшие голоса нестройно, но с душой орали что-то про «яблочко».

— Слыхал, Шломчик? — пряча ладони в карманы полушибука, спросил Бессонов. — По третьему подъездному нашу пропажу отправили!

— И что с того? — рассеянно ответил Соломон. Он пытался разобрать слова ухарских частушек. Балаечник как раз пошел на второй заход, и из сарая задорно гаркнули:

— Паги-бай, офицер, в пере-стре-лоч-ке!

— Что-то я не возьму в толк, кто из нас тут столичный житель? — Бес ткнул компаньона в бок кулаком. — Не хмурься, Шломчик! Знаю я, куда вагон подадут!

— Дорога одна, — мрачно заметил Соломон. — На Царско-сельский вокзал.

— Я тебе точно скажу — в Императорский павильон!

Соломон на каблуках резко развернулся к товарищу:

— Раз ты такой у нас грамотный железнодорожник, — сквозь зубы произнес он, — может, и с этими договоришься? — Шломо ткнул пальцем в паровозный сарай.

— Ты-то уж точно не договоришься, ваше благородие, — хохотнул Бес. — Давай, не оклей тут, — хлопнул он Соломона по плечу и уверенным шагом двинулся к зданию.

Соломон фыркнул и принял расхаживать вдоль путей, чтобы хоть как-то согреться.

Балалайка стихла. Через полчаса из сарая в обнимку с чумазым вагонником появился Бессонов. На голове его сидела лихо заломленная форменная шапка. Накрест положенные топор и якорь на ней сияли надраенной латунью.

— Этот, что ль, твой попутчик? — подозрительно глядя на Шломо, спросил у Бессонова рабочий. — Что-то рожа мне его не нравится!

— Это проверенный соратник! — заверил его Бес. — В строю с девятьсот третьего!

— М-да? — железнодорожник недоверчиво прицокнул, но все же помилосердствовал: — Дуйте к Великокняжескому. Сейчас «фиточку» раскочегарим и подадим.

— Давай, братишко, только быстрей, ага? — Бес выпустил из объятий вагонника. — А то мы тут с товарищем уши потерянем.

Рабочий сплюнул на снег и растворился в темноте.

Через час паровоз серии «Фита» чинно подкатил к перрону Великокняжеского павильона.

— Залазь давай! — высунулась в окно знакомая чумазая рожа.

Бессонов проворно вскарабкался в кабину и протянул Соломону руку.

— Что ты им посулил? — прошептал Шломо, ежась под небольшими взглядами кочегара и машиниста.

— Победу мировой революции, — не моргнув глазом, ответил Бес, — в перспективе. — Потом довольно осклабился и добавил: — А покамест — ящик «Английской горькой».

***

Паровоз лязгнул сцепкой и оставил грузовой вагон. Рождественский осмотрелся. На удивление, Керенского не было. Вместо него по перрону спешил незнакомый мужчина лет сорока. Гражданская одежда не могла утаить его военной выправки.

— Рождественский? — широко улыбнулся он. — Сергей Петрович?

— Так точно, — хмуро оглядел его подполковник. Оружия при незнакомце вроде не было. — С кем имею честь?

— Я от Керенского, — вместо того чтобы представиться, выпалил он. И тут же исправился: — Коровченко. Пал Александр. Александр Федорович просили вас встретить.

— А где он сам? — не двинулся с места Рождественский.

— Захворал, — печально ответил Коровченко. — Идемте. Я на моторе.

— Один момент. — Сергей Петрович повернулся к путейцу, подряженному еще в Царском для охраны. — К вагону никого не пускать! Головой отвечаешь, понял, Михай?

— Не сомневайтесь! — поправил за плечом винтовку железнодорожник. — Все будет в аккурате!

Рождественский погрозил ему кулаком и зашагал за Коровченко.

Павел Александрович не солгал. Пролетев Литейный и Шпалерную, машина остановилась у знакомого дома на Тверской улице.

Дверь Рождественскому открыла Ольга Львовна.

— Как хорошо, что вы пришли! — всплеснула она руками. — Саша о вас только и говорит!

— Как он? — скинул пальто Рождественский.

— Лихорадит, — печально ответила Ольга Львовна. — Ваша политика уже один раз чуть не стоила ему жизни! Он себя совершенно не бережет!

Рождественский деликатно промолчал.

— Олењка, это он? — послышался слабый голос. — Сюда его веди!

Керенский лежал под байковым одеялом. На голове его покоился компресс. Лицо Александра Федоровича осунулось, заострилось. Глаза болезненно сверкали.

— Ну что вы мне скажете, Сергей Петрович? — бледно улыбнулся он. — Привезли?

Рождественский присел на край кровати.

— Не беспокойтесь, Александр Федорович. На вокзале. Я выставил караул.

— Вот и славно. — Лицо Керенского разгладилось. — Придется вам без меня все там обыскать.

Рождественский с готовностью поднялся.

— Ну что вы, друг мой. — Александр Федорович прикрыл глаза. — Не нужно делать этого прямо сейчас. Поешьте хотя бы с дороги. Оля, — позвал он. — Накорми нашего странника.

Желудок Рождественского застонал. Сергей Петрович только сейчас понял, как сильно голоден.

***

— Вон он, ваш грузовой, — уверенно ткнул в стекло закопченным пальцем машинист.

Соломон прилип к окошку. Возле зеленого вагона маячил одинокий часовой. Завидев медленно подкатывающий паровоз, он сдернул винтовку с плеча и заспешил навстречу.

«Фита» пшикнула клубом дыма и встала.

— Вы какого лешего тут делаете? — грозно спросил покрытый инем железнодорожник и передернул затвор.

— Михай, ты, что ль? — высунулся из кабины машинист.

— Петруха! — расплылся в улыбке охранник. — Вот свезло так свезло. — Караульный уже забросил за спину «мосинку» и лез в паровоз. — Думал, уже окоченою тут насмерть. — Михай присел у топки и разом занял остаток свободного места в кабине. — Табачком не богаты, браты? — потер он широченные ладони.

Бессонов лучезарно улыбнулся и вынул из кармана полушибка серебряный портсигар.

— Угощайтесь, товарищи! Отличный табак! Аглицкий!

Мозолистые пальцы расхватали папиросы. Через минуту кабина наполнилась богатырским храпом.

— Ну вот, — захлопнул портсигар Бес. — На водке можно сэкономить. Шломчик, глянь-ка по углам, у них тут фомочки, часом, не завалялось?

Соломон ответил не сразу. Он пристально вглядывался в едва пока различимую фигуру в полумраке дебаркадера. Пальцы Шломо мелькали, ловко привинчивая «жоржа» к дулу парабеллума.

— Бери винтовку, Бес, и дуй к вагону, — тихо скомандовал Соломон. — Фомку нам уже принесли.

Бессонов сжал оружие и выглянул из-за Шломо. Держа в одной руке керосиновую лампу, а в другой короткий ломик, к вагону приближался здоровенный бородатый детина.

— Это еще кто? — от души удивился Бессонов.

— Рождественский его фамилия, — процидил Соломон. — Чеши, говорю! Скажешь, этот вон, — кивнул Шломо на храпящего караульного, — по нужде отошел. Сам не лезь — пол-Питера стрельбой перебудишь. Как зайдет в вагон — свистни.

Бес кивнул и, подхватив дареную шапку, выскочил из паровоза.

***

Рождественский шел по перрону Императорского павильона. Звук его тяжелых шагов канонадой отдавался от свода пустого дебаркадера и бил по ушам. Сердце противилось предстоящему злодеянию. На душе было муторно.

Застекленный ангар кончился, перешел в простой навес. Ледяной ветер, словно поджидавший подполковника, тут же щелкнул по носу, сбил дыхание.

Поганое чувство грызло Рождественского. Мысли крутились вокруг адского пламени и смертных грехов.

За оставленным у перрона вагоном виднелась в темноте черная громада паровоза. Сергей Петрович прибавил ходу. У товарного его ждал еще один сюрприз.

— Ты еще кто? — смерил взглядом рябого путейца Рождественский. — А Михай где?

— До ветру отпросился, — тряхнул рыжей козлиной бороденкой новый караульный и глуповато улыбнулся. — Я за него.

Рождественский глянул на дверь вагона и успокоился — пломба была на месте.

— Ну, раз ты за него, — вздохнул Сергей Петрович и протянул охраннику керосиновую лампу, — займись вот.

Пока тот чиркал спичками и крутил фитилек, Рождественский сломал печать и украдкой перекрестился. Поднатужился, отодвигая дверь, и замер перед черным нутром вагона.

— Извольте, — услужливо подал керосинку путеец.

Рождественский набрал полные легкие холодного воздуха и шагнул в темноту.

Гроб стоял на двух ящиках от чугунных колес. Сергей Петрович примостиł лампу в изголовье. Язычок пламени нервно трепетал, отражался от застекленного оконца, устроенного в крышке. За ним пугающе пульсировала мертвая мгла.

— Господи, прости, — прошептал Рождественский и навалился на лом.

Гвозди натужно покинули дубовые доски. Раздавшийся скрип оцарапал натянутые нервы. По ноздрям ударил тошнотворный запах формалина и тлена.

Распутин лежал с раздувшимся, потемневшим лицом. Кожа его оплыла, обнажая желтые зубы. Казалось, покойник скалится.

Рождественский тяжело проглотил вязкую слону и, борясь с накатившей вдруг тошнотой, принял шарить по трупу.

Дрожащие пальцы нашупали в кулаке мертвца плотный комок. Сергей Петрович развернул сверток. В накрахмаленном платке лежала серебристая фигурка кота.

Словно зачарованный, Рождественский погладил зверюшку по спине. Кот будто бы сам прыгнул в ладонь. Пальцы Рождественского сжались.

Дощатый пол вагона дрогнул под ногами подполковника. Лампа исчезла. Темнота облепила Рождественского.

Вдруг где-то наверху вспыхнула ослепительно белая искорка. От нее потянулась вниз сияющая белая нить. Темнота треснула и разошлась в стороны. В прореху ударили светом тысячи фар. Сверкающий белоснежный туман заклубился в ней, маня и одновременно успокаивая.

Рождественский протянул руку к свету.

Тут откуда-то издалека послышался длинный разбойничий свист.

Ощущение смутной тревоги всколыхнулось где-то глубоко в подполковнике. Он попытался разжать кулак, силился прогнать видение, но сияющая благодать не отпускала.

Сергей Петрович закусил губу. Рот наполнился соленым и теплым. Видение отступило и нехотя растаяло.

Жадно хапая пропитанный мертвечиной воздух, Рождественский мотнул головой и замер.

Перед ним стоял человек.

Выстрела подполковник не услышал. Была только яркая вспышка. Что-то сильно ударило Рождественского в грудь. Обожгло под сердцем. Опрокинуло.

Тело отказалось повиноваться.

Непослушными глазами смотрел он в потолок. Видел, как подплывает к его лицу керосинка. Как прступает в ее свете чья-то укутанная в офицерский башлык голова.

Что-то тупое колотило его по скрюченным пальцам. Кто-то бездушный вырывал из кулака металлического кота.

Потом все стихло. Темнота облепила Рождественского.

Жизнь горячими толчками покидала подполковника. С каждым затухающим ударом сердца могильный холод набивал его тело, будто тряпичную куклу.

«Вот и все, — неумолимая, безжалостная мысль полоснула Рождественского. — Преставился, грешник».

И тут где-то наверху загорелась и взрезала тьму лучистая искра. Белоснежный туман заструился в разошедшейся по швам темноте. Сквозь сотканное из света пространство шагнула к Рождественскому высокая фигура. Подняла. Прижала к себе и окунула с головой в океан ласкового сияния.

Подполковник закрыл глаза и перестал дышать. Ему сделалось вдруг тепло и покойно.

ЭПИЛОГ

Петроград, май 1917 года

Ночной поезд медленно катил в Гельсингфорс. Давно остались позади перрон, бесконечные товарные составы и отцепные вагоны Финляндского вокзала. Проплыл мимо мрачный высокий забор военной тюрьмы.

Вечерний Петроград распахнул объятия жилых кварталов и по облицованым гранитом виадукам выпустил крашенный в зеленое паровоз за город. Мелькали за окном изящные деревянные усадьбы и дачи Озерков и Графской, окутанные дымкой листвы и хвои аллеи и парки. Уносились в прошлое длинные версты рельс.

Синий вагон министра трех ведомств вез его к финляндской границе.

«Отныне Армия и Флот обязаны выполнить свой долг! Я взял на свои плечи непосильную задачу, высокую честь... Хотя я никогда не носил военного мундира, но я привык к железной дисциплине: у нас, в революционных партиях, были свои офицеры и солдаты».

Керенский перечитал наброски и обессиленно откинулся в кресле. Слова, произнесенные за недельный вояж по полкам, набили оскомину. Балтийским морякам хотелось сказать что-то более увесистое, четкое. Краткое и емкое, словно команда старшего по званию.

Речь не складывалась.

— Я ныне принял управление Военным и Морским министерством, ибо страна находится в угрожающем положении, — громко произнес Александр Федорович.

Фраза отзвучала и на самой торжественной ноте растаяла в оклеенном кремовыми обоями купе.

Керенский снова невольно вернулся мыслями почти на год в прошлое, в туркестанскую поездку. Тогда не было массивной дубовой мебели. Не было широкой, почти такой, на которой спал теперь в Зимнем Александр Федорович, кровати. Не было карты Российской империи во всю стену. Но это изысканное купе, сверкающее латунью и электрическим светом, нарочитым комфортом напоминало обстановку памятного вагон-салона.

А может, все дело было в Рождественском.

Тела так и не нашли. В товарном вагоне обнаружили пятна крови и одну-единственную гильзу от парабеллума. Допрошенные железнодорожники каялись, несли вздор о фронтоватом офицере и его рябом подельнике, но вразумительной картины составить с их слов не удалось. Сергей Петрович исчез без следа.

Не нашли и фигурок. Александр Федорович не мог поверить в предательство подполковника. Он раз за разом вспоминал подробности их совместных злоключений и пришел к горькому выводу: Рождественский — мертв. Воспоминания о нем посещали теперь Керенского в ореоле грусти и кроткого траура.

Рождественского было отчаянно жаль. Александр Федорович чувствовал себя так, будто остался без верного друга, без своей правой руки. Принятые на службу ордиарцы не годились подполковнику и в подметки.

Керенский поморщился и принял растирать онемевшие пальцы. Все чаще приходилось вставлять ладонь меж пуговиц

френча, чтобы хоть как-то облегчить страдания. Казалось, будто Александр Федорович был вечно ранен и никак не мог исцелиться.

Керенский стиснул зубы. Секундная стрелка без устали наматывала круги по циферблату часов. Время шло. Ни на отдых, ни на душевые терзания его просто не оставалось.

«*Нужна железная дисциплина...*» — непослушной рукой вывел он.

Подумал, зачеркнул строчку и начал иначе:

«*Здесь, в Финляндии, нам надо быть особенно осторожными, ибо наше великодушие могут понять как бессилие не только немцы. Мы, как сильные, продиктуем врагу свою волю...*»

— Как сильные, — проронил Керенский.

Сказать по правде — сил практически не осталось. Разъезды и митинги, встречи и торжественные выступления вымотали Александра Федоровича до предела. А впереди еще предстояло сменить Львова на посту министра-председателя Временного правительства. Престарелый князь уже готов был отдать власть в руки Керенского, но Александр Федорович не спешил. Сейчас было важно очаровать народные массы.

Толпа боготворила нового морского и военного министра. Керенского носили на руках. Столичные барышни бросали к его ногам цветы и украшения. Но то была столица.

Александр Федорович задумчиво уставился на карту. Раскинувшаяся необъятная Россия далеко еще не вся поддалась очарованию Орла.

Ах, если бы можно было оказаться разом в каждом городке и деревушке, в каждом уезде и губернии! Одновременно переступить порог каждой квартиры и избы! От единой искры зажечь трепетным обожанием каждое из миллионов сердец российского обывателя!

Александр Федорович тряхнул головой, отгоняя пустые фантазии. Время убегало от Керенского, и замедлить бег немилых секунд — не в его власти.

Александр Федорович покрутил в руках часы. Непослушными пальцами сдвинул длинную стрелку на двадцать минут назад, на финский манер, и снова взялся за перо.

Нужно было сконцентрироваться на обращении к балтийцам. Большевистская агитация уже оплела своими щупальцами линкор «Андрей Первозванный» и едва переименованную «Республику». Пресечь крамолу требовалось решительно и без проволочек.

Вдруг привычный стук колес взрезал длинный паровозный свисток. Свет в кабинете мигнул. Вагон тряхнуло.

Керенский машинально тронул закачавшуюся непроливайку. Поезд заскрипел по рельсам и встал.

— Что случилось? — бросил Александр Федорович заглянувшему в кабинет ординарцу.

— Не могу знать, гражданин министр! — отрапортовал тот, глупо хлопая глазами.

Керенский скривил губы. За тяжелой шторой с золотыми кистями вместо деревянного вокзала с надписью «Valkeasaaren rautatieasema» чернела стена соснового бора.

— Так разузнайте! — нервно приказал Керенский и посмотрел на циферблат. До Белоостровской станции было еще чуть больше часа ходу.

Ординарец щелкнул по старорежимной привычке каблучками и исчез.

Александр Федорович горестно вздохнул и окунул перо в чернила:

«Россия сейчас засевается семенами равенства, свободы и братства — и я уверен, что этой осенью мы соберем обильную жатву!»

***

— Отличная вышла штука, Эжен, — одобрил Соломон, за-талкивая ординарца под диван на гнутых высоких ножках. — Моментальный эффект!

Соломону хотелось прибавить выдуманное им для препарата звучное название, но он поостерегся. Чем ближе становилась финская граница, тем больше нервничал Бес. Дразнить компаньона Шломо не хотел. Растревоженный Бессонов начинал извергать фонтаны сарказма, а это всегда мешало работе.

— Еще бы, — буркнул тот, выбрасывая пропитанную химикатом марлю в тамбур, и тщательно закрыл дверь купе. — Даром, что ли, я на нее полтора месяца потратил?

— Парень-то — словно деревянный! — одобрил Соломон. — Превосходно, Эжен! Удивительно!

Поезд тронулся. Паровоз спешил нагнать упущеные минуты. Пол заходил ходуном.

— Хватит мне дифирамбы петь, Шломчик, — нахмурился Бес. Он по-моряцки расставил ноги и наклонил голову. Бессонов не вынимал из рук карманов пальто, подбородок упрямо выпятился. Соломону показалось, что он очутился в подворотне перед началом мальчишеской драки. — Не верю я твоему осведомителю. Без Саламандры я дальше не пойду.

Соломон прищурился в тревожное лицо компаньона. Тринадцатого февраля девятьсот шестого они в Гельсингфорсе взяли отделение Государственного банка. Получилось грязно. У кого-то из набранных в дело латышей сдали нервы, началась пальба. Бес поймал пулю.

Потом были облавы. Молодых латышских революционеров свинтили жандармы. Компаньонам удалось уйти, и революция получила свои деньги. Но простить Соломону кровь и аресты Бессонов так и не смог.

— Говорю тебе, — терпеливо начал Шломо, — Керенский не взял в Гельсингфорс охраны. Только одного ординарца. — Соломон беззлобно пнул кончиком ботинка торчащий из-под дивана сапог и опустил пониже покрывало, чтобы край касался пола.

— Это они козу на путях пожалели, — упрямо мотнул головой Бес. — Это им животину жаль, а человека в расходпустить — высморкаться! Не пойду без Саламандры! — Бес протянул Шломо пузатую аптекарскую склянку. — Хочешь, один иди. А я без ящерки туда ни ногой!

Соломон скривился и щелкнул крышкой брегета. Отведенныенапроведение на операцию минуты бесследно утекали. Чем дальшетянулась эта сцена, тем дальше предстояло топать до спрятанного в бору автомобиля. А поезд вот-вот прибудет на таможенный пункт Белоостровского вокзала.

— Щепетильно ты к своему здоровью стал относиться, Эжен, с возрастом, — разрядил обстановку Соломон. Белозубо оскалился и отстегнул маленькую серебристую ящерицу от шатлена. Кот остался висеть на цепочке часов одиноким брелоком. — Не потеряй! Но я бы на твоем месте больше Орла опасался, чем пули, — хмыкнул Шломо, вручая Саламандру Бессонову.

— У меня на этот счет припасено, — покопался в торбе Бессонов. Взвесил на ладони два маленьких восковых конуса и вставил себе в уши.

Шломо хмыкнул вновь и взялся за ручку двери.

«Ну, ни пуха, Бес?» — прочитал по губам Бессонов.

— К черту, — прошипел он и заморгал разноцветными глазами.

Дверь бесшумно распахнулась.

— Так что там была за остановка? — отвлекся на мгновение от бумаг Керенский. Скользнул удивленным взглядом по Бессонову и прилип к лицу Соломона.

«Узнал...» — удовлетворенно подумал Шломо и направил на Керенского парабеллум.

— Доброй ночи, Александр Федорович! Потрудитесь вернуть птичку!

Керенский сунул ладонь между пуговиц френча. Левый глаз его вспыхнул синим. Правый засветился зеленым огнем.

— Вы ничего мне не сделаете, господа! — процедил Керенский. — С этой секунды моя безопасность станет для вас исключительно важной!

Соломон застонал. Виски сдавило невидимым обручем. Рука, держащая оружие, медленно нацелилась на Бессонова. Слова сами вырвались из горла:

— Не надо... Бес... Уйдем...

Бессонов стряхнул оцепенение.

— И-э-эх! — от души выкрикнул он и, размахнувшись, словно гранату, метнул себе под ноги аптекарскую склянку.

Тонкое стекло разлетелось брызгами мелких осколков и химиката. Воздух разом поменялся. В купе запахло грозой и эфиром.

Бес шумно выдохнул и выудил из торбы колпак прорезиненной ткани. Ловким движением он натянул до самых плеч газовую маску и подвязал под подбородком.

Запах ударил Соломона по ноздрям и проворно забрался в легкие.

Шломо хотел закричать, но губы уже не слушались. Лютый озноб пробежал по коже. Она разом онемела. Сраженный параличом Шломо грохнулся об пол, будто полено.

Керенский дернулся, захрипел и замер в кресле.

Похожий на уродливую свинью Бес отер блюдца целлулOIDНЫХ очков и юркнул к столу.

Холод проникал глубже, пожирая Соломона. Жилу за жилой, мышцу за мышцей превращая его в ничто.

Бессонов проворно обшарил френч застывшего Керенского и вытащил из внутреннего кармана артефакт. Орел исчез в кармане его пальто.

Когда холод полностью поглотил Соломона, Бессонов склонился над компаньоном. Поводил рылом, а потом уцепил за воротник и натужно поволок к тамбуру.

Дверь в купе хлопнула. Бессонов пристроил Соломона на полу возле подножки

— Сейчас я отцеплю вагон, — едва разобрал Шломо сквозь грохот колес. — Минут через пятнадцать его хватятся.

Лязгнула сцепка, и вновь принявший человеческий облик Бессонов присел над старинным компаньоном. В руках он держал шприц.

— Так что сильно тут не залеживайся, — грустно улыбнулся Бес, выковыривая воск из ушей.

Укола Шломо не почувствовал. Ледяной панцирь надколовся над сонной артерией и пошел огненными трещинами. Неслышимое до того сердце гулко бухнуло.

Бессонов тронул его шею. Нащупал пульс. Хмыкнул довольно:

— Границу переходи один. Машину я заберу. Дело у меня еще осталось, Шломо, — печально добавил Бес. Хотел сказать еще что-то, но лишь пожевал губами и скрылся из виду.

— Бе-е-ес! — рвался из Соломона гневный крик, но выходил лишь тягучий хрип.

Он сделал титаническое усилие и повернул голову.

Бессонов задумчиво смотрел вслед удаляющемуся поезду.

— Ты зла не держи, Соломон, — не глядя, проронил он. — Когда-нибудь ты поймешь меня, мой друг. Очень на это надеюсь.

Шломо молчал. Мысли китайским фейерверком взрывались в голове, но произносить их не было сил.

— Шляпнику передай, пусть не жадничает, — вынырнул из раздумий Бессонов. Забрал у Шломо парабеллум и вложил в ладонь Саламандру. — Один к двум — это честный обмен.

Бес опустил подножку и встал на ступени.

— Прости, Соломон, — едва слышно произнес он.

И прежде, чем выпрыгнуть из тамбура в ночную темень, добавил:

— По-другому я не мог.

Вагон тихо катился по рельсам. Соломон сжимал в кулаке Саламандру и чувствовал, как по щеке его катится слеза.

***

Бессонову было жарко. Пот щекотливыми ручейками катился по вискам, забирался в бороду, бежал по спине. Истопники знали свое дело.

Талевские бани оказались единственным укромным заведением, исправно работающим в еще не оправившемся от хаоса Петрограде. Жар от парилки проникал в предбанник, наполняя полукруглое помещение особым запахом. Ароматом, напоминавшим Евгению Степановичу о детстве.

Бессонов вытер со лба пот и аккуратно расстегнул верхнюю пуговицу пальто. Шашки, примотанные к груди и животу, казалось, набухли от пота и стали тяжелее.

Стараясь не потревожить полные «греческим студнем» контейнеры, Евгений Степанович вынул из кармана часы. Старик запаздывал уже на пять минут.

Бессонов бросил раскрытую луковицу брегета на столик, прислонился спиной к жаркой стене и прикрыл глаза. Время шло. Звук убегающих секунд изматывал нервы.

Вдруг в коридоре послышались шаги, и дверь без стука отворилась. Бессонов встрепенулся, но вместо знакомой лысины и бороды наткнулся взглядом на широченную грудь в черном

бушлате. Пулеметные ленты крест-накрест перетягивали ее. Ниже обосновался флотский ремень, за который были заткнуты три гранаты. На боку моряка в деревянной кобуре висел маузер.

Бессонов поднял глаза. Губастый и лупоглазый чухонец хмурил брови. На рыжей макушке волшебным образом держалась лихо заломленная бескозырка. «Петропавловск» успел прочитать Бессонов золотые буквы на ленте.

Ряженый матрос окинул взглядом предбанник. Удовлетворенно причмокнул и сделал шаг в сторону.

— Прошу прощения за задержку, — прокартавили из коридора, и в комнату влетел Старик. — Чертовски трудно найти мотор, не привлекая внимания!

Бессонов нахмурился. Финский головорез никак не вписывался в задуманный тет-а-тет.

— А чего пулемет не захватили? — ухмыльнулся Бессонов.

Старик скинул на лавку пальто и поправил галстук модной в Австрии гороховой расцветки. Глаза его задорно сверкнули.

— Обождите в коридоре, товарищ, — кивнул он чухонцу.

Финн напоследок смерил взглядом Бессонова, вынул маузер и скрылся за дверью.

— Ну, здравствуй, Бес, — присел напротив Старик. — Сколько лет!

Бессонов отлепился от стены и подался вперед:

— Может, покончим с этим без прелюдий?

— Даже чаю не попьем? — хохотнул Старик, но тут же взгляд его сделался острым, как лезвие золингеновской бритвы. — Принес?

Бессонов положил в центр стола завязанный узлом носовой платок.

— Теперь все? — просипел он.

Лицо Старика разгладилось. Взгляд потеплел. Глаза снова сделались живыми и прищурились.

— Квиты, — подтвердил Старик.

Бессонов медленно, стараясь не делать резких движений, поднялся с лавки. Уже перед дверью он обернулся:

— А твой балтийский приятель мне в затылок не выстрелил? А, Старик?

Тот возился с узлом.

— Ну о чем ты, Бес? — поднял он голову и спрятал улыбку в бороду. — Ты же знаешь, я слово свое держу. Квиты — значит, квиты.

Бессонов, не прощаясь, вышел.

***

Дверь в предбанник затворилась.

Владимир Ильич жадно разглядывал вожделенный трофей. Серебристая фигурка Орла была на ощупь холодной. Мелкие ледяные иголки тихонько покалывали потную кожу ладони.

Ленин завернул артефакт в платок и сунул в кармашек жилета.

— Молодцом, Бес, — уважительно хмыкнул Ильич. — Думал, не потянешь. А ведь таки справился! Молодцом! — повторил он и надел пальто. — Архивовремя!

До Первого Всероссийского съезда Совета рабочих и солдатских депутатов оставалось меньше недели.

АЛЕКСАНДР САЛЬНИКОВ

Родился и живёт в Ухте. Кандидат технических наук, доцент Ухтинского Государственного Технического Университета. Любил фантастику с детства, а писать начал около десяти лет назад ради развлечения. Участвовал в сетевых конкурсах, публиковался в профильных журналах и сборниках.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	7
Глава первая. Незваный ленч.....	13
Глава вторая. Револьверы из прошлого	29
Глава третья. Последний настоящий алхимик	50
Глава четвертая. Туркестанский должник.....	72
Глава пятая. Охотник за вольными каменщиками	97
Глава шестая. Первый выстрел революции.....	120
Глава седьмая. Неоправданные ожидания	146
Глава восьмая. В лабиринтах отчаяния	172
Глава девятая. Зарево бунта.....	192
Глава десятая. Именем революции!	209
Глава одиннадцатая. Святые и грешники	230
Эпилог	255

Многопользовательская онлайн
стратегия по мотивам литературного
сериала «Этногенез»

www.voina.ru

Литературно-художественное произведение

Александр Сальников

РЕВОЛЮЦИЯ 2

Книга вторая

Начало

Руководитель проекта Константин Рыков

Редактор Вадим Чекунов

Корректор Наталья Витько

Выпускающий редактор Дмитрий Гусев

Арт-директор, автор обложки Алексей Гонтов

Вёрстка Эрик Брегис

Аудиоверсия: Андрей Градобоев, Роман Галушкин

Правовое сопровождение: Юлия Полянцева,

Алексей Наказной-Хоменко

ООО Издательство «Этногенез»

Россия, 127055, г. Москва, Угловой переулок, д. 4

тел. / факс: +7 (495) 660 04 67

www.etnogenez.ru

Подписано в печать 07.10.13 г. Формат 164x215

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура CharterC 12 pt

Условных печатных листов — 17

Заказывайте книги почтой в любом уголке России:

123022, Москва, а/я 71 «Книги-почтой»

или на сайте www.shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:

тел./факс: +7 (495) 259-60-44, 259-41-71

Издательская группа АСТ

www.ast.ru

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Информация по оптовым закупкам: +7 (495) 615-01-01, факс: +7 (495) 615-51-10

zakaz@ast.ru

Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленного электронного оригинал-макета

в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980 Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14

тел.: (8422) 41-11-07

факс: (8422) 41-11-32